

ВЕНЕР

Все просто

Тина Джель

Несколько лет выматывающих душу отношений. После аварии, в которую я попал из-за её богатого любовника, меня собирали по кусочкам. Я пытался её забыть и у меня это даже начало получаться, но это сообщение: «Я беременна. Это твой ребёнок. Забери меня от него» — опять выбило почву из под моих ног. Мы не можем быть с ней вместе и без неё я тоже не могу. Есть ли выход?

Пролог

Открываю глаза и сразу хочется сдохнуть. Малейшее движение, отдаётся дикой болью в голове. Во рту и горле всё пересохло и полное ощущение, что кто-то нагадил. Противно. И жутко хочется пить.

Пытаюсь вспомнить события минувшей ночи, с трудом поворачивая голову, в поисках доказательств: перед глазами расплывается Наташкин голый зад.

Зачётная у неё задница — первая мысль, что приходит в голову. Не то что, кости обтянутые кожей, с которыми приходится работать. Значит, жив — делаю вывод и заглядываю под простынь — в трусах. Очень жаль. Выходит всё, что было вчера, не сон. Лучше б я сдох.

С этой оптимистичной мыслью бросаю сразу две таблетки аспирина в бутылку с водой и терпеливо жду, пока улягутся пузырьки, наблюдая за лёгким фейерверком, отдающимся сейчас адской болью в моей голове. Наконец вливаю в себя успокоившийся чудо-коктейль и почти с облегчением откидываюсь на подушку в ожидании живительного эффекта.

На смену медленно отступающей головной боли, приходят неприятные воспоминания, отдающиеся уже болью в сердце.

Осторожно тяну руку за телефоном, стараясь минимизировать последствия бурной ночи, всё ещё надеяться на чудо, но... — нет. Чудес не бывает. На экране телефона так и висит её сообщение:

«Я беременна. Это твой ребёнок. Забери меня от него»

Закрываю глаза. Не хочу просыпаться...

Наверное, никогда уже не смогу забыть её слова, которые услышал в ответ на моё предложение выйти за меня замуж: «ты же инвалид! Даже стриптизом сейчас не сможешь подрабатывать. На что мы будем жить?» — выдала мне она, не моргнув глазом, после того, как громко стонала от моих ласк и просила не останавливаться...

Собранная по кусочкам нога, начинает нестерпимо ныть, перебивая жуткую боль в голове. Но никогда в сердце. Растираю грудь руками, чтобы избавиться от, ставшей уже хронической, болевой точки.

Кидаю взгляд на Наташу, сладко посапывающую, свернувшись калачиком на противоположном краю кровати.

Аккуратно встаю и прихрамывая, как всегда, когда вспоминаю её, ковыляю в душ.

После её сообщение, решил тупо нажраться, разделив своё одиночество и боль с хостес-девочкой в ночном клубе. Они идеальные собеседницы для тех, кто хочет излить душу.

После нескольких бокалов, мы уже обнимаемся с ней, как старые приятели, и я выливаю в её уши, всё то дерьмо, что скопилось у меня внутри. Она молча слушает, иногда что-то говорит, всхлипывает и разрешает трогать свои сиськи, сама уже еле ворочая языком от принятого алкоголя. Завтра она ничего не вспомнит. Завтра у неё будет другой. Такой же,

как я, одинокий, с израненной душой. Здоровые к ним не ходят.

Я бы тоже сейчас хотел всё забыть. Но нет,...я помню.

Холодный душ немного приводит в чувство. От тяжёлых мыслей, правда, не избавляет, но от них и нет лекарств. Надеюсь только на время...

Быстро одеваюсь. Отсчитываю деньги, кладу их на тумбочку и иду на выход. У меня сегодня ещё куча дел. Успеть бы.

— Ты оставил мне деньги... — недовольно окликает меня Наташа.

Поворачиваюсь: сидит, насупилась.

— Мало? — я вроде не пожалел, но кто знает...

— Я не проститутка, — надула пухлые губки.

Молоденькая совсем...

— Я знаю, — не хочу её обижать. — Возьми выходной, ты мне очень помогла вчера.

Открываю дверь.

— Венер, — оборачиваюсь. — Я не Наташа

— Оо... — удивлён. Неудобно получилось, — почему сразу не сказала?

Пожимает плечами:

— Да ты и не спрашивал, думала тебе просто так нравится...

— И как же тебя зовут, прекрасная незнакомка? — не буду же ей сейчас объяснять, что тут, каждая вторая соотечественница, стоящая на дороге или работающая в ночном клубе — Наташа. Я привык. Пришёл в клуб, имя сказал, мне подогнали.

— Николь — отвечает, расплывшись в довольной улыбке.

— Мне пора, Николь. Отдыхай. Номер оплачен, завтрак включён.

— Венер, — опять зовёт. — Ещё придёшь?

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Уезжаю сегодня. — не хочу её обнадеживать. И обижать не хочу.

Знаю, как это больно, любить того, кому ты не нужен...

Глава 1

В гостиной на диване валяется полумёртвый Алехандро. Немного безумный испанец, с которым мы делим апартаменты в Милане. Обычно он подсакивает при виде кого либо живого и начинает без умолку трещать. Но сегодня только вяло приподнимает руку и что-то нечленораздельное мычит мне вслед, не в состоянии на большее. Неплохо они так отметили конец адской недели — подумал про себя, махнув рукой в его сторону и, не останавливаясь, прошёл к себе.

Не сомневаясь ни минуты в своих решениях, достаю чемодан и начинаю забрасывать в него всё необходимое.

Я должен с ней поговорить. Если это действительно мой ребёнок, она просто обязана от него уйти.

Шесть месяцев мы не виделись. Специально домой не ездил, чтобы где-нибудь ненароком с ней не пересечься, как это было в последний раз, когда мы столкнулись в ночном клубе, во время моего кратковременного визита по случаю свадьбы друзей. Не планировал я тогда с ней встречаться. Не звонил ей, после нашего последнего разговора. Всеми силами пытался выбросить её из головы и начать новую жизни — без неё. Но все бастионы, тщательно возводимые мною, рухнули в момент, как всегда, при её появлении. Надо что-то с этим делать. Надо как-то освободиться от этого наваждения, по имени Зоя.

В горле опять всё пересохло. Резко становится невыносимо плохо, даже подташнивает.

То ли с похмелья, то ли от воспоминаний.

Иду на поиски воды, чтоб удовлетворить потребности организма, но в этом доме сегодня — пустыня.

— Блять, — разочарованно поднимаю пустую бутылку с пола и пуляю её в труп соседа. Всё выпил сволочь...

Александр открывает один глаз и грозит мне пальцем. За время, что мы живём вместе он выучил несколько русских слов, естественно матерных. И «блять» — было одним из первых.

Не обращаю внимания на его ворчание. Иду на кухню и припадаю к кухонному крану. После вчерашнего, меня никакой микроб не возьмёт. В голове тут же возникает аппетитная картинка ароматных, свежесваренных щей, повлёкшая за собой громкое урчание в желудке. Сглатываю скопившиеся слюни во рту. Домой хочу, к маме...

— Ты чего не сказал, что не придёшь? — доносится из-за спины голос соседа.

— Не знал, — отрываюсь от крана.

— Уезжаешь?

— Ага, — разворачиваюсь в его сторону, — мы с тобой договаривались, что баб сюда не приводим, бардак здесь не устраиваем и, если что, за собой всё тщательно убираем. Понял? — тычу в него пальцем. Он пытается ржать, но сразу же хватается за голову... и выдаёт тираду на родном, испанском, прекрасно понимаемую мной без перевода.

Терпеть не могу беспорядок. Бесит. Мы хоть и жили бедно, но дома у нас была всегда идеальная чистота. Когда маленькими были, мама сама всё делала, спать не ложилась, пока полы не помоеет. И нас с детства к порядку приучала. Когда подросли, мы ей конечно уже помогали, особенно я, как старший. И полы мог помыть и постирать и с сестрой посидеть. Видел, как она устаёт, пытаюсь нас прокормить и одеть, чтобы не хуже, чем у всех было. Папаша наш исчез, Алинка ещё маленькая совсем была. Нашёл кого-то себе, так и не вернулся. Ненавижу его...

Мама никогда не жаловалась на свою жизнь и никого не искала больше. Всё свободное время с нами проводила. Когда-то, чтобы её не обижать, пошёл в хореографический колледж после седьмого класса. Так она балет любила. Все партии наизусть знала, которые её любимый Владимир Васильев танцевал. Да и на бюджет меня сразу взяли, выбора особого не было. Хотелось хоть как-то облегчить ей жизнь. Она итак выматывалась на нескольких работах. Только сейчас, можно сказать, вздохнула, когда я нормально стал зарабатывать. Здоровье только угробила.

Скучаю по ней и на себя злюсь. Из-за любви своей ненормальной, последнее время домой не ездил. Неправильно это. Не должны близкие из-за меня страдать.

— Ты домой? — отвлекает от горьких мыслей Александр.

— Да...

— Когда меня с собой возьмёшь? С русской красавицей хочу познакомиться, — растягивает губы в блядской улыбке, сверкая, такими же глазами.

— Тебе здесь красавиц не хватает?

— Не... это всё не то.... Хочу настоящую. С сестрой меня познакомь, — вдруг оживает и даже голову от барной стойки пытается отодрать. Пока безуспешно, правда...

Кукиш к его носу подношу:

— Видел?

— Ви, ты чего, думаешь, что я совсем придурок, не понимаю разницы?

— Так и думаю, — оскаливаюсь.

— Ты не прав, амиго...

— Даже проверять не хочу...

— Когда возвращаешься? — доносится уже в спину...

— Через неделю, — поворачиваюсь — И в комнату мою не заходить, даже одному.

Понял? — показываю кулак. — прибью, если узнаю.

— Скучать буду друг, — ржёт, придерживая голову двумя руками.

Выезжаю пораньше, надо поесть ещё заскочить. Желательно, куда-нибудь к своим. Рис и спагетти мне сейчас не зайдут вообще, только хуже сделают.

Мои так и не отвечают. Ни мама, ни сестра. Что у них там сегодня случилось? Забастовка?

Начинаю волноваться, как всегда, когда не могу до них дозвониться.

С облегчением выдыхаю, услышав в трубке басок боевой подруги по бывшей работе:

— Душа моя...

— Ты чего хотел? — рыкает в трубку Зубайда.

— До Лёхи не могу дозвониться...

— Ничем не могу помочь, — перебивает...

— Ты занята что ли?

— Венер, не тяни кота за хвост, чего тебе?

— Мои не отвечают, хотел попросить сгонять до них...

— Ааа, — успокаивается, — нормально всё, на даче они. Вчера вечером созванивались, тоже не сразу дозвонилась. Знаешь же, Гульназ не берёт с собой телефон на грядки. Не очень-то удобно жопом кверху, с телефоном ходить...

— Сестра тоже на грядках?

— Отстань от девки, дела у неё...

— Какие такие дела у неё могут быть, чтобы брату не отвечать, интересно? — Давно по ходу, я дома не был. Надо бы разобраться...

— Я же тебе сказала, нормально всё. Сегодня созвонюсь, сброшу тебе сообщение. Если у тебя всё, то давай уже, закругляйся...

— Нет, меня встретить надо...

— Когда?

— Завтра...

— Скидывай номер рейса, встречу — и отключилась.

Глава 2

Басы взрывают зал. Диджей стоит у руля космического корабля. За его спиной — звёзды. На экранах — панель управления: скорость, давление, какие-то цифры. В невесомости плавают девочки в коротеньких юбочках, вызывая оголя все свои прелести.

Одна из них медленно плывёт в мою сторону. Мне по большому счёту, всё равно, с кем сегодня улететь на неизвестную планету...

Делаю шаг в её сторону и в ту же секунду чувствую на себе руки, обнимающие меня со спины. Я её ещё не вижу, но уже знаю, кто это...

Первая мысль — бежать. Но я не могу: мозг расплавился, ноги больше меня не слушаются. Я не знаю, как она меня нашла, но это уже совсем не важно. Обхватываю её ладони своими, с силой потянув их на себя и чуть запрокидываю голову назад. Она крепко прижимается к моей спине, в нос моментально врывается её аромат, не сравнимый, ни с чем и ни с кем. Всё, поздно. Уже не убежать... Я попал в её сети...

Ещё пару минут назад, я был пьян в драбадан, повеселившись от души на второй свадьбе своих друзей, но сейчас я трезв, как стёклышко. Только себе больше не принадлежу. Как всегда, когда она рядом.

Разворачиваюсь к ней лицом, смотрю в её ведьминские глаза, сверкающие, как две самые яркие звезды на этой тематической вечеринке и жадно впиваюсь в её губы. Чёрная дыра засасывает нас в себя всё сильнее и сильнее Мы стремительно летим туда вместе с ней, слившись в одно целое, наплевав на опасность...

Она — моё наваждение, которое невозможно контролировать.

Сажусь на крышку унитаза в мужском туалете клуба, потому что соскучился и потому что хочу видеть её лицо, когда её трахаю. Судорожно пытаюсь одной рукой натянуть презерватив на член, пальцы второй, по одному, ввожу в её влажную глубину, отодвинув тонкую полоску стринг...

— Я пью таблетки — чуть слышно выстанывает мне на ухо, сдёргивая с меня наполовину натянутую, резинку, бросая её на пол. И начинает медленно на меня насаживаться... Это космос...

Стискаю её бёдра двумя руками, надёжно фиксируя на себе, закусывая свой стон её охренительным соском. Стараюсь себя сдерживать, чтобы не сделать ей больно, но получается не очень... Когда она рядом, мозг слетает с катушек, контроль исчезает полностью....

Впиваюсь пальцами в её ягодицы, регулируя её движения на мне: не хочу, чтобы всё закончилось быстро, хочу растянуть наше удовольствие и запомнить её лицо.

Пряжка ремня, впивается ей в ногу, когда она садится на меня полностью, на всю длину... Скорее всего, завтра на её упругой заднице проявятся синяки, но это будет завтра. Сегодня я не в силах выпустить её из своих рук... Сегодня мне плевать на всё

Не чувствую как она впивается зубами в моё плечо, перед тем как улететь вместе со мной в открытый космос. Только ещё крепче вжимаю её в себя, глуша свой стон на её груди...

Мне мало... И я опять готов...

— Идём отсюда, — стискаю её в своих руках

— Не могу... — но меня уже не остановить...

Не жду, когда прекратятся её конвульсии и всхлипы. Встаю, разворачиваю её спиной и вхожу...

Толчок, ещё толчок...

Блять, что за херня? — хватаюсь за голову и резко распахиваю глаза...

— Извините пожалуйста, — говорит голова девушки торчащая из-за спинки кресла напротив, испуганно пялясь на мою вздыбленную ширинку, рядом с которой лежит детская игрушка — розовый пони.

Молча протягиваю её девчужке пони, по-идиотски улыбаясь, нескладно пытаюсь прикрыть пледом бугор между ног.

Пи*дец просто — ругаюсь про себя, косясь на соседней.

Взрослые итальянские синьоры, сидящие рядом, тихо шепчутся между собой на своём и, кажется, улыбаются. Они не знают, что я их понимаю, но похоже им понравилось представление. Они не в обиде. Вот и славно. Облегчённо выдыхаю, но между ног всё ноет и успокаиваться никак не желает... Торкнуло, по ходу, всерьёз и на долго...

Синьора, сидящая рядом, поворачивается ко мне и озорно улыбаясь, кивает

подбородком в сторону туалета...

Охреть! — застряло в горле. Она даже не мама — бабушка. По-видимому, в моих глазах отобразилось совсем не то, что я хотел бы им сказать, потому как вторая синьора, участливо наклонилась, посмотрела на меня, и показала рукой в ту же сторону...

Приличные слова неожиданно закончились, а в горле опять всё пересохло...: так на групповушку меня ещё не приглашали...

Нет, меня мама, конечно, хорошо воспитывала и я никогда не грубил дамам старше меня в три раза, но сейчас я готов их послать на всех языках, которые знаю.

Только было открыл рот для серьёзной беседы, как обе думы, одновременно подскочили со своих мест и громко заржав начали вопить на весь салон самолёта: «иди, иди» — на английском, с итальянским азартом, размахивая руками в сторону туалета...

Бля*ть, повторил я в очередной раз. Схватил журнал, прикрыв им, всё ещё выпирающий детородный орган и пошёл «читать» в сортир, чувствуя своей спиной пристальные взгляды любопытствующих. Похер. Я их больше никогда не увижу.

Несказанно повезло, что желающих разделить со мной очередь, не было и всё прошло, на удивление, быстро, принесся, наконец, долгожданное облегчение. Померкли даже ненадолго воспоминания о виновнице этого неожиданного самолётного удовольствия.

Выходил из туалета — морда кирпичом, улыбка до ушей, как положено на сцене, когда накосячишь. Подмигнул девочке с розовым пони. Она радостно засмеялась и спрятала счастливую мордашку маме подмышку. Улыбнулся синьорам и уселся на своё место...

Но она же говорила, что пьёт таблетки — вспоминаю, уткнувшись носом в иллюминатор, не обращая ни на кого внимания. Врала? Зачем? Сама же меня забракела и отправила в утиль...

Ладно, надо разбираться, что сейчас думать и рассуждать. Всякое может быть. С таблетками тоже залетают...

Глава 3

Около семи лет назад

Мне двадцать и несколько месяцев назад я благополучно дембельнулся из рядов нашей доблестной армии. Службу проходил, как положено всем балерунам и танцорам, в ансамбле песни и пляски имени А. В. Александрова, где мог бы остаться служить и дальше. Но мама, в последние годы, стала жаловаться на здоровье. Сестра ещё маленькая — пришлось возвращаться в родные пенаты и попытать счастья в нашем, республиканском ансамбле народного танца. Взяли сразу. Мужики здесь в дефиците, проблем с поступлением не было. Единственное неудобство: перед некоторыми концертами приходится красить волосы в чёрный цвет, потому что я — рыжий, как мама. Говорят, что рыжие счастливые — не жалуясь. Мне всё нравится.

Ещё бы мама не болела, было бы вообще всё в шоколаде. Ничего, сейчас начну зарабатывать, и ей не нужно будет больше убиваться на нескольких работах. Хоть отдохнёт немного. Всю жизнь пашет, как проклятая, чтобы мы с сестрой ни в чём не нуждались. И до сих пор бредит балетом.

Кода-то, она неплохо танцевала, но связалась с моим папашей и вынуждена была завязать. Я — воплощение её мечты. Не хочу её разочаровывать, хотя с детства фанатею от мотоциклов.

Иду по коридору, после репетиции, насвистывая незамысловатую мелодию, мечтая о вечере и какой-нибудь горячей девочкой...

Из класса, где проходит просмотр кандидатов, торчит аппетитная попка на бесконечных ногах, в шортах чуть больше трусиков... Мозг моментально отключается и между ног начинается независимая от него жизнь. Блять, — уже несколько месяцев, как дома, а смотреть до сих пор на девчонок спокойно не могу...

Лечу на её торчащую попку, как бык на красную тряпку — ничего вокруг больше не вижу. Подхожу, почти вплотную, вдыхаю её терпкий, манящий аромат — голова кружится.

— Ты кто? — спрашиваю, наклоняясь к её уху, но руками не дотрагиваюсь...

— Дед Пихто, — произносит шёпотом, разворачиваясь ко мне лицом, смешно вытаращив невероятные глаза, в которых скачут бешеные чертята...

Она ещё прекраснее, чем я себе нарисовал в своих мыслях пока до неё шёл.

— Что ты здесь делаешь? — продолжаю шептать, поигрывая бровями.

— Подругу жду, — так же шёпотом отвечает, расплываясь в сногшибательной улыбке.

В этот миг, дверь класса неожиданно распаивается, она делает шаг назад и оказывается в моих руках. Сглатываю моментально скопившуюся во рту слюну и неожиданно теряюсь от её близости, сжимая руки на её талии. На мгновение она замирает, но тут же выпутывается из моих рук, делая бёдрами восьмёрку. Да охренеть просто!

Прямо на нас выскакивает совершенно очаровательное создание, с огромными глазами испуганной лани, чем-то похожая на мою младшую сестрёнку. И смущённо улыбаясь, смотрит на подругу... на меня... опять на подругу.

— Дин, ну что? — переключается объект моего внимания на «лань».

— Сказали, чтобы приходила на репетиции, — пожимает плечами, — вдруг кто-то заболел или ещё что-нибудь... И с детьми заниматься, — почти шёпотом добавляет. И посмотрев на меня, заливается пунцовым румянцем...

Детский сад — думаю про себя, — даже не верится, что они подруги. Такие разные, как небо и земля.

— Может поговорить с ними? Что-то грустенькая перспективка. Хочешь? — предлагает красotka.

Стою рядом, тихой тенью, продолжая откровенно её разглядывать, а в голове только одна мысль: я должен с ней встретиться. Непременно.

— Да ладно тебе, — машет рукой Дина, косясь на меня, — я и этому рада. Мне сказали, чтобы я с документами приходила. Если меня официально оформят, то мне родители разрешат переехать, — сжимает кулачки, прикусывая пухлую губку.

Я невольно улыбаюсь от её реакции — такая детская непосредственность, редко встречается в наше время. Может и хорошо, что её не взяли сразу в основу — загрызут же наши акулы, места живого не оставят. А она зелёная ещё совсем. У нас хоть администратор и следит за дисциплиной строго, но за всеми не уследишь.

— Оо, — восклицает красавица, — это дело надо отметить и я, наконец, отмираю.

— Девчонки, а приходите сегодня вечером в «MUSIC HALL», я вас встречу, проведу бесплатно. Там сегодня просто офигенная программа, билетов уже нет, но у вас появился прекрасный шанс попасть на эту закрытую вечеринку. И отметить победу... — смотрю на «лань», сам думаю про красotka.

— Да ладно? Прямо проведёшь? — она разворачивается ко мне и смотрит на меня, горящим, заинтересованным взглядом...

— Прямо проведу... — расплываюсь в улыбке. — Я работаю там. Спокойно могу друзей приводить.

— Дин, идём, — поворачивается опять к подружке... — я смотрела программу, там сегодня, и правда, закрытая вечеринка, все сливки города собираются...

Сам не понял, почему мне так не понравилось, как она про «сливки» сейчас сказала.

— Ты что, я не могу. Я же к родителям вечером уезжаю. Они не разрешили мне здесь оставаться на выходные. — шепчет Дина.

— Я приду, — не раздумывая соглашается красотка, — меня Зоя, кстати, зовут, а тебя?

— Венер...

* * *

Жизнь прекрасна и полна неожиданно-приятных сюрпризов. Сегодня вечером у меня встреча в клубе, с самой красивой девушкой на свете. У меня есть неплохая работа. А на днях прилетает из Лондона, мой лучший друг — Лёха. Я счастлив!

По вечерам, вернее по ночам, я подрабатываю стриптизом, в нескольких ночных клубах нашего города. Время занимает немного, а деньги мне сейчас очень нужны. Хочу оплатить маме нормальное лечение, да и сестре скоро поступать, пора уже деньги копить. Надо, чтобы она получила нормальное образование. С танцами у неё не срослось — не хватило данных, мама всё мне подарила. Приходится теперь отдуваться за всех.

Говорят, я хорош в этом деле. Тарзан — рядом не стоял, да и староват он уже для такой работы. Предложений море. От некоторых приходится даже отказываться. А в клубе сегодня действительно сногшибательная вечеринка. Какой-то крутой чел привёз лучших диджеев и собрался весь цвет нашего города.

А я в предвкушении встречи с Зоей...

Она пришла. И даже не опоздала. Я встретил её на входе и пока вёл, за руку, за столик, сердце моё колотилось так, как будто я только что оттанцевал молдавский «Жок». Мужики сворачивали головы, бросая на меня завистливые взгляды и похотливые на неё. А мне, неожиданно, захотелось утащить её в норку. Подальше от всех.

Она была великолепна в своём маленьком платьице, выгодно подчёркивающим идеальные формы, копной каштановых волос, волнами спадающими на плечи, горящими ведьминскими глазами и ароматом, выносящим напрочь мне мозг...

Не хотел её оставлять одну, но деваться некуда — работа. Попросил официанта принести для неё, то, что она выбрала. Сказал ей, чтобы не стеснялась и заказывала себе всё, что захочет. И, скрепя сердце, поплёлся в гримёрку.

Освободиться быстро не получилось. Несколько раз пришлось выходить дополнительно, но зато улов был на славу — полные трусы. Пока был на сцене, постоянно держал её в поле зрения, подходил к ней — она подыгрывала, заводя меня и всех окружающих не на шутку.

А потом, я её не нашёл — пропала бесследно. За баром сказали, что она ушла с каким-то мужиком, в неизвестном направлении.

Я не сразу тогда понял, что «попал», но в тот вечер, мне больше никого и ничего не хотелось. Расплатился за неё и ушёл.

А потом я её встретил вновь...

Глава 4

— Ты когда успел? — смешком встречает меня Зубайда, когда я появляюсь перед ней с ребёнком на руках, а мама девчушки, семенящая рядом, сжимается в маленький комочек от её грозного вида.

— Долго ли умеючи-то, — говорю, а сам о своём думаю. И пытаюсь увернуться от розового пони, которым мне, в этот момент, настукивают по голове.

Эта проказница не давала мне спать весь полёт, изводя маму и всех окружающих своим баловством. А некоторых, не буду показывать на них пальцем, даже поставила в неловкое положение. «Неловкое положение», правда, могло случиться и без неё, с такими-то снами. Возможно не так много зрителей удалось бы собрать. Но ладно, теперь уж, как есть. Зрители вроде не обиделись.

Предложил молодой маме помощь, когда увидел, сколько ей всего на себе тащить придётся. Вообще плохо понимаю, как женщины с такими малютками в путешествиях справляются. Она сразу же начала скромно отнекивалась, но ребёнок всё решил за неё — сам на ручки потянулся и теперь вот, в знак благодарности, пытается раздолбать мне мою больную голову, своей игрушкой.

— Давайте, я сама, — испуганно протягивает руки мама девчушки, но у ребёнка другие планы на ближайшее будущее — она вцепляется в мои волосы и начинает недовольно верещать на весь аэропорт...

— Я провожу, где твои? — сдаюсь. Не выношу детского плача.

— Ладно, ясно всё с тобой — рыкает Зубайда. В очередной раз пугая до полубоморочного состояния девушку — разбирайся здесь пока со своим детским садом, в машине тебя жду. Только недолго. — и удаляется...

Сдаю ребёнка с рук на руки какому-то мужику. Не слушаю благодарности, которые летят мне уже в спину. Бегу на выход, гремя колёсами чемодана.

Родной воздух врывается в лёгкие сладко-горькими воспоминаниями. Соскучился по всем, до трясушки. По маме соскучился. Здоровый лось, а по мамке своей, до сих пор, дико скучаю. Никто мою мамулю заменить не сможет...никогда.

— Куда Лёху дела? — запрыгиваю в машину, затолкав чемодан в багажник.

— Не спрашивай... — с непробиваемым видом, отвечает Зубайда, искусно выкруливая со стоянки одной рукой, в другой держа сигарету.

— Ну чё, понятно всё, — пристёгиваюсь и не смотрю на неё. По голосу чувствую — что-то неладно.

— Ты чего прилетел так неожиданно? Не планировал же...

— Не спрашивай... — приоткрыл окно и высунул нос, вдыхая родной воздух. Надыхаться не могу этим цветочно-медовым ароматом, которого мне так не хватает в Европе.

— Мы расстались — говорит, затушив, наконец, свою соску.

Закрываю окно и сажусь ровно:

— Она беременна...

— Хочешь сказать, от тебя? — спокойна, как ни странно.

— Говорит, что — да...

— Пи*дец ты попал, — коротко, но ёмко выдаёт свой вердикт. — Что делать будешь?

— Что обычно делают, когда подруга залетает? — поворачиваю голову в её сторону... — Я не знаю, скажи мне... — Делаю идиотское лицо и развожу руки по сторонам.

Непереводимую конструкцию, в её исполнении, в другой ситуации я бы обязательно записал для Алехандро, но сейчас мне не до этого. Ежу понятно, что ситуация у меня: всем пи*дцам — пи*дец.

— А ты когда успел-то, вы же не виделись год, больше даже. Ты не обсчитался вообще? Или она, как слониха, по два года вынашивает? — игнорирует мой выпад. Абсолютно

спокойно начинает выдавать мне свои умозаключения, но в конце, неожиданно, взрывается: — подруга! Ты уверен, что она тебе подруга?

Мне неприятно всё это слышать и говорить тоже неприятно. Морщусь, но отвечаю...

— На свадьбу когда приезжал...

— Ух tych ж, котяра облезлый. Ты же мне тогда клялся и божился по пьяни, что с Зоей покончено навсегда. Я тебе поверила, как дура, а ты что, взял и к ней попёрся? Тебе, пипирку свою неугомонную, некуда было сунуть? Никого другого не нашёл? У нас что, баб мало? Или ты резинками так и не научился пользоваться, неуч — как из рога изобилия летят в мою сторону возмущения... На эмоциях она втапливает педаль газа в пол и летит по трассе, набирая запредельную скорость...

— Эй, ты там поаккуратней, я жить ещё пока хочу, — тихонечко хлопаю её по плечу, — у меня мама есть, сестра, ребёнок вон скоро родиться... Угробить меня хочешь раньше времени? Не искал я её, успокойся. Она сама меня нашла...

— Нет, не могу поверить! — не успокаивается, но скорость сбрасывает, — только не говори мне сейчас, что ты после всего, что она с тобой сделала, хочешь на ней жениться. Даже слышать этого не хочу. И не надейся, — я на свадьбу к вам не приду. Тебе перечислить, кто ещё не придёт? — никто! — подытоживает она, поворачиваясь ко мне, а я пальцем показываю ей на дорогу. — Но я вообще не уверена, что это твой ребёнок...

— А если мой?

— Тогда, она сука, специально это сделала, точно тебе говорю. Твоя морда наглая висит у нас сейчас на каждом повороте. Она прочухала, что ты теперь парень с деньгами и подсуетилась... И мне насрать, чей это ребёнок. Блять, зуб даю, я собственноручно подвешу её вниз головой, за ноги на самом высоком дереве... И тебе буду постоянно напоминать, что когда ты был нищим, она тебя послала, ты ей был не нужен... Не помнишь? — зло на меня зыркает.

Вытягиваю ногу, которая по сложившейся уже недоброй традиции, начинает нестерпимо ныть при воспоминании о ней и отворачиваюсь в окно. Сам понимаю, что тогда тупо — попал, но сейчас уже ничего не поделать. Всю свою жизнь ненавидел отца, который ушёл от нас. Я не такой. Я не смогу бросить своего ребёнка.

— У неё просто детство было не из лёгких, её можно понять...

— Ох, блять, — перебивает, — а ты у нас, конечно, с золотой ложкой во рту родился... Венер, не беси меня, а то я тебе сейчас задушевную историю про своё детство расскажу, обрыдаешься. Она просто человек — говно, детство здесь не при чём. Не надо её оправдывать...

— Ладно, — сдаюсь. — Разбираться надо, что сейчас об этом говорить. Она вообще с кем живёт, не знаешь?

— Всё с тем же... — успокоилась немного. — Тоже вопрос, знаешь, если он её не попёр на все четыре стороны... — замолкает на минуту. Тоже уже думал про это, но мало ли... Не видел её шесть месяцев. Не разговаривал с ней ещё больше. — Может ей просто старпёт надоел и она решила вот такой ход конём сделать? Если всё так, как ты говоришь, то срок то у неё ого-го уже, ничем не спрятать...

— Не знаю. Всякое может быть — соглашаюсь. — Маме только не рассказывай ничего пока. Когда уверен буду во всём, сам уже как-нибудь разберусь. — Сердце затрепыхало при виде родного дома.

— Пф... — фыркает Зубайда. — Я бы на твоём месте вообще ей ничего не говорила.

нервы её поберегла...

— С Лёхой-то что? — рискнул спросить и заодно с больной темы съехать.

— Отпустила я его. Уезжал, но говорят, вернулся. Найди его... Проверь, как он...

— Конечно. Зайдёшь?

— Поеду. Вон Гульназ тебя уже на улице ждёт. Не буду вам мешать... И позвони мне завтра — бросает уже в спину.

Мамочка моя бежит мне навстречу...

Глава 5

Комната моя так и обклеена постерами и плакатами мотоциклов, которыми я болею с детства, несмотря на профессию. Мама ничего не тронула, как я и просил. Тут есть кажется все великие: от дедушки Джона Сертиса и Джакомо Агостини до Марка Маркеса, с которым я даже умудрился познакомиться, благодаря Алехандро — моему соседу по миланским апартаментам. Ну и особым почётом, конечно, пользуется Марко Меландри на Кавасаки, несмотря ни на что. Люблю я этих японцев...

Стою, рассматриваю всё это великолепие, и воспоминания обрушиваются на меня, сбивающей с ног, лавиной...

Когда «лань», каким-то чудом перевели в основной состав нашего коллектива, сделал всё возможное и даже невозможное, чтобы её отдали мне в партнёрши. На неё многие тогда рот разинули: хорошенькая, неопытная, чистая — почему бы не приударить. Молодых, свободных и горячих у нас всегда много было, да и несвободные не отказались бы её под своё крылышко забрать. Помогла администратор, хотя мы тогда с ней не особо ещё дружили — я несколько месяцев всего работал там. Это потом уже, Лёха, друг мой, каким-то чудом нашёл к администратору нашему, близкий подход, и завертелось... У всех завертелось.

Несколько месяцев уже прошло с нашей первой встречи с Зоей, я забыл почти про неё, но когда её увидел — вспомнил всё, до мельчайших подробностей. Не мозгами вспомнил, — нет, чем то другим вспомнил...

У нас корпоративчик был небольшой, уже и не припомню, по какому случаю. Прямо на работе, в буфете филармонии, решили посидеть. Она зашла, вместе с Диной и сердечко моё, при виде её, заколотилось с такой силой, что уши заложило. Кровь прилила ко всем органам моментально, не позволяя спокойно ни дышать, ни сидеть...

Мужественно дождался пока она немного выпьет, расслабится. И подошёл к ней. Как раз и Дина куда-то ушла в тот момент:

— Ты куда это тогда пропала, а? — тихо на ухо ей говорю, вдыхая её офигенный аромат...

— О... Венер, — разворачивается и улыбается, как ни в чём ни бывало, — да там так получилось, а ты искал меня, да? — я аж а*уел от её наглой непосредственности ненадолго. Дар речи потерял.

— Ну ты хоть бы предупредила, мало ли что — одна, ночью... — взял себя в руки.

— Да всё нормально. Садись, — хлопает по сидушке, рядом стоящего с ней стула. — За Диной приехали, а мне что-то не хочется домой сегодня совсем. — Грустно как-то. — она и правда выглядела не очень весёлой.

Ну я и сел рядом с ней, естественно...

Налил ей, себе налил. Потом ещё раз...

И уволок её в мужскую гримёрку. Ключи у Лёхи взял — он тогда уже негласно, особыми привилегиями пользовался, проблем не было.

Она не сопротивлялась. Сама пошла. Даже с каким-то удовольствием пошла, как мне показалось.

Я только замок в дверях успел повернуть, а она уже прижимается ко мне и дрожит вся. Завёлся моментально, не остановиться было уже. Да и не хотел я останавливаться. Вцепился в неё так, что не оторвать, если только отрезать, по живому... как сейчас...

Она тогда не сразу расслабилась. Какое-то время, как будто раздумывала, или не понимала чего-то, или решиться не могла. Хотя вряд ли. Что-то другое тогда с ней было. Расстроена была, скорее всего, чем-то. Я, в тот день, так и не понял, чем. Потом только догадался, что её так расстроило, но поздно уже было для всех. Особенно для меня было поздно.

В свои девятнадцать, как выяснилось почти сразу, она очень хорошо знала, чего хочет от мужиков и вообще от жизни. И чётко шла к своей цели. Я не подходил ей ни по каким критериям. И в планы её не входил. Но так получилось, что оказался на её пути, надолго.

Я сбавил немного обороты, заметив её замешательство. Гладил её, целовал нежно, без напора. Она расслабилась постепенно. И понеслось...

Часто бывает, что такие красотки, в сексе зажатые, надменны и холодны, но только не она... Она заводилась всегда, надо было только уметь её заводить... И давала такого жару, что пар из ушей валил...

Мы трахались с ней, как кролики, до полного опустошения и бессилия, при каждом удобном случае.

Иногда она просила не торопиться и быть с ней нежнее. Это значило, что она могла остаться со мной надолго. Возможно на всю ночь. Или, что она чем то расстроена. Она никогда не открывалась полностью, до конца. Не рассказывала, чем живёт, о чём думает, о чём мечтает. Такая девушка-загадка. Я не лез ей в душу, просто чувствовал её настроение и был счастлив, когда она могла остаться со мной надолго. Ласкал её не спеша, целовал, вылизывал всю. Пробовал каждый сантиметр её тела на вкус. Любил её...

Мне нравилось смотреть на неё, когда она кончала — непередаваемое удовольствие. В такие минуты она была настоящей: открытой, понятной, невероятно трогательной своей слабостью и очень красивой — глаз было не оторвать. Старался всегда разворачивать её к себе лицом перед финалом, чтобы не пропустить эти мгновения. Любовался ею. Продлял её удовольствие. Своё удовольствие продлял...

Она сама меня находила. Всегда. Я даже толком не знал, где она живёт. Приходила ко мне на работу или в клуб, где я работал по ночам. Никогда не говорила заранее, когда придёт. Просила только своей подруге — Динаре, ничего не докладывать. Но мы с Диной, на тот момент, не особо и дружили. Только всё начиналось, не было ещё доверительных отношений, я её вообще ребёнком считал. Да и не делился я никогда, ни с кем, подробностями своей личной жизни.

Вначале такая спонтанность мне даже нравилась — романтично, необычно, загадочно. Её непредсказуемость заводила меня дико, срывая разом все предохранители. Я ждал этих встреч...

А потом она резко исчезла, не сказав ни слова. И на меня напала тоска...

— Улым (сын), всё хорошо у тебя? Так неожиданно... — мама тихо просочилась в комнату и присела на стул, сложив руки на коленках. Сидит с идеально ровной спиной и собранными в тугую пучок волосами, как всегда. Красивая она у меня. Засмотрелся. Голос только дрожит у неё сейчас и слёзы на глазах поблёскивают...

— Всё хорошо мамуль, — прижал её голову к себе. — Соскучился просто...

— Мне такой сон нехороший снился недавно, — нервно перебирает пальцами подол своего платья, — никак забыть его не могу. Как будто ты идёшь по улице, прихрамывая, как тогда, после больницы — всхлипывает, а я дыхание задерживаю, — ребёнок у тебя на руках. Не знаю что за ребёнок, лица не видела, но игрушка в руках — розовенькая. Девочка, значит. И на тебя медведь вдруг выскакивает из-за угла. А ты стоишь с этим ребёнком и мечешься, никак место не найдёшь, куда спрятать его... Я проснулась в холодном поту, ночью. Больше уснуть не могла, так мне беспокойно было... Несколько дней уже сон этот из головы никак выкинуть не могу. — Ладонью своей мою руку сжимает.

— Это всего лишь сон, мамуль — у самого мурашки по коже. Сердце матери, похоже, и правда, не обманешь...

Глава 6

Из-за разницы во времени, к которой я давно привык в Европе, утро для меня началось поздно. Часиков в одиннадцать только поднялся, по местному. Но чувствовал себя более-менее нормально, хоть и не мог долго уснуть. Ворочался. Мысли всякие в голову лезли. Воспоминания спать не давали.

Поболтал с мамой немного — она вроде успокоилась. Не вспоминала больше про свой кошмарный сон. Моя очередь пришла — я полночи про него думал: про ту встречу нашу последнюю, про беременность её, про ребёнка, который вполне может быть от меня. И даже, скорее всего, от меня. Я почти уверен в этом, объяснить только свою уверенность не могу.

Успел дать серьёзные наставления сестре-стрекозе, пока она на учёбу не убежала. Пообещав приехать за ней и познакомиться со всеми её сокусниками лично, для серьёзного разговора, если она будет звонки старшего брата игнорировать — та, только хитро улыбнулась. Ладно, так и быть, придётся обещания свои выполнять и нагряться-таки, к ней с проверкой на днях.

И побежал в гараж, проведать своего «зверя» — соскучился по нему дико.

Всегда фанател от мотоциклов, с детства. Когда ещё дед жив был, мамин папа. Сидел у него в гараже и разбирал, собирал его доисторический Урал с люлькой. Целыми днями мог у него там торчать, ковыряясь в деталях, с ног до головы перемазанный смазкой. Мама всегда была в шоке от моего вида, но я, конечно, её тогда не понимал и на следующий день, повторялось всё по новой, несмотря на то, что мыла она мена, по вечерам, жёстко. Не жалая. Натирала какой-то наждачной мочалкой до красноты, сдирая кожу. Я орал как ненормальный на всю улицу, но из её цепких рук вырваться было нереально.

Когда деда не стало, я слёзно просил отдать мне его старый Урал, но мама была категорически против... Долго дулся на неё. Никак понять не мог, почему мне нельзя забрать домой, дедова «Коня», как он его называл.

Смешно сейчас всё это вспоминать...

Присаживаюсь рядом с обломками своего первого мотоцикла, который я купил, после наших удачных гастролей по Японии. Хорошее время было. Весёлое. Никогда не забуду ту нашу поездку и гонки, которые мы посетили, благодаря японскому воздыхателю, моей партнёрши. Он тогда весь наш коллектив пригласил, а она взяла и бортанула его, наотрез отказавшись ехать с нами.

Закончилось то весёлое время для меня невесело, правда. Но это уже немного другая история.

Грустно вздыхаю, перебирая остатки своего первого «Ниндзи» ярко-зелёного цвета, от

которого остались только никому не нужные обломки, которые ребята не смогли продать, пока я валялся в больнице.

Зоя — зараза, так и не отвечает на звонки — телефон вне доступа. Всё утро пытаюсь до неё дозвониться — безрезультатно. Уже слышать не могу этот, ставший противным, электронный голос. Бесит.

Я долго её тогда не видел. Очень долго. Забыть, конечно, не забыл. Но умом всё понимал — не для меня она. Кое-что узнал про неё, не нравилось мне это «кое-что».

На мою беду, за то недолгое время, что мы встречались, я успел её другой узнать: слабой, нежной, ласковой, трогательной до мурашек. Когда она не играла на публику и была настоящей — сердце в комочек сжималось от нежности. Хотелось защитить её от всех недругов, уберечь от всех напастей и невзгод. Обогреть. Приласкать.

Думал, что любовь и ласка изменят её. Оттает она. Просто недолюбили её в детстве. Родители тепла недодали. Она его и ищет. Дело ведь даже не в деньгах и достатке, а в любви.

Мы тоже не вот тебе богато жили, но мама наша всегда с нами была рядом. Всю свою любовь нам с сестрой отдавала. Никогда себя ущемлённым не чувствовал, хоть и без отца рос.

А ей не дали родители ничего. Ни денег, ни любви. Наивно полагал, что смогу ей всё это восполнить и изменится она. Дурак.

Я её тогда даже и не искал уже. Забыть пытался. Да и не до неё мне было. Мама заболела серьёзно, надо было зарабатывать, чтобы её на ноги поставить. Сестра опять же совсем зелёная, ей тоже помогать и поддерживать нужно.

Пытался выбросить её из головы, забыть. С девочками начал встречаться, И вроде всё нормально было, но забыть никак не получалось. Нет-нет, да воспоминания накатят с новой силой. И хоть вой. Иногда так хотелось её увидеть: в глаза её посмотреть, смех её услышать, стоны...

Подвалил как-то к партнёрше своей по пьяни, как раз мы на гастролях были: — где подруга твоя, куда пропала?

Та, ни в какую: нет, и всё тут.

Деньги когда немного подзаработал, поехал сам её искать. Всё объехал, все клубы обошёл — исчезла. Никто про неё ничего не слышал, как сквозь землю провалилась. Решил уже было — забить и забыть. Навсегда.

Девочку на свидание пригласил, в клуб. А там вдруг, неожиданно-негаданно, в самый разгар вечера — она, Зоя.

Сама подходит. Красивая, до невозможности. Глаз не оторвать.

Я с девушкой в обнимку стою. Она вплотную ко мне приближается, не стесняется никого. Наклоняется к моему уху и шепчет: — скучала по тебе всё это время...

Меня в жар бросает, как всегда, от её близости. Не знаю, что делать. Не один ещё. Вроде и отношения у нас без обязательств, только познакомились. Но я же сам её пригласил, неудобно.

Пока думал, Зоя мне выдаёт: — ты же знаешь, Венер, ни с кем тебе не будет так хорошо, как со мной. И любить тебя никто не сможет, так, как я...

Сглатываю: — докажи...

Берет меня за руку — тянет. Я иду, как загипнотизированный за ней, ничего не могу с собой поделать.

Клуб стоит почти на краю города, переделанный из какого-то старого завода, как сейчас модно. Утаскивает меня за угол — тьма крошечная, кирпичи валяются под ногами, не видно не зги. Даже луна за тучки спряталась. Прислоняет меня к стене какой-то, не мешкая ни минуты, встаёт на колени, расстёгивает ширинку и берёт в рот... — звёзды из глаз посыпались ярче, чем те, что на небе из-за туч повылазили, чтобы нам подсветить. Никто не умеет сосать так, как она... Крышу сносит от наслаждения. Так хорошо мне ещё никогда не было...

Поднимаю её с колен, прижимаю к себе, когда немного в себя прихожу.

Её трясёт, всю. Сердце бешено колотится, как будто не я сейчас тут феерично так кончил ей в рот, а она... Пальцами клитор её поглаживаю и шепчу на ухо: — телефон.

— Дам

— Сейчас, — руку убираю. — Позвони мне сейчас...

Прижимается ко мне всем телом. С ноги на ногу переминается:

— Я не одна живу...

— Мне по*уй, с кем ты живёшь, звони...

Позвонила...

* * *

Стаскиваю старые покрывала, которыми мама заботливо прикрыла моё последнее приобретение, несмотря на фирменный чехол.

Этого зверя: NINJA H2R — я заказал с первого крупного гонорара, уже на новом поприще. Не удержался. Так и стоит он у меня в гараже, не гоняю почти на нём. С собой везти — геморрой, а дома в последнее время, редко бываю.

Друзей прошу, чтобы проверяли и в сервис отгоняли, перед моим приездом.

Осматриваю его весь — нюхаю, глажу, как любимую женщину...

Все любители мотоциклов знают, что мотоциклы и женщины — похожи. И даже не потому что мотоцикл, как и женщина — любит «ласку, чистоту и смазку», а потому что они привязывают нас к себе, также, как женщины. О нём тоже нужно волноваться, трепетать, помнить, заботиться, помогать, поддерживать, жалеть о расставании и ждать следующей встрече. И постоянно думать, как о ней... И любить...

Глаза закрываю, представляя, как заведу мотор, резкими открытиями газа, прогрею двигатель, как включу первую передачу, а потом вторую, третью, четвертую, пятую, шестую...

В кровь моментально выбрасывается ударная доза адреналина, приправленная эндорфином. Кайф сравнимый с оргазмом...

Закрываю гараж. Надеваю шлем. И, наконец, завожусь...

Говорят, езда на мотоцикле даёт бесконечное чувство свободы... Мне кажется, что в большей степени, даёт ощущение близкой смерти. Или это чувство у меня только после аварии появилось? — не вспомнить уже сейчас.

После нашей с ней встречи в клубе тогда, всё завертелось и закрутилось с новой силой. Да так, что разойтись было уже невозможно.

Мы встречались, при каждом удобном случае, там, где только могли: в гостиницах, квартирах съёмных, на улице. Пару раз я даже у неё дома бывал, на квартире, которую ей любовник богатый подарил. Страх тогда совсем потеряли, не боялись ничего. Думали, что нас никто не замечает.

Я хотел её себе, по любому. В единоличное пользование...

Только вот она сопротивлялась. Не желала кормушку терять. Обещала, но всё тянула, тянула....

Пока меня не взяла на таран машина, по заказу её любовника...

Остановился на обочине. На том самом месте, где Ниссан тот стоял и ждал меня тогда...

Всё помню, до мельчайших подробностей, хоть и времени прошло прилично уже....

За день до этого события, я поставил ей ультиматум: или — я, или — он. Она ушла, пообещав с ним поговорить, и пропала опять. Я ждал. Даже не волновался особо. Она вроде и на звонки тогда мне отвечала. Сказала, что не получилось пока, случая удобного не представилось. Не стал её дёргать. Попросил позвонить, если что-то пойдёт не так. Она обещала держать меня в курсе.

В тот день, мы с коллегами посидеть решили в ресторане, после работы. Отметить конец сезона и последний рабочий день.

До сих пор, благодарю всех богов, что Дина тогда со мной не поехала. Я ведь предлагал её до ресторана домчать. Но она, к счастью, на машине была и ехала за мной своим ходом. И спасла меня...

Они с Зоей уже не общались. Я знал об этом. И причину тоже знал, но ничего не мог с собой поделать. Не говорил, правда, ей, что я с её бывшей подругой встречаюсь, чтобы её не расстраивать. Она, как сестра, для меня была. Переживал за неё. Она тоже тогда не лучший период жизни своей проживала. Я поддерживал её, как мог, чтобы она духом совсем не пала. Ещё и беременна она была, дочей своей...

Так что повезло мне, что она со мной не села, в тот день. Если бы с ней что-то случилось, и я умудрился бы выжить, муж её всё равно бы в асфальт закатал мои обломки. А так, помог. Спас...

Я ехал рядом с её машиной, время от времени отрываясь, чтобы продемонстрировать, возможности своего долгожданного приобретения, По главной ехал.

Как раз улетел вперёд, в тот момент, когда на меня, с прилегающей территории, неожиданно, вылетел Ниссан.

Шансов уйти от удара не было вообще. Поздно его увидел. Вильнуть только успел, чуть удар смягчил...

Снимаю шлем, пот со лба вытираю...

Говорят, шлем спас мне жизнь...

И Дина, с мужем.

Не знаю, чтобы со мной было, если бы она испугалась и уехала. Но она стояла и газовала, развернув машину прямо на мужика, который за каким-то хреном вышел, чтобы на меня посмотреть...

Помню его. Никогда уже его рожу не забуду. Я ещё в сознании какое-то время был. Боли — не помню, а мужика — помню...

Муж Дины, с орлами своими, через несколько минут прилетели. Их я уже не помню почти...

Он мне первую помощь оказывал и врачей тогда лучших подогнал, оплатив лечение и реабилитацию. И денег не взял. Сказал, чтобы нуждающимся отдал, когда заработаю. Так я и сделал.

Долго копались они потом, со своими безопасниками, в этой истории. Он боялся, что его конкурент по бизнесу, хотел его запугать таким образом. Через жену. Но оказалось всё

намного проще: его конкурент по бизнесу, был любовником Зои и хотел меня с дороги убрать. Он, правда, потом говорил, что припугнуть только меня хотел. Калечить меня, в его планы не входило.

Точно никто не знает, что в его планы входило, но своего он тогда добился. Она осталась с ним.

Нога опять ныть начала, зараза. Каждый раз такая фигня, когда Зою вспоминаю. Она так мне и не отвечает. Телефон выключен.

Не могу больше ждать...

Набираю мужа Дины:

— Нахер она тебе нужна, — реагирует на мою просьбу, внимательно меня выслушав — Беги парень пока не поздно! Беги! Потом хрен отмоешься...

— Поздно бежать, Петь, она ребёнка ждёт. Говорит, — мой — сразу всё ему вываливаю, чтобы не тянуть...

— Пи*дец, ты попал, — уже не первый раз это слышу, а ещё сутки не прошли, как дома. — Ладно, я Валере передам сейчас, он тебе позвонит. Ты только там поаккуратнее, а? Не доводи до трагедий и Дине без подробностей, если звонить будешь. Хорошо? Не хочу, чтобы она волновалась лишней раз...

— Конечно, спасибо...

— Ты на сколько вообще приехал?

— До конца недели...

— О... слушай, мы вернёмся через пару дней. Так что давай к нам. Соберём всех. Дина будет рада. Она постоянно тебя вспоминает, да и малая наша, тебя не забыла. Фотки, когда твой видит, спрашивает, когда ты к ней в гости придёшь? Заодно и вопрос твой обсудим, при встрече. Уже информация, думаю, будет. Как тебе?

— Да отлично вообще! Я тогда не парюсь сегодня. Еду спокойно Лёху откачивать, пока он с маргиналами по кустам не начал шарахаться пьяный...

— Ну удачи тогда тебе! Развлекайся дружище... — и заржал, как конь

Глава 7

— Таак, красавицы, — включаю придурка, зайдя в квартиру, где меня встречает развалившийся на диване друг, в окружении трёх полуголых девиц. — Вечеринка закончилась, все на выход. — громко хлопаю в ладоши, по-идиотски улыбаясь.

Вспыхнувшие было глаза цыпочек, при виде меня, разом потухли, а губы скривились в недовольной гримасе.

— О, Венер, дружище, когда приехал? — открывает глаза Лёха, прикидывающийся до этого момента, трупом.

— Блять, имбецил, я с тобой утром сегодня созванивался. Забыл? — открываю окна, чтобы выветрить тошнотворный запах перегара и несвежей еды.

— А... ну да, ну да. Присоединяйся, — отрывает руку от задницы одной из красавиц и показывает мне на кресло, стоящее рядом с диваном. Девочки мгновенно взбодрились, в предвкушении продолжения банкета, а одна из них, даже умудрилась повиснуть на мне.

— Я маман твоей звонил, — подключаю тяжёлую артиллерию, зная слабое место друга. Аккуратно, но настойчиво выпутываясь из объятий малолетней незнакомки.

— Дивчули, — козликотом подсакивает с дивана Лёха, неожиданно протрезвев, при упоминании мамы, которую он до сих пор побаивается. — На сегодня всё. Расходимся, — и звонкими шлёпками по задницам подружек, уверенно направляет их в коридор. — Вещички

свои не забываем, возвращаться будет некуда. Заведение закрывается на реконструкцию...

— Ты нам денег обещал... — слышится уже из коридора.

— Красавицы, деньги в трусах. Кто-нибудь видел? Нет? Как так? Я за что вам денег обещал...? — представляю, как Лёха сейчас вытаращил свои узкие глаза и начинаю беззвучно ржать.

С Лёхой мы познакомились в хореографическом колледже и как-то сразу подружились. Нет, сначала подрались, конечно, как положено, для крепкой дружбы. А потом уже подружились.

Он в танцы пришёл по кривой. И тоже, благодаря своей маме, которая была большой фанаткой балета. Всё своё детство, он, как ни странно, занимался тхеквондо. И довольно успешно. Был даже каким-то чемпионом по малолетству.

А лет так в девять, по-моему, они шли с мамой мимо театра оперы и балета, где как раз, в тот день, детей отбирали в хореографические училища страны. И мама предложила ему попробовать. Ну он и попробовал. Его сразу пригласили в Академию балета им. Вагановой. Год они ещё думали. Потом решились, — поехали. Мама не смогла отправить туда его одного и поехала с ним. Но папу оставить одного, она тоже не могла, а тот, наотрез отказался переезжать в Санкт-Петербург. Пришлось Лехе возвращаться обратно, чему, кажется, он был несказанно рад. Так мы с ним и встретились, в колледже.

— Ты чего блять, творишь? — говорю, когда он возвращается в комнату, сгребая со стола, не глядя, всё в большой мусорный мешок.

— Ты правда маман звонил? — не обращает внимания на наезд.

— Нет, успокойся. Вещи проверь. Всё на месте?

— Я в трауре, — показывает ключ от закрытой второй комнаты, висящий у него на цепочке и садится опять на диван.

— Когда вы расстались? — не получается на него злиться.

— Да месяца два уже, как она меня попёрла. Сказала: — гуляй, свободен... — закрывает лицо ладонями. — Ну я и гуляю, раз свободен.

— Есть за что?

— Не знаю Венер, не знаю. Есть, наверное. Не ангел я, сам знаешь. Да и мама весь мози мне выела уже: «взрослая она, не для тебя, тебе другая нужна, внуков хочу...». Я понимаю её тоже, внуков она хочет... Но я привык к ней. У меня никогда не было таких долгих отношений. Дерьмово мне без неё. Думал, сейчас уеду и забуду, а нет, — никак. Все пустые, понимаешь. Красавицы, но пустые блять, как... — смотрит вокруг, — как бутылки из под водки, — выдаёт глядя на мусорный мешок и ржать начинает.

— Ну ты ещё месяц побухай и пойдут, судя по тем, что у тебя тут сидели...

— А что делать-то, Венер? Не знаю... — разводит руки по сторонам...

— Придурок ты Лёх. Как был маменькин сынок, так и остался. Сколько вы уже вместе? Долго! — делаю вывод, посчитав. Она взрослая женщина. Ей уже определённости хочется, в конце-то концов. Сопли детям подтирать, а не тебе, лосю великовозрастному. Давно надо было тебя пнуть, не церемониться. Может на пользу бы пошло...ума прибавило...самостоятельности...

— Слушай, ну хоть ты не начинай, а...? Без тебя тошно... — молчит и я молчу. Не знаю я, что ему делать. И мне что делать, тоже не знаю. — Она никого там себе не нашла ещё? — отмирает.

— Не знаю я. Вчера только прилетел. До тебя алконавта не дозвонился, — она меня

встречала. Не обсуждали мы её планы на будущее, а уж любовников её — тем более. Знаешь же, не разговаривает она на такие темы. Сказала только, что ты в Москву уезжал. В «Русские сезоны» тебя взяли. Ты как туда попал вообще, со своей узкоглазой рожей, Иванов?

— Так у меня задница зачётная, татарин ты рыжий.

— Оо, не знал дорогая... Ну и как оно? — ёрничаю.

— Да вот, решил там не пробовать, тебя дожидаться, — отвечает мне тем же, — Ты человек свой, столько лет вместе. Надеюсь, больно не будет... — таращимся друг на друга и ржать начинаем. — Венер, ты что ли? — успокаивается и смотрит на меня уже трезвыми глазами. — Как я по тебе скучал, друг. Дай обниму тебя что ли — распахивает руки.

— Уйди отсюда, пьянь вонючая. Помойся сначала... — отскакиваю от него. — Жрать хочу, есть что-нибудь?

— Там всё, — показывает на мусорный мешок. — Даже чая нет. Не ждал я сегодня гостей. Но водка не портится, можем достать...

— Блять, исчезни с глаз моих... — и добавил, — в душ. Я закажу что-нибудь.

— А ты чего приехал-то? Не планировал же. Соскучился? — так и стоит на месте — лыбится, как дурак.

— Обстоятельства у меня...

— Серьёзные?

— Серьёзные...

* * *

Развалился на диване, пока Лёха в душ ушёл, ноги вытянул, глаза закрыл...

Она приходила ко мне в больницу...

Сидела рядом: тихая, скромная, без боевого раскраса, беззащитная какая-то, трогательная невероятно. Немного незнакомая, в своём подавленном состоянии. И до боли желанная, несмотря ни на что...

Не говорила почти. Сидела рядом. Гладила меня по руке. И смотрела на меня своими ведьминскими глазами, в которые я проваливался с головой, теряя рассудок, каждый раз, когда заглядывал в них.

Целовала в губы, когда уходила. Жарко целовала. Страстно.

Я тоже с ней не разговаривал практически. Не хотел ей ничего говорить, а обнять — не мог. Да и что говорить-то ни о чём. Она итак всё знала. Да и я знал — чувствовал, только верить не хотел. И ждал её. Поцелуев её ждал...

А она пропала...

Дина честно мне призналась, что запретила ей меня навещать. Я как между двух огней тогда оказался: одну обижать не хотел, второй — отказать был не в силах.

Но не только из-за Дины она не приходила, к сожалению... Дину она бы обошла, без проблем. Другие причины у неё были...

Я тогда долго в больнице провалялся. Не было на моём теле, казалось, ни сантиметра здорового, кроме головы, ну и ещё одного места. Врачи по этому поводу прикалывались надо мной.

«Парень, не переживай. Всё самое ценное уберёг, значит всё у тебя будет — зашибись! Вот только с ногой твоей разберёмся...» — подбадривал меня врач.

На поправку я быстро пошёл. Молодой, здоровый, живучий, — как на бешеной собаке всё заживало. С ногой левой только пришлось повозиться: по кусочкам мне её собирали. Несколько операций делали. Долго ещё её в порядок приводили. Ходить учился заново.

Низкий поклон врачам, сотворившим очередное чудо, вместе с мужем Дины, конечно. Поставили меня на ногу, в полном смысле этого слова. Но с работы пришлось уволиться. На нашей работе, калеки не нужны. Да и не мог я уже такие нагрузки переносить. Про трюки так вообще надолго пришлось забыть. До сих пор нога не работает, как раньше, а прошло то уже. Два года уже прошло...

Зубайда тогда мне с работой помогла. Подключила свои связи и зубами, можно сказать, выгрызла для меня первые контракты. Да что говорить, все помогли. Никто не оставил в беде. Ни меня, ни мою семью. Кроме неё...

Вздрагиваю от звонка, так задумался. Доставка. И Лёха из душа выскочил — вовремя, как всегда.

Не успел я по тарелкам еду разложить, как он уже за столом радостно сидит, глазами сверкает.

— Ну как там Италия? — спрашивает, посвежевший и окончательно протрезвевший, после душа, друг, схвативший сразу полпиццы.

— Нормально, — пожимаю плечами и налегаю на мясо. Пиццу не люблю. Даже в Италии её почти не ем. Предпочитаю мясо, ну ещё морепродукты свежие. — Хочу маму с сестрёнкой туда отправить отдохнуть. Вот Алинка сессию закроет и организую им поездку. Пусть мама посмотрит на другую жизнь. На пенсионеров, которые утром, вместо грядок, в барушнике спуманте радостно потягивают, а то всю жизнь пашет. Даже сейчас от грядок её не оторвать. Ты, кстати, за Алинкой обещал присматривать... — отрываюсь от еды, уставившись на жующего друга...

— А я присматривал, — закашлялся бедолага от неожиданности, — честно присматривал. Зуб даю... — смотрит невинными глазами. — Да и Зубайда тоже глаз свой зоркий с неё не спускала. Знаешь же, с ней не забалуешь. Я уезжал просто. А потом вот... В общем сам понимаешь.... — Вдруг потянулся в мою сторону всем корпусом, сузив глаза в узкую щёлочку, — всё нормально же, а? Никто не заболел, не умер? — ждёт.

Отрицательно мотаю головой, продолжая жевать.

Он так и сидит, буравя меня своими глазами.

Достаю, между делом, телефон и показываю ему сообщение...

Узкие глаза Лёхи, вмиг округлились:

— Ни х*я себе! Держись братан, — застыл на мгновение с умным выражением лица, — только я не понимаю, когда ты успел то?

— Это недолго, уверяю тебя. — отодвигаю от себя тарелку. — Нет, я не уверен, что это мой ребёнок, и я прекрасно знаю, что она живёт с другим, но мне почему-то кажется, что ребёнок, всё-таки мой. Не могу объяснить тебе, почему мне так кажется. Нет, я с ней пока не разговаривал — она не отвечает. Телефон выключен уже сутки, даже больше. Я не знаю, что я буду делать, но ребёнка я не брошу. — отвечаю сразу на все вероятные вопросы, чтобы не терять время.

— Понял. — Лёха задумчиво кивает. — И каков твой план?

— Позвонил Фомину, попросил, чтобы его безопасники нашли мне её. Хочу, для начала, поговорить. Может она телефон потеряла или разбила... — пожимаю плечами. — В соцсети она тоже не выходит.... Не знаю, что думать. Надеюсь, всё в порядке у неё и... — замешкался с непривычки, — ребёнка. Ну не будет же Макаров беременную женщину обижать? — смотрю с надеждой на Лёху... — Мне хотя бы узнать, где она сейчас...

— Блять, пи*дец, — выдаёт Лёха не найдя более подходящих слов, чтобы выразить свои

эмоции, а я смотрю на вспыхнувший экран телефона: Валера звонит — лучший друг мужа Дины и по совместительству начальник его охраны.

— Венер, чем занят? Не отвлекаю тебя от срочных, неотложных дел? — как всегда, в своей глумливой манере, начинает он.

— Отвлекаешь, конечно. С Лёхой мы тут страстно развлекаемся...

— Ооо...

— Ага... а ты чего звонишь-то, в самый неподходящий момент, стесняюсь спросить?

— Приехать сможешь? — спрашивает уже абсолютно серьезно.

— Конечно. — сердце вмиг набирает обороты.

— Тогда жду тебя в офисе...

— Я с тобой, — подсказывает Лёха, вслед за мной.

— Я мужиков на мотоцикле не катаю сзади...

— Прокати спереди, — придурок, только успел подумать. — Ладно, не ссы, я на своём поеду... — добавляет и начинает быстро одеваться.

— Ты о*уел? Я тебя только что в чувство привёл после запоя...

— Я в норме. Гаишники, знаешь же, не останавливают мотоциклы почти, если не нарушать. С тобой еду по любому...

Глава 8

Около двух лет назад

Я набросился на неё, как ненормальный...

Ничего не смог с собой поделать.

Так долго ждал нашей встречи. Несколько месяцев ждал. Долго она ко мне в больницу не приходила. А потом, я уже сам не хотел, чтобы она меня с палочкой, хромого видела. Как только ходить без палочки научился, позвонил сразу же.

Не уверен был, что она откликнется и придёт.

Но она откликнулась... И пришла...

Домой ко мне пришла. Впервые. Как раз мама с сестрой на дачу на несколько дней уехали и я рискнул пригласить её к себе.

Пока ждал, от окна не отходил, пропустить боялся. Волновался. Сердце успокоить не мог. Не знал, какая она придёт. На сколько, придёт. Думал, зубы в крошку сотру от нетерпения...

Настраивался поговорить с ней серьезно, для начала. Готовился, репетировал даже. Столько вопросов у нас нерешенных. Недосказанностей столько. Но куда там...

Какие разговоры, после такого перерыва. Все слова махом выветрились, а мозги вниз перетекли, когда её увидел...

Даже пройти её не дал...

Она только туфли скинула. Посмотрела на меня своими горящими предвкушением, глазами, губы пересохшие облизала, и у меня крышу снесло напрочь...

— Иди ко мне, — не говорю. — выдыхаю. Прижимаю её к себе. Так сильно сжимаю в руках, что она всхлипывает, но не отстраняется, нет. Льнёт ко мне, обнимает, носом в грудь мою утыкается.

Вдыхаю её терпкий, дурманящий голову аромат, с ума от всего этого схожу...

Приподнимаю голову её одной рукой за подбородок и в губы её влажные впиваюсь. Трахаю её рот языком неистово, оторваться от сладости такой не могу... Она ногти в мою спину вонзает и стонет мне в рот...

Не могу больше ждать...

Платье задираю, тут же, прямо в коридоре. Провожу ладонью по её влажным уже трусикам, вдыхаю запах её возбуждения и срываюсь...

Разворачиваю её к стене, трусики приспускаю, рывком вхожу в её влажную глубину...на всю длину сразу. Жду мгновение, пока она привыкнет ко мне и вколачиваться начинаю. Не сдерживаю себя. Соскучился дико.

От долгого воздержания и ожидания, накрыло меня быстро и так сильно, что перед глазами звёзды разлетелись мелкой россыпью ... Сердце бешено колотится, норовит из груди выскочить...

Вжимаю её в себя сильнее, держусь за неё, чтобы не упасть. Отдышаться пытаюсь...

Она тоже дрожит вся, хоть и не кончила... Никогда эгоистом не был, а тут не выдержал...не дождался её, не смог...

Стягиваю презерватив, который не помню, как натянул. Бросаю его на пол, тут же, в коридоре.

Разворачиваю её лицом к себе. Одной рукой волосы на затылке её собираю, пальцы второй, медленно в неё ввожу, клитор массирую большим пальцем... Отклоняю её голову чуть назад, чтобы лицо её видеть. Она глаза прикрывает, губы облизывает пересохшие. И пальцы мои, почти сразу, внутри, пульсирующими мышцами сжимать начинает. Стонет протяжно...сладко...порочно, как только она умеет. Наслаждаюсь её удовольствием. Своё удовольствие продляю вместе с ней. С ума от неё схожу...

— Соскучился, прости, — шепчу ей на ухо, дождавшись, когда она немного отойдёт после оргазма, всё ещё держа руку у неё на промежности...

— Ещё хочу, — тянется ко мне и трётся об мою руку нетерпеливо. Улыбаюсь. Маленькая такая без каблуков. Нежная, трогательная, желанная до боли. Целую её нежно, чуть касаясь её языка своим.

Ничего не отвечаю. Подхватываю на руки и в комнату несу. Про ногу забываю, не хромаю даже, не болит ничего. Только её вижу. Только её хочу.

Раздеваю её не спеша, разглядываю всю: глажу, нюхаю, целую. На кровать укладываю осторожно, как хрупкую статуэтку.

Сам раздеваюсь...

Она приподнимается на локтях. Оглядывает мою скромную комнату с интересом. Внимательно рассматривает плакат на стене с Марко Меландри.

Бросает взгляд на трость, стоящую около шкафа, которую мне муж Дины подарил, со словами: ' смотри, Венер, какую я тебе клюку крутую надыбал. Будешь ходить по улицам, фразерить и от девок отбиваться'. Хотел эту клюку, с ручкой из экзотического дерева, на нём опробовать, но догнать на одной ноге не смог.

Слежу за ней, затаив дыхание. За реакцией её наблюдаю. Немного волнуюсь. Но желание, сильнее волнения, сейчас...

Она спокойна, ничего её не смущает.

Ко мне взглядом возвращается. Меня рассматривает. Тянется рукой к ещё свежим шрамам на ноге, пальцем по ним проводит:

— Болит? — вздрагиваю от её вопроса. Руку её аккуратно убираю.

— Нет, нормально всё. Не парься.

Встаю одним коленом на кровать. Подкладываю под её попу подушку. Так сегодня хочу...

— Соскучился... — говорю...

И целовать её начинаю...

Рот её тщательно вылизываю, по шее языком провожу, по ключицам. К груди её офигенной припадаю, соски тираню: сосу как младенец, покусываю — оторваться не могу. Вкусная...Невозможная просто...

Вниз, к промежности спускаюсь, лизать начинаю...Балдею от вкуса её, от запаха её балдею, от жара её внутри, от стонов — балдею...

За волосы меня тянет...

Отрываюсь, нехотя, смотрю на неё...

— Венер, член твой хочу. Не могу больше... — просит жалобно и всхлипывает

Девочка недотраханная — мысль болью в груди отдаётся.

Нависаю над ней. В глаза её смотрю. Понять хочу, что у неё внутри. Только не вижу ничего — темнота там крошечная...

Делаю так, как она просит. Так как нравится ей. В конце только срываюсь, когда до пика её довожу, когда её стоны в крики переходят. Когда она настоящей становится: открытой, слабой, незащищенной. Такой, какой я её особенно люблю. От которой с ума схожу. Без которой жить не могу ни минуты...

Взлетаю вместе с ней и парю... Не хочу приземляться, хоть и не знаю пока ещё, что падать больно будет...

Держу её в руках крепко, не выпускаю. Не хочу её выпускать. Не могу без неё — понимаю это.

Она осторожно выпутываться начинает из рук моих...

Сжимаю сильнее, прижимаю к себе...

— Мне пора... — шепчет. А у меня сердце кровоточить начинает.

— Не могу больше так... гладить её продолжаю. — Уходи от него, нельзя так.

— Всё непросто Венер, поверь, — тянется ко мне за поцелуем — отстраняюсь. Руки разжимаю. Выпускаю её. Сажусь рядом, смотрю на неё, а глаза пелена застилает...

— Да всё просто на самом деле, когда любишь. Всё просто, понимаешь?! — почти ору. Никогда на женщин голос не повышал, а сейчас ору. — Когда любишь, тебе даже думать не надо — сердце всё решает за тебя. — Руки к груди своей прижимаю. — Замуж за меня выйдешь? — знаю, что проиграл, но не могу не спросить?

— Венер, ты же инвалид! Даже стриптизом сейчас не сможешь подрабатывать. На что мы будем жить?

Глава 9

Чего только не надумал себе пока до Валеры ехал. Учтывая, что быстро не получилось, из-за балбеса Лёхи, нервы были уже на пределе, когда к нему заходил.

Хорошо хоть охрана не мурыжила на входе, фамилию сказал, — пропустили сразу.

— А я надеялся, что ты одумаешься, не приедешь. Уже свалить собирался... — говорит Валера и руку протягивает.

— Ну извини, задержался немного — отвечаю на рукопожатие и сажусь, призывая всё своё терпение. Знаком уже немного с ним. Знаю, как он любит мучить и изыскано глумиться над своими жертвами, прежде чем к делу перейти. Манера у него такая. Говорят, на многих действует безотказно, выводит из себя такими приёмчиками. Я уже было подготовился отбиваться и терпеливо ждать...

Но он, слава яйцам, переходит сразу к моему вопросу:

— Всё нормально у неё. — выдыхаю. — Она беременна — это правда. Срок по данным из медицинской карты: девятнадцать — двадцать две недели. Тут я тебе мало что могу прокомментировать. Не сталкивался лично с такими ситуациями. Можешь обратиться к Фомину за разъяснениями — он у нас эксперт по этим вопросам, — вставил всё таки вольное примечание, гад, не удержался. А я прикидываю в уме её срок и нашу последнюю встречу. И вроде всё сходится, если я правильно разобрался в этих непростых вопросах. — Лежала в больнице, на сохранении. Ничего страшного, небольшой тонус, — тут тоже можешь с Фоминым проконсультироваться. — продолжает вещать нудным голосом Валера. А мне всё сложнее его слушать, мысли крутятся в голове, сосредоточиться не дают. — Несколько дней назад... могу точно тебе сейчас сказать, — смотрит в записи. — три дня назад, Макаров её из больницы забрал и увёз за город, на свежий воздух. Говорят, — он этого ребёнка очень ждёт. Пылинки с неё сдувает. В доме у них постоянно дежурит врач и медсестра. Интернета нет, ну и связи, соответственно. Кругом глушилки стоят, квадрокоптеры по периметру летают. Про усиленную охрану, я тебе даже рассказывать не буду. Укрепился он там на славу. Осталось только канал прорыть и ток по кругу пустить. Про ток, я кстати, не уточнял информацию, так что может и есть. Просто так туда не прорваться, сам понимаешь. Единицы допускаются в их семейное логово. Поэтому, собственно, ты и не можешь дозвониться до неё. Ну вот, в общем, и всё. Жива, здорова и неплохо устроилась, — подытожил он. — А нет, — взбодрился опять. — У него бракоразводный процесс начался. Так что, вполне возможно, скоро будет свободен...

Пульс разгоняется до запредельных скоростей, дышать не даёт:

— Мне надо с ней поговорить, можешь организовать? — не сомневаюсь, в своём решении.

Валера смотрит на меня внимательно и начинает, как debil конченный, в зубах ковыряться: — а зачем? — спрашивает.

Я закатываю глаза. Ну сколько можно уже объяснять?

— Она написала, что это мой ребёнок и просила её забрать от него. Ты уверен, что он с неё пылинки сдувает и хочет этого ребёнка?

— Нет, я ни в чём не уверен. Но, — поднимает палец, — давай начнём с того, что он всё таки не чудовище...

— Да ты что? — подскакиваю. — Тебе напомнить, что это «не чудовище» со мной сделало?

— Ну ладно, ладно, не кипишуй, успокойся. — поднимает руки. — Если сейчас, не брать в расчёт тебя... — потирает подбородок и чувствуется, что пытается подобрать слова. — Я действительно не думаю, что он что-то ей сделает. У него была масса причин и возможностей, хочу отметить, — опять поднимает палец, — чтобы испортить ей жизнь, но он до сих пор с неё. Согласись?

Киваю... тут даже не поспоришь...

— И он этого ребёнка хочет. — Продолжает Валера. — Я тебе точно говорю. У него нет кровных детей, кроме Фомина, которого он всю свою жизнь люто ненавидел, а сейчас уже потерянного не вернуть. Он это прекрасно понимает. Взрослый дядя то уже. Если это его ребёнок, он его не отдаст, ни при каких условиях.

— А если не его? — спокойно спрашиваю. Понимаю всё, только сделать с собой ничего не могу.

— Я не знаю Венер, — разводит руки по сторонам. — Тут, наверное, пока ничего не

поделать, только ждать. Ты вообще уверен, что это твой ребёнок?

— Блять, Валер, я же сказал — не уверен, но думаю, что она не врёт. Я просто хочу с ней поговорить и удостовериться, что всё у неё нормально, и всё.

— С ней никак, Венер, — спокойно говорит, — только если вооружённое нападение, да и то, не факт, что прорвёмся...

— Тогда с Макаровым поговорю. — встаю. Бесит всё...

— Ты о*уел?! — подсакивает, вслед за мной. — Успокойся. Поговори с Фоминым — он возвращается через день. Послушай, что он скажет. Может он помочь тебе сможет, как-никак, сын его, они даже общаются иногда...

— Пф... — фыркаю, — не поможет он. Если только закроет где-нибудь до отъезда и на самолёт под конвоем посадит. Не надо ему знать ничего. Завтра к Макарову поеду...

— Давай так, — разваливается на стуле, — вместе завтра едем. Сегодня поздно уже. А завтра, с утрачка, на свежую голову, вперёд за приключениями, — И двумя пальцами в воздух стреляет имитируя пистолет. — Пи*дюлей будем вместе потом получать...

— А тебе-то это зачем? — удивлён.

— Да скучно вдруг стало, — улыбается своей фирменной, глумливой улыбочкой. — Давно ничего интересного не было в моей жизни. Хотя с тобой повеселюсь... — молчит, а глаза сверкают, как у нашкодившего ребёнка. — Я вот не понимаю Венер, — смотрит опять внимательно, — нам, мужикам, что, вообще бабы, не доставляющие проблем, не нравятся? Что ты, в эту Зою вцепился, оторвать тебя ничем невозможно. Что Петька вон, куролесил, дым коромыслом шёл, пока его Дина не попёрла, ладно хоть вовремя одумался... Может и на тебя озарение нападёт, а? Как думаешь?

Не знаю, что ему сказать на это. Сижу, нервно перенося пальцами тру и ржать начинаю...

— Слушай... если тебе тут заняться вдруг нечем, там это...Лёху бы вытащить ещё, а то он мамы боится...

— Откуда вытащить? — Валера подался на меня корпусом и прищурился...

— Да гайшники там его остановили... забрали до выяснения...

— За что забрали-то? — начинает растягивать губы в ухмылочке опять...

— Да там... — не знаю плакать мне или смеяться сейчас, — за вождение в пьяном виде без документов. За попытку оказать сопротивление сотрудникам правоохранительных органов... при исполнении — добавляю тихо.

— О, мой гад, — Валера откидывается на спинку стула, закрывая ладонями лицо. Потом вдруг подаётся на меня и выдаёт: — ну станцуй мне тогда что ли, Венер...

Я знал, конечно, что он придурок, но тут, даже я, немного растерялся, замешкался. Потом очухался, встал манерно, куртку не спеша расстёгиваю: — тебе как? — наклоняюсь к нему. — Сразу стриптиз или, для начала, цыганочку с выходом? — поиграл бровями, посмотрел на него, не выдержал, глядя на его рожу весёлую и тоже заржал...

— Блять, — он бодро подсакивает со стула, просмеявшись, — весело с вами пацаны. Пойдём, рыжий, за другом твоим — путь мне освещать будешь...

Глава 10

Валера, как и обещал, ждал меня на стоянке перед офисным центром «Орнамент», которым владеет Макаров.

Его крутая «Беха», даже здесь, на стоянке, напоминающей выставку дорогих машин, выделялась своим экспрессивным дизайном и бескомпромиссной роскошью. Любит он

красивые тачки и скорость, по ходу, — делаю вывод.

Вышел сразу, как только я остановился.

— Давай сюда, — махнул рукой рядом со своей машиной, — я тут для твоего «Ниндзи» место крутое застолбил. Дождался, пока я «зверя» своего поставлю, с интересом его весь осмотрел и спросил, не отрывая заинтересованного взгляда от мотоцикла: — Как там друг твой безумный поживает после вчерашнего?

— Да он нормальный так-то...

— Нормальный? — не даёт мне договорить. — нормальные обычно на решётках не висят, обезьянами не прикидываются. Ему бы все руки нахрен поотбивали, если бы мы не приехали вовремя. И не только руки — добавил. — Как он вообще такой весёлый до своих лет дожил?

— Так он у двух мам под строгим надзором, до последнего времени, находился. Сейчас одна мама его выперла, за хорошее поведение, не выдержала его выкрутасов. Вторая, в одиночку, не справляется... — усмехаюсь, вспоминая цирк, который устроил Лёха. Кажется, все сотрудники правоохранительных органов, были рады, когда мы за ним приехали. С удовольствием нам его отдали, со словами: «из дома одного выпускать не советуем. Ещё раз попадётся, церемониться с ним не будем».

Из-за всей этой канители с ним, устал, как собака. Думал уснуть не смогу: переживать буду из-за сегодняшней встречи. На самом деле, только Лёху маме с сестрой передал с рук на руки, голову на подушку положил и отключился, как в яму провалился. До будильника спал, как убитый. Даже сны не снились, так вымотался за день.

— Не понял? — Валера смотрит на меня удивлённо. — Про мам не понял? — добавляет.

— У него мама женщина суровая — он её до сих пор боится. Но даже она, в одиночку, не справляется. Он же неуловимый. А вторая, которую он слушался беспрекословно, — девушка его, — уточняю, — отправила его гулять, на вольные хлеба, месяца два назад. Вот он и сорвался. Никак отойти не может... — объясняю подробно, неожиданно заинтересовавшемуся моим другом, Валере.

— Аа, — понимающе кивает головой. — А девушка его, это ваш администратор на бывшей твоей работе?

— Откуда знаешь? Следил что ли? — усмехаюсь.

— С больницы помню их, они вместе часто приходили. Значит, расстались они, говоришь? — смотрит задумчиво вдаль, потирая рукой подбородок.

— Тебе Лёха что ли понравился? — подкальываю его.

— Конечно он, кто же ещё, — возвращает себе улыбочку. — Ну что готов? — переключается. — Идём, он на месте уже.

Этот трёп, на разные темы, немного отвлекает и снимает напряжение. Я даже разволноваться, по-хорошему не успел. В голове как была пустота, с утра, так она и осталась. Не представляю даже, о чём мы с ним разговаривать будем, если доберусь до него, конечно.

— Говорю я, ты — молчишь, — предупреждает Валера, перед тем как мы входим в здание.

На входе нас встречает «шкаф», внушительных размеров, с такой же квадратной рожей, как и всё его огромное, мощное, тело. Осматривает нас внимательно, глубоко посаженными, глазками. Поднимается неспешно со своего места, не забыв прихватить дубинку. И хлопывая ею по своей ладони спрашивает, ухмыляясь: — куда намылились, добры

молодцы?

— Фомин Пётр Валентинович аудиенции желает, — пропел Валера, нагло улыбаясь ему в ответ. — Звони самому. Срочно это — добавил, не моргнув глазом.

Тот ещё посмотрел на нас, вернее, на Валеру, который стоял перед ним, загораживая меня своей спиной и, засунув руки в карманы, перекатывался с пяток на носочки, не забывая про улыбку ни на минуту.

Я прислонился плечом к стене, спрятав руки в карманы, сжатые в кулаки, чтобы не показывать своего волнения, которое начало медленно, но верно, меня накрывать, продолжая растягивать рот в улыбке, как безумный. Терять, по сути, было нечего.

«Шкаф» воткнулся взглядом в какой-то списочек, напрягая извилину в голове, понимая, как качнул головой и позвонил...

Кинул на нас взгляд свой умный, ещё раз, и молча открыл проход...

— Блять, если Макар не в духе, то выносить нас парень будут вперёд ногами отсюда... — без капли волнения в голосе, констатирует Валера...

Оптимистично, однако, — подумал я, но отступить не планировал.

— Буду думать, что в бане ему чайной ложкой прикрыться можно, — пытаюсь шутить, чтобы успокоиться.

— Не обнадёживайся попусту рыжий, я его сына неоднократно голым видел, — как умеет, успокаивает Валера.

— Не предполагал, что у вас такие близкие отношения...

— А ты как думал? — ржёт, — мы с детства вместе...

Застыли оба на месте...

Он сам вышел встретить своего сына...

* * *

Улыбка его застыла в непонятной гримасе на полпути, когда, вместо сына, меня увидел...

Если бы можно было взглядом убить, то убил бы меня сейчас, не задумываясь. Так смотрел...

Я тоже стоял, замерев на месте, не в силах оторвать взгляда от глаз его, сверкающих ненавистью, от желваков, ходящих по скулам, от губ, застывших в недоулыбке. Я никогда его не видел так близко. Только на многочисленных фотографиях в интернете. Но фотография — это одно, а живьём увидеть человека, которого ты втайне ненавидишь много лет — совсем другое.

Сколько ему? Пятьдесят? Больше даже. Он неплохо выглядит для своих лет, нужно сказать. Не разваливающийся, пузатый старичок, красящий волосы, чтобы казаться моложе, нет. Он очень интересный мужчина, средних лет, с бешеной энергетикой, чувствующейся даже сейчас, когда он молчит. Только смотрит.

Петька совсем на него не похож внешне. Но вот эта бешеная энергетика, которая из них прёт и накрывает с головой — один в один. Если с ними общаться, то безошибочно можно узнать в них, родственников. Никогда не думал, что такое бывает. Достойный соперник — делаю вывод.

— Надо поговорить, — начинаю первым, разрывая зрительный контакт...

Ничего мне не отвечает. Переводит взгляд на Валеру, которого прекрасно знает — тот только разводит руки по сторонам и покачивает головой, сохраняя на лице, наглую ухмылочку.

Возвращается взглядом ко мне и открывает дверь, пропуская меня внутрь кабинета...

Я вхожу...

Воздух вокруг нас моментально накаляется и густеет, как только дверь захлопывается за его спиной. Хоть ножом режь...

Сердце стучит, как бешеное. Кровь в голову ударяет, закладывая уши.

Надо успокоиться — мысленно даю себе установку.

Он не садится. Обходит свой стол и встаёт рядом с креслом. Смотрит внимательно на меня, чуть прищурившись.

Я тоже стою...

— Что тебе нужно, парень? — пытается говорить спокойно, но получается у него это сейчас откровенно плохо.

— Поговорить с ней надо...

— Это невозможно...

— Сделай возможным...

— Слушай, ты, сопляк, — срывается. — Я многое вам позволял. Терпел все эти ваши тайные... — подбирает слова, — встречи. Что думаешь, я ничего про вас не знал. Я всё про неё знаю...

— Мне раздеться? Показать тебе, каким ты терпеливым был? — перебиваю его

— Ситуация изменилась. Советую тебе исчезнуть из её жизни, из моей жизни... и я про тебя забуду, иначе... — думал, сорвётся, когда я ему напомнил об аварии, но он держится. Или специально игнорирует — не дурак.

— Что иначе? Повторишь то, что было два года назад? — пытаюсь вывести его из себя. Не поддаётся. Молчит. Только смотрит с ненавистью...

— Слушай, — вдруг говорит спокойно, — а тебе никогда не приходило в голову, как она тебя находила, а? — усмехается, чуть наклонив голову в мою сторону. — Рассказать? — смотрит.

Сам думал уже неоднократно про это, но сейчас я не за этим к нему пришёл, поэтому отвечаю:

— Нет, неинтересно...

— Она трахалась с начальником моей службы безопасности, — он, как будто, меня не слышит сейчас, — с другом моим трахалась, с сыном, — морщится. — Но ты, конечно, у неё на особом счету был. — иронизирует, — С тобой она трахалась, по большой любви, — неприятно всё это слышать, но я терплю. — Думаешь, я её просто так сейчас увёз? Не лезь к ней. Уезжай. Добром не кончится всё это, если останешься...

— Я знаю, что она ребёнка ждёт.

Он удивлён?

Нет...

— Это мой ребёнок... — спокоен.

— Уверен? — терять уже нечего, коль он всё про нас знает. — Буду требовать тест на отцовство.

— Исключено...

Встаёт и открывает мне дверь...

Мне даже жалко его немного стало...

И до боли в груди, захотелось её увидеть...

Несмотря ни на что...

Глава 11

Зоя

Иногда я его ненавижу...

Зачем он меня сюда привёз? Чего хочет этим добиться?

Не верю, что это только из-за ребёнка...

Ещё и разводиться, гад такой, собрался. Ведь обдерёт его жена, как липку. И, из самого богатого, превратится он в середнячка, да и то, если повезёт. Столько лет — коту под хвост. Обидно.

Ладно, квартира есть, накопления какие-никакие — тоже, а потом, надеюсь, папа наш всё-таки объявится. Надо набраться терпения и ждать. Нельзя мне сейчас переживать.

По привычке, привожу себя в порядок, хоть в этой тьмутаракини, меня никто никогда и не увидит...

Делаю список необходимого, как он просит: выезжать самой сейчас мне нельзя — типа опасно. Вдруг, ненароком, машина рядом остановится и я дыхну вредных для ребёнка газов, или чихнёт на меня кто-нибудь и я заболею неизвестной болезнью? Дурдом!

Всех и вся, мне привозят сюда, предварительно тщательно проверив. Маникюр-педикюр, только безопасный и, естественно, своими инструментами, приобретёнными у проверенных поставщиков. Массаж делает медсестра — глаза бы мои её не видели. Достала меня уже её услужливость и непробиваемая доброта.

Одежда и косметика — натуральные, тут вообще без вариантов. Но это меньшее из бед. Основная проблема — весь день одна. Обслуживающий персонал, что бродит вокруг, — не считается.

Из всех доступных развлечений: прогулки в сопровождении охраны, телевизор, музыка и книги, которые я с детства не читала. Но на тумбочке моей стопка увеличивается, с завидной регулярностью. И все они: одна, толще другой. Он серьёзно думает, что я буду читать все эти энциклопедии для молодых мам? Придурок!

Если б знала, что меня такое ждёт, то в больнице бы осталась. Там хоть интернет был свободный, и поговорить всегда было с кем. Да даже уйти можно было без проблем. Никто бы слова не сказал.

А тут, одичаю скоро в одиночестве...

Мне нельзя даже кошку — вдруг заразит меня чем-нибудь загадочным, а я оказывается, токсоплазмозом каким-то умудрилась не переболеть, хоть и жила всё своё детство на улице, можно сказать. Домой только ночевать приходила.

Собаку нельзя по той же причине...

Надо рыбку у него, что ли попросить. Или птичку. Лучше птичку, наверное, она хоть чирикает, а то рыбка даже говорить не умеет...

Господи! — как всё это пережить? Совсем обезумел на старости лет мужик. Быстрее бы уже всё это закончилось...

Сказал, правда, что могу подруг приглашать...

Ухмыляюсь сама себе, — нет у меня подруг. Закончились все...

Неожиданно грустно стало, до слёз. Сама от себя не ожидала. Никогда размазнёй не была, а тут слёзы на глаза навернулись, так себя стало жалко. Из-за состояния моего беременного, скорее всего, меня ещё раскиселивает. Иногда так тоскливо становится, хоть волком вой...

Может хоть охранник сегодня свой, поговорить получится. Планы на ближайшее

будущее уточнить...

Беру список, дверь открываю...

И упираюсь взглядом в незнакомую рожу. Невезуха просто:

— Где Слава? — надеваю дежурную улыбку на лицо.

Даже не отвечает гад. Пожимает плечами и всё...

Передаю ему список своих желаний, добавляя, как можно непринуждённое:

— Прогуляться хочу...

— Медсестру сейчас позову, — рацию достаёт.

Надо же, не немой оказывается, как я подумала. Эх, если бы не положение моё, обработала бы я тебя мужик. Разговорила бы на раз, рот бы не закрывался...

Откуда ни возьмись, медсестра перед носом улыбочивая появляется. Послушно в комнату возвращаюсь, завидев её. Бесит. Но по опыту знаю, что в таких ситуациях, возмущаться бесполезно. Да и пешки они, что с них взять? Надо Макарова как-то обрабатывать....

Не знаю, правда, пока, как...

Вцепился, как клещ, в этого ребёнка, несмотря на то, что ребёнок будет — рыжий. Знает ведь это, догадывается, скорее всего. Или надеется ещё на что-то?

Но другие варианты невозможны. Я тогда всё хорошо просчитала. Уверена была, что Он приедет на свадьбу друзей. Не сможет пропустить такое событие — вторую свадьбу своей любимой коллеги и спасительницы своей. Усмехаюсь, — опять она. Неприятно.

Макаров, как раз, уезжал на несколько дней. Я таблетки пить прекратила. И ребята из службы безопасности, не подвели. Нашли мне его.

И всё получилось...

Только он больше мне не позвонил, как я надеялась...

А я ждала...

Хочу эту рыжую девочку. Никогда не думала, что детей захочу, но эта девочка мне нужна сейчас. Очень нужна. Она мне должна помочь. Он не сможет своего ребёнка бросить. Я знаю его. Он не такой.

Единственный, из всех моих мужиков, — не такой. Никто никогда ко мне не относился так, как он. Никто не любил меня так, как он. Ни с кем мне не было так хорошо, как с ним...

Если бы не он, сдохла бы, наверное, от тоски, когда меня Фомин жёстко обломал. Бегала за ним, как дворняжка бездомная, а он выбрал себе тихую, невзрачную скромницу — подружку мою. Бывшую уже. Ненавижу её за это. И его ненавижу.

Думала, никогда не вылезу из той ямы, в которую упала. Так плохо мне было. Так плохо, как тогда, мне только в детстве бывало. Но детство своё я предпочитаю не вспоминать. А Венер вытащил меня из той ямы, обогрел своей любовью, вылечил, можно сказать.

Только на крючок мне неожиданно, сам Макаров попался. Как-никак, самый богатый человек в нашем городе. Я не могла от него отказаться. Никак не могла. Я просто хотела вылезти из нищеты, и он мне подарил эту возможность.

Радовалась втихаря, когда он вдруг решил Фомину отомстить за меня. Только вот предположить тогда никто не мог, что он окажется его отцом. Никто этого не знал. Историю раздувать не стали, технично всё замяли. Фомину же опять повезло. С него, как с гуся вода...

А Венер попал под раздачу...

Единственный человек, которому я никогда не желала зла, оказался крайним, и пострадал...

Много раз пыталась от него уйти — не этого я искала в жизни. Никогда не обращала

внимания, на нищих и неперспективных. А уж танцоров, на дух не переносила с детства. Но с ним всё пошло наперекосяк...

Сама не поняла, когда встречи только ради того, чтобы забыться и почувствовать себя по настоящему любимой, переросли в необходимость...

Глава 12

Зоя

Ещё в детстве, когда дома было жрать нечего, а родители радостно развлекались с собутыльниками, поняла, что главное в этой жизни — деньги.

В балетную студию ходила, только, чтобы время было где проводить. Домой возвращаться после школы, не хотелось совсем. Да и бесплатно меня туда приняли, из-за хороших данных. Суточные, опять же, выдавали, когда на гастроли выезжали. Копейки, конечно, но хоть что-то. Я на еду их не тратила, копила, а потом что-нибудь себе покупала. Поэтому праздники очень любила всегда, когда много разных концертов было. И лето любила, когда в лагерь можно было уехать, чтобы дома не появляться. Педагог наш, в студии, всегда меня в лагерь брала, хотя я ей никогда заявление от родителей не приносила.

На праздники, ещё и подарки нам дарили, приятно было. Мне никто никогда не дарил в детстве подарков. Даже Дед Мороз ко мне не приходил, не знал, наверное, где я живу...или приходиться боялся....

Дома эти подарки сразу родители с дружками раздербанивали, мало что мне оставалось. Я плакала тихонечко в уголке, так мне обидно было. Потом уже, когда немного повзрослела, догадалась прятать. Выделяла себе по полконфеты в день, чтобы растянуть удовольствие и смаковала, рассасывая их не спеша. Мечтала, что когда вырасту, смогу себе купить много-много разных сладостей. Ходила в магазин, смотрела на витрины с разными вкусами, глотала слюнки и хотела побыстрее уже вырасти, чтобы из дома уйти...

Не жаловалась никому, боялась, что в детский дом отправят. Родителям я хоть и не нужна особо была, но зато целыми днями свободна. Им плевать было, во сколько я уходила, и когда домой возвращалась. Не до меня им было — дым коромыслом стоял круглосуточно почти. Перед соседями было неудобно.

Из дома старалась выходить и заходить тоже, чтобы никого не встречать. Перед тем, как выйти, в глазок смотрела. Прислушивалась, нет ли там каких шумов, не идёт ли кто. Только потом выбегала и всегда по ступенькам спускалась. Старалась быть незаметной и ни с кем не здоровалась никогда. Меня даже бабушки, сидящие на лавочке у подъезда, не знали. Такой я неприметной была.

Только сосед, по лестничной площадке меня знал. Как я ни пыталась прятаться от всех, постоянно на моём пути встречался.

Помню, как договорилась я подъезды в соседнем доме мыть, чтобы денег немного подзаработать. Драю я так, этот подъезд долбаный в один из дней, с утра пораньше. Стою с грязной тряпкой в руках, кверху жопой, окурки и плевки отмываю. А тут из квартиры парень выходит, — он, сосед. Чтоб его...И ведь не прошёл мимо, узнал, сволочь такая. Наклоняется ко мне и говорит: — мой лучше, сопливая, а то вчера тут грязновато было...

Потом, каждый раз, когда встречал, насмехался надо мной, обзывал по-всякому или ущипнуть пытался. Да ещё при дружках своих и подружках. Так стыдно мне было.

Отомстила я ему потом, когда подросла: всем рассказала, какой стручок у него маленький, в отличие от языка...

В старших классах поняла, что природа внешностью меня не обидела и этим можно пользоваться и вполне на жизнь себе заработать, на безбедную... Главное правильно выбирать жертву и никогда не влюбляться.

И уже не останавливалась. Шла к своей цели напролом...

А на Венере споткнулась... Два раза споткнулась...

Где я так ошиблась? — не понимаю.

Даже подумать тогда не могла, что он так удачно сможет устроиться. Он же почти не ходил. На нём живого места не было. И эти шрамы страшные на ноге. Я испугалась. Не хотела сидеть опять голодной и делить конфету на два дня...

Если бы только знала тогда, то конечно, согласилась бы выйти за него замуж. Не раздумывая согласилась бы. Потерпела бы уж немного, хоть и непривычно мне было уже на себе экономить. Но с ним я бы справилась. С ним я на многое могла бы пойти. С ним всё проще было...

Жила бы сейчас в Европе, горя не знала. С тем, кто мне по-настоящему нравится. С кем я не боялась быть самой собой. С кем не нужно было играть, рисоваться, и придумывать ничего не нужно было. С тем, кто в первую очередь, обо мне думал, о моём удовольствии, а не о себе любимом...

Может быть даже и работать бы пошла, ну туда, к нему. Говорят, я могла бы...

Почему он мне не позвонил?

Горько почему-то от этого...

— Вас просят домой вернуться, — откуда ни возьмись, охранник появляется, прерывая мои размышления...

— Я прекрасно себя чувствую, врач мне разрешила гулять, — не хочу дома сидеть.

— Шеф приехал на обед сегодня, хочет, чтобы вы присутствовали...

Сердце неожиданно сжалось. Неужели случилось что-то? Он никогда обедать не приезжал домой.

* * *

— Всё нормально? — спрашиваю, когда вхожу в дом и подставляю щёку для поцелуя.

Макар ухмыляется, поворачивает двумя пальцами мой подбородок к себе и целует в губы. Неожиданно долго целует. Что это с ним?

Господи, я так привыкла, что все его зовут Макар, что иногда забываю его настоящее имя. Никогда почти не называю его по имени. Да и никто не называет, если только на работе. И сам он привык. На Стаса даже не всегда отзывается.

— Всё замечательно, — улыбается. В хорошем настроении, надо же. — Решил больше времени с тобой проводить. Работа никуда не убежит, а тебе действительно здесь скучно одной. Ты права. После обеда прогуляемся вместе, если врач разрешит. Давно не гулял. Детскую обсудим на свежем воздухе, — живот мой гладит. — Завтра дизайнер приедет, надо подготовиться.

Фыркаю:

— Слушай, а мне можно хоть иногда выезжать отсюда? По магазинам или в больницу хотя бы самой поехать? Ведь с ума же можно сойти, в одиночестве... — не сдержалась.

— Конечно, можно, — легко соглашается. — На следующей неделе вместе поедem, куда захочешь, если врач разрешит — добавляет...

Весь вечер со мной провёл. Рассказывал что-то, спрашивал обо всём: о самочувствии, о том, что врач говорит, как будто не знает. Даже о желаниях моих

спрашивал. Обычно я сама ему о своих желаниях сообщала, а тут он инициативу проявил.

Настораживает это всё как-то...

И мысль голову гложет, что Он мне так и не ответил...

Почему?

Глава 13

Надо было ей сразу позвонить или написать хотя бы, а я пошёл и нажрался с горя — дебил.

Еду в гости к Фоминым...

Стопудово люлей от Петьки сегодня получу. Валера сказал, что тоже будет и, если что, поможет мне отбиваться от него. Так-то по любому придётся ему всё рассказать — он единственный, кто может мне сейчас хоть чем-то помочь. Тем более, что осталось у меня всего пару дней до вылета, а я с ней так и не поговорил. Хоть удостовериться, что всё с ней нормально.

Александро ещё весь день названивает: кода приедешь, когда приедешь? Выкатил километровый список желаний, как баба, ей богу. Нахрен ему эта шапка со звездой сдалась? Когда он её носить будет, там даже зимы нормальной нет.

Правда, они и летом её натянуть могут, за ними не заржавеет. Вспоминаю его сестру Сару и ржу. Как-то попросил он меня её встретить, ещё в самом начале нашего знакомства, когда я только в Милан на постоянку переехал и со всеми тонкостями европейской повседневной моды, не был близко знаком. У него съёмка в тот день была, он никак не мог за ней поехать. Уточнил у него: — как узнаю? Хоть фотку покажи...

Он посмотрел на меня удивленно, помахал перед моим носом открытой ладонью и заверил: — узнаешь, гарантирую.

И был прав.

Такую матрёшку не узнать было невозможно.

Когда она вылезла из поезда в расписном платке, завязанном, как у нас бабушки носят в деревнях и шапке ушанке поверх, в двадцатиградусную жару — я больше ни на кого смотреть не мог. Пи*дец!

До сих пор, как вспомню её, так ржу. Она ещё целоваться полезла, как это у них принято, а я рожу отворачиваю и слёзы вытираю. Никак успокоиться не могу. Так ржачно было с непривычки. Но она у него вообще девица — огонь, отжигает не по детски. Теперь вот решила к нам за винирами приехать, потому, как у них голливудская улыбка стоит сильно дороже.

Дал задание сестре с Лёхой за шапками сгонять и зубы изучить. Всё равно им делать особо нечего, пусть хоть делом займутся.

Не успел на звонок нажать — ворота открываются, под громкий лай собаки. Дина навстречу идёт, своей летящей походкой.

Взгляд на неё кинул и сердце ёкнуло о своём: кругленькая опять. Хорошенькая. Сколько интересно у неё? Поменьше, наверное, чем у Зои. Хотя кто его знает, не эксперт я.

Шлем с головы снимаю, Дара летит навстречу, маму с собакой обгоняя, заглушая своим визгом даже лай собаки.

— Большая какая стала, — подхватываю её на руки и подкидываю. Она, заливаясь звонким хохотом. — Иди сюда красотка, поцелую тебя, пока муж твой не видит, — обнимаю одной рукой похорошевшую Дину и созерцаю кулак её, выходящего из-за угла, мужа.

Ребёнок на папин кулак долго смотреть не даёт, развлечений требует. Кручусь с ней,

она птичкой притворяется. Дина рядом мельтешит, под ногами мешается...

— Осторожно, — не выдерживает. Пытается ребёнка подстраховать...

— Я тебя ни разу не уронил, а ты у нас девочка... — посмотрел ещё раз на неё. — Дин, тебе, что муж даже отдохнуть не дал? Деспот!

Засмушалась, как девочка. Совсем не изменилась.

— А что, заметно уже? — платье поправляет.

— Оо... — наклоняюсь к ней и громко шепчу, глядя на её мужа, — это был сюрприз? Ну я же не знал, предупредить нужно было...

Петя пригрозил мне ещё раз, для порядка, дочь свою пытается у меня отобрать, она с ним не согласна — утыкается носом мне в грудь, хохочет... Чмокаю её, куда попадаю, тискаю. Чудо-ребёнок, с папиной улыбкой. Никогда раньше на такие нюансы внимания не обращал.

Дождался пока Зубайда подъедет, кивнул ему головой, чтобы отошёл...

— Поговорить надо, — кручусь вокруг своей оси, развлекая маленькую проказницу... — серьёзно, наедине, — останавливаюсь.

— Идём в дом тогда, пока не все ещё подъехали и девчонкам дадим поболтать, — показывает в сторону входа в дом и идёт первым.

Мы с Дарой наперегонки за ним...

— Я к Макарову ходил, — всё равно же узнает, если уже не знает.

— На... — начинает, смотрит на дочь и стучит себя по губам, — зачем?

— Она вне зоны. Я так и не смог с ней поговорить.

— Бб... лин... — опять похлопывает себя по губам и протягивает руки к дочери, — иди ко мне, принцесса моя, маме тебя пока отдадим, а то папа сейчас сильно заикаться начнёт.

Принцессе на наши мужицкие разговоры и проблемы плевать с высокой колокольни — не наигралась она. Приходится ещё какое-то время с ней попрыгать, и на приличном языке с её папой беседы вести. Мне это даже на руку — от гнева его спасает.

— Венер, думаю сейчас ничего сделать нельзя. Надо ждать пока она родит и потом уже смотреть по ситуации. Не стоит нагнетать... хуже только будет...

— Да я просто хочу знать как у неё дела. Ну странное сообщение, понимаешь? Может проблемы какие у неё....

— Да нет у неё проблем, — весело улыбается дочери. — Макаров разводится официально. В кулуарах шепчутся, что развод будет сложный, долгий и исход его предсказать никто не берётся. Я не думаю, что он без штанов прям останется — он же не дурак. За столько лет подушку безопасности, точно, предусмотрел. Но жена у него дама... — глянул на принцессу свою и сквозь зубы выдавил: — сложная. Не приведи господи, когда-нибудь с такой встретиться в тёмном переулке, — добавил, не сдержавшись и весело подмигнул дочери. — Он всегда от неё гулял, но о разводе речи не шло никогда. Сейчас эта тема у нас номер один, все кому не лень её обсуждают. Ты просто дома давно не был. Может и... — замаялся, — Зоя там что-то слышала, толком не вникла, решила подстраховаться. Я почему-то в эту сторону склоняюсь. Давай мне её, пока она успокоилась, девчонкам отнесу, — забирает у меня усталую Дару, но выйти не успевает...

В гостиную входит Дина в сопровождении улыбающегося во весь рот Валеры.

Пока Петя с женой обнимается, о чём-то мило перешёптываясь, не обращая ни на кого внимания.

Я к Валере подкатил:

— Ну что? — спрашиваю, покусывая ноготь от волнения...

— Нет там тока, но может ну его на*уй, Венер, а? Рискованно. С ним сначала поговори, — кивает на Петра.

Откашливаюсь, наблюдая, как Дина закрывает за собой плотно дверь, а Петя идёт к нам и взгляд его сейчас, не предвещает ничего хорошего. Прищуривается, поворачивается к Валере и очень тихо, но крайне неприятно, начинает говорить:

— Блять, ну ладно этот оболтус малолетний, не может пока ещё мозги вовремя включать. Ему в прошлый раз не всё отбили, а ты-то куда попёрся?

— За малолетку ответишь, — включаю идиота, — пойду сейчас твоей жене пожалуюсь...

— Серьёзно? — поворачивается в мою сторону и немного странно смотрит...

— Ой, слушай, — подключается Валера, — я тоже пойду его жене пожалуюсь, он меня с детства обижает...

— Ну два придурка, — хмыкает, — спелись ёпт...

Глава 14

Посидели мы отлично. Душевно посидели. Хотя я и нервничал немного и не мог дождаться, когда уже можно будет свалить, тем не менее, встрече нашей был очень рад.

Дину не видел со дня их последней, надеюсь, свадьбы. А мы с ней не один год рядом провели. Столько она сделала для меня, вместе с мужем. Как сестра мне, можно сказать.

Народу немного было. Только самые близкие. Из всех присутствующих, меньше всего с Элей, наверное, общался — школьная подруга Дины. Она с мужем и пацаном, чуть старше Дары, приехала. И весь вечер рот не закрывала.

А остальные все родственники почти. Лёхи только не было из самых близких, но ему сюда пока нельзя.

— Как там он? — поинтересовалась Зубайда, когда мамы пошли детей спать укладывать, а мужики увлеклись обсуждением рабочих вопросов.

Фомин пытается вложиться в перспективное направление, как он считает, а то ему вдруг скучно стало. И, как всегда, с огоньком и азартом, рассказывает о своём новом увлечении. Я далёк от их бизнес-сферы, но даже мне его слушать интересно. Умеют же некоторые так увлечь своими идеями, что невозможно не заслушаться. И в этом он похож на Макарова. Вот эта его бешеная энергетика и харизма, точь в точь, как у отца. Ему бы в политику, лапшу на уши народу вешать. Надо будет ему идейку подкинуть...

— У меня пока живёт, под присмотром мамы и сестры. — отвлекаюсь от бурного обсуждения бизнес-планов, — мама его ещё и на дачу утащит, трудотерапией дурь из башки его будет выбивать. Ты то, что думаешь? Не простишь его? Жалко ведь парня... страдает...

— Если сейчас не расстанемся, то затянется это непонятно на сколько и не факт, что закончится хорошо. Не вижу я никаких перспектив у нас. Лучше уж сейчас, пока жизнь друг другу не поломали и не возненавидели друг друга. Ему лучше без меня будет — повзрослеет, раскроется. Он ведь парень то неплохой. Не козёл, не сволочь... — помолчала немного, — да и у меня без него больше шансов жизнь свою устроить, а то годы идут...

Обнимаю её. Знаю, что всем нужна поддержка, помощь и плечо, на которое можно опереться в трудную минуту. Даже таким сильным женщинам, как наша Родина-Мать, как мы в коллективе её, за глаза, называли.

Валера поворачивает голову в нашу сторону. Смотрит на нас: внимательно, задумчиво, серьёзно... Я его таким серьёзным и не видел никогда.

— Может его с собой забрать? — предлагаю ей.

— Забери, — откликается, как-то даже облегчённо, — если нужно будет, я помогу. Только ему не говори. И мне спокойнее будет. Буду знать, что он под присмотром. Ты сам то как? Не пьёшь сегодня ничего. Завязал? — хмыкает.

— Я перед вылетом нажрался, как свинья. Еле долетел, так плохо было. До сих пор не могу на алкоголь смотреть. — Усмехаюсь, вспоминая ночь перед вылетом, ну и сам перелёт. И проблемы свои не хочу ни с кем обсуждать, даже с ней...

— С Зоей не кипеши, — добавляет по-доброму. — Попроси Петьку помочь. Не останется ребёнок без отца, не переживай. Придумаем что-нибудь.

— Угу, — отмазываюсь...

Девчонки вернулись и все опять расселись за столом. Валера между нами втиснулся. Хохмить начал, как всегда, в стакан себе воды подливая, между делом.

Я с Диной ещё поболтал немного и домой намылился, как только стемнело. Летом у нас поздно темнеет, первый час уже — самое время. Пока доеду...

Лечу по трассе, сердце колотится, как сумасшедшее. Вроде и не боюсь, а успокоиться не могу. Остановился на развилке, чтобы отдышаться, на местности сориентироваться и настроиться на последний рывок. Разворачиваюсь уже в нужном направлении...

Дальний свет, двигающейся по встречке машины — ослепляет. Прикрываю глаза: мудило — так и хочется высказать ему всё, что я о нём сейчас думаю...

Отворачиваюсь, моргаю, чтобы восстановить зрение, готовый в любую минуту дать по газам. Машина останавливается рядом.

Присматриваюсь — Валера.

— Не передумал? — уточняет, приоткрыв окно своей «бехи».

— Нет, — мотаю отрицательно головой.

— Давай за мной тогда, знаю где колёса можно бросить, потом пешком...

— Тебе-то чего дома не сидится? — уточняю, когда останавливаемся.

— Да меня всё равно со света сживут потом, если с тобой что-нибудь случится. — переодевается зачем-то. — А так, погибну как герой, в неравной схватке с врагом. Петька памятник на могилу поставит, может, всплакнёт даже. В салон мне всё лишнее кинь, надёжнее будет. Родственникам будет что передать. — буднично так, указания раздаёт, как будто на рыбалку мы тут с ним собираемся.

Его спокойствие мне передаётся...

— Ты зачем переодеваешься? — не сдержал любопытства...

— Да у меня свои прибабасы, не парься. Штучки — дрючки всякие. Я же, как нормальный мужик в армии служил, а не как некоторые, жопой вилял и ногами дрыгал.

— А... ну понятно теперь, — не стал заострять внимание на «вилять» и «дрыгать» — не та ситуация.

— Бегать можешь? — уточнил.

— Могу, конечно, а зачем? — удивлён. — Время есть.

— На всякий случай, вдруг придётся. Хотя вряд ли — не успеем убежать. Оптимистичен, не отнять у него этого.

Подходим к высокому забору, он ржать начинает, как идиот, конченный...

— Слушай, я почему-то вспомнил, как мы в детстве, в деревне огурцы и яблоки по ночам с пацанами воровать лазили. У всех этих яблок было — завались. Осенью закапывали в ямы мешками. Но, блядь, соседские же всегда вкуснее были. Сколько мы ни получали

крапивою по жопе, за это — всё равно через пару дней лезли снова. И так это было кайфно, убежать с полными карманами яблок от преследователей...

Я стою рядом с ним и тоже хи-хи ловлю, вспоминая детские шалости. Или нервное это у нас сейчас?

— Ладно, — вытирает глаза, просмеявшись. Замирает на мгновение, концентрируется, как перед выполнением сложного трюка, — тут у него прореха в обороне. Я первый пойду, подстрахую там тебя, если что. Но не могу тебе сказать точно, где она спит и с кем, — вот надо было ему это добавить обязательно, гад такой, — и не знаю, как мы отсюда уходить будем. И вообще, думаю, что затея эта бесполезная. Не передумал? — серьёзен.

— Нет...

— Тогда пошли....

Помогаю ему забраться на трёхметровый забор, подставив плечи, а он легко затаскивает меня наверх.

Темно, но глаза уже привыкли к темноте.

Тихо.

Только биение моего сердца и дыхание, нарушает сейчас эту тишину, заглушая стрекотание насекомых и пение ночных птиц.

Бежим к быстро приближающемуся зданию...

Яркий свет фонарей ослепляет.

Совсем рядом раздаётся громкий лай собак, переходящий сразу же в рычание.

Первый порыв — бежать.

Стоять! — незнакомый голос. — Не вздумайте бежать, собак спущу.

Стой! — Валера.

Руки за голову — тот же голос.

Я пытаюсь прикрыть рукой глаза, чтобы хоть что-то увидеть и получаю сильный толчок в спину. От неожиданности, падаю на коленки и мне в ту же минуту, ставят ногу на спину, прижимая к земле и больно заламывая руки.

Бегу на полусогнутых, пополам согнувшись. Боковым зрением вижу, семенящего Валеру, в такой же завлекательной позе.

Как в кино, ей богу.

Только это не кино. Это всё происходит со мной...

С нами...

Начинаю более-менее соображать, только когда мы оказываемся в какой-то комнате. По ощущениям — подвал. Глаза быстро привыкают к полумраку, но осмотреться не успеваю. Почти сразу открывается дверь и заходит... Макаров, в сопровождении пары амбалов.

— Я же вас предупреждал, — спокоен. Поворачивается к амбалу, — делайте с ними что хотите, на дороге где-нибудь потом выбросите. — и выходит. Даже поговорить с нами не соизволил.

Первый удар достаётся Валере...

Кажется, я попал на деньги, если выживу — подумал, прежде чем дыхание перехватило от боли...

Глава 15

— Его не должно было быть дома сегодня, — тихо говорит Валера и сплёвывает на пол, как только все выходят, закрывая за собой дверь. Я сижу на полу, глубоко дышу, пытаюсь понять, какой урон мне нанесли эти дуболомы и сколько я ещё продержусь в такой

мясорубке... — Сигнализация у него временно отключена, — меняет, пока ещё не настроена. — продолжает он, — а собак он на дух не переносит. Не было у него собак никогда. Где-то я косякнул Венер. Прости... Ты как там вообще? Сильно досталось?

— Да ладно тебе, не парься. Из-за меня же влез в это дерьмо. — пытаюсь развернуться, но тело простреливает острой болью. Неужели ребро? Дышу. Нет, вроде не успели. Стукнули то всего пару раз. В основном Валере досталось. — Нормально всё у меня... кажется. — добавляю неуверенно, продолжая себя прощупывать. — Тебе больше досталось. Что случилось? Куда они все свалили? Ты понял что-нибудь?

— Х*й знает, что их от нас, красивых, отвлекло... — сплёвывает опять. — Кажись падла, любимый зуб мне сломал... встречу на узенькой дорожке, будет у меня со вставной челюстью ходить... пи*арас ё*аний. — Встаёт и подходит к двери. — Не ссы рыжий, прорвёмся. Мы с Фоминым и не в такие передряги попадали. Что думаешь, у него полпальца, просто так что ли нет?

— Я думал, он капусту шинковал и оттяпал...

— Ну да, ну да... любит он что-нибудь пошинковать на скорости, — поддакивает задумчиво, осматривая дверь. — Не откроем мы этот сейф с тобой изнутри. Будем, скорее всего, выживать на дороге, когда выбросят нас куда подальше. Не убьют, точно тебе говорю... — Прислушивается и быстро отскакивает на своё место.

Только хотел ему выразить свою благодарность за то, что он меня обнадёжил и зарядил оптимизмом, как дверь неожиданно открылась...

— На выход, — почти любезно прокричал милый, квадратный парень с дубинкой, пока ещё с зубами...

Валера неожиданно резво подскочил с места и со словами: — да неужели? — рванул в его сторону...

Я успел схватить его за футболку, но она с треском выскользнула из моих пальцев. Амбал отклониться даже немного успел, но кулак был быстрее и звук лязгающих зубов, разлился по моему нутру, сладким бальзамом.

На Валеру тут же налетела ещё парочка крепышей с дубинками и я, не глядя, бросился в эту кучу малу, размахивая кулаками без разбора...

— Стоять всем, — знакомый голос.

— Забирай их отсюда или я за себя не ручаюсь, — Макаров.

— О, — ты-то что здесь делаешь? — как ни в чём ни бывало, восклицает Валера оторвавшись, наконец, от двухметрового малого, которого он с упоением дубасил всё это время.

Петя молча мотнул головой, показывая нам направление движения, зло сверкнув глазами...

И мы послушно, как два нашкодивших ребёнка, потащились в указанном направлении, под конвоем строгих надзирателей.

— Я ж тебе говорил, всё нормально будет, — бодро заявляет Валера, рукой показывая на машины с мигалками, стоящие за воротами.

Ответить я ничего не успел...

— По машинам, — скомандовал Фомин, — голосом, не предполагающим возражений...

У меня было желание, конечно, задать ему вопрос, но на этот раз Валера ткнул меня в бок так, что вопросы задавать расхотелось. Мы молча погрузились в машины и рванули со свистом с места...

Не успели мы выйти, в том самом месте, где бросили свои колёса и готовились к этому провальному мероприятию, как Фомин стрелой, подлетает к Валере и в прыжке бьёт его в челюсть со всей дури...

Тот смачно выматерился, вспомнив что-то опять про свой любимый зуб, но сдачи давать не проявил желаний, сочтя, по-видимому, наказание справедливым.

Я приготовился получить по заслугам, но Фомин, по ходу, пар выпустил и довольно спокойно начал нам высказывать претензии:

— Долбо*бы. За дурака меня держите? Думали я не заметил, как вы весь вечер свой водный баланс улучшали? — посмотрел на кулак, которым вlepил Валере, покрутил им в разные стороны и выдал неожиданное: — нажраться хочу...

— Так ты обиделся что ли, что тебя с собой не взяли? — уточнил, не умеющий молчать, Валера, — тот, в ответ, только закатил глаза... — Да не должно было его быть дома, понимаешь? Я проверял. Сигнализация у него сейчас не работает. Про собак, ты мне сам рассказывал, помнишь? Что у него по молодости, инцидент какой-то с ними неприятный случился — он их на дух не переносит и близко не подпускает.

— Ты где чуйку потерял Валер? — заводится опять. — Значит неправильная у тебя информация была. Или, может, вы его сами заставили планы поменять, заявившись к нему в гости без приглашения и предварительной записи? А?

— Он на самолёт зарегистрировался сегодня вечером. — не уступает Валера.

— Ну как видишь, не улетел... — разводит руки по сторонам Фомин. — Надо было в аэропорт отправить кого-нибудь и проверить — тычет в него пальцем, но кажется уже вполне спокойным. — Куда едем? — спрашивает. — Не хочу дома шуметь.

Я посмотрел на Валеру — тот задумался глубочайше, потирая челюсть рукой.

Тебя жена отпустит? — спрашиваю у Пети.

— У меня жена — золотая, — улыбается, — позвони Зубайде, чтобы она у нас осталась, а я пока с Диной поговорю, успокою её. Из-за вас придурков, переволновалась она сегодня, а ей нельзя... — добавляет и отходит в сторону.

— Блядь, я так и знала, что ты на свою рыжую задницу поедешь приключения искать, — не даёт мне слово вымолвить — Я всё расскажу Гульназ...

— С ума сошла, ей нельзя расстраиваться...

— Ну конечно похороны твои её больше обрадуют, да. Уверена прям...

— Зу, ну всё же нормально... — перебиваю

— Нормально? — уточняет уже спокойнее.

— Живы, здоровы. Не переживай. И у Валеры всё нормально — добавляю, вспомнив как они мило ворковали за столом, и кошусь на его заплывшую рожу...

Глава 16

Зоя

Мне снится кошмар: большие лохматые собаки, остервенело, бросаются на меня, пытаюсь укусить мой живот. Я почему-то не могу их рассмотреть, не вижу их, как ни пытаюсь. Но громкий лай, переходящий в угрожающе-жуткое рычание, наводит ужас.

Распахиваю глаза — на кровати, мокрая вся. Сердце бешено колотится. Паника. Начинаю глубоко и часто дышать. Прислушиваюсь — тишина.

Надо же такому присниться? Говорят, собака во сне — к другу?

Успокаиваюсь и пытаюсь устроиться поудобнее на специальной подушке для

беременных. Чем больше живот, тем сложнее найти удобное положение для сна. Закрываю глаза, но уснуть не получается — теперь уже давление на мочевой пузырь, не даёт погрузиться в царство морфея, как ни стараюсь.

Так достало меня уже это бесконечное хождение по туалетам, особенно по ночам. Всё чаще и чаще. Когда это уже, наконец, закончится?

Бросаю взгляд на часы — почти два ночи, сегодня как-то рановато меня приспичило. Обычно около трёх встаю. Может потому что спать легла раньше обычного?

Макар весь день дома был, утомил меня немного: то у нас дизайнер, то долгая прогулка на свежем воздухе, беседы, опять же, бесконечные, ни о чём. Но зато я не скучала ни минуты и к вечеру, уже еле ворочала языком. Так устала с непривычки, что сил не было. А он ещё работать пошёл. Поцеловал. Пожелала спокойной ночи и ушёл.

Кажется, так и не приходил. Может в кабинете решил спать сегодня, чтобы мне не мешать или, чтобы я ему не мешала своими ночными похождениями.

Давно он таким внимательным не был, очень давно.

Что нашло на него? Может с разводом у него там что-то с места сдвинулось...

Последнее время он был нервным постоянно, не разговаривал со мной почти. Из-за развода этого, скорее всего. Зачем ему этот развод сдался? Останется ведь без штанов...

Весь город, только и гудит о его разводе. Говорят, что гримза его просто так не отпустит, у них типа какие-то договорённости были много лет назад. И он их сейчас нарушает.

Когда-то она его от тюрьмы спасла, взамен, он, не раздумывая, бросил свою девушку, которую, говорят, очень любил.

Усмехаюсь... — расчётливая у него любовь какая-то оказалась. Не задумываясь, променял её на свободу. Прижмёт ведь его опять эта старуха страшная и выкинет он меня на улицу, в чём мать родила, и никакой ребёнок не спасёт. От неё ничего не спасёт. Хотя она, в последнее время, и не появлялась почти нигде. В основном, где-то за границей время проводила, домой редко приезжала. Но просто так, она его точно на свободу не отпустит. Да ещё я под раздачу попаду...

Ладно, нельзя мне волноваться сейчас...

Поднимаюсь кряхтя с кровати, как старая кошёлка и топаю в ванную...

Шум какой-то доносится из коридора...

Останавливаюсь, прислушиваюсь — тишина. Показалось...

Выхожу из ванной, иду к кровати — опять шум. Голоса мужские слышатся с улицы — не показалось. Подхожу к окну — не видно не зги. Темнота кругом, даже фонари, подсвечивающие дорожки, не горят. Может авария какая случилась? Сон неожиданно, как рукой сняло.

Накидываю халат поверх сорочки и приоткрываю дверь в коридор. И правда голоса.

Прислушиваюсь...

Сердце заходится в бешеном ритме. Непокойно становится. Что могло случиться такого? Может приехал кто?

Тихонечко, на цыпочках, иду в сторону кабинета, откуда доносятся голоса...

— Вскопаю нахрен весь периметр бульдозерами сейчас — знакомый голос. Фомин? — от неожиданности дыхание перехватывает.

— Не шуми, в кабинет зайди, — Макаров.

Тишина опять...

Руки к груди прижимаю, сердце пытаюсь успокоить — так колотится, что соображать не даёт. Дышу. Дышу. Дышу.

Мне нельзя волноваться...

Осторожно выглядываю через перила лестницы вниз: свет горит на первом этаже, охрана стоит, почти в полном составе. Шепчутся о чём то тихо. Ничего не слышно.

— Здесь останься, — говорит кому-то Макаров.

Отскакиваю от перил, когда вижу, что парень из охраны направился к лестнице и также на цыпочках, быстро, возвращаюсь в комнату. Что случилось? Зачем Фомин приехал сюда ночью с угрозами?

Он не очень-то жалуется своего отца. Не общается с ним почти. Но они, к всеобщему удивлению, сумели наладить вполне цивилизованные отношения. Не близкие, конечно, но и не конфликтуют больше.

Макаров даже к внучке иногда заезжает. Подарки ей разные покупает. И всегда сам подарки выбирает. Пару раз мы вместе с ним ездили за подарками для неё, но приобщить меня к этому занятию, он так и не смог. Посмотрел на мою кислую мину и больше приглашать не стал.

Я вроде уже и не злюсь на Фомина, как это раньше было, но осадочек неприятный до сих пор остался. Не могу так вот всё взять и забыть.

Неужели? — простреливает догадка, и кровь приливает к вискам...

Достаю успокоительное, которое мне врач прописала и сажусь в кресло. О сне не может быть и речи...

Время как будто не двигается. Замерло всё...

Наконец, лёгкий шум шагов и дверь открывается...

Я сразу встаю, смотрю на него. Мы стоим в темноте, но прекрасно видим друг друга. Чувствуем всё и понимаем, чего мы хотим сейчас друг от друга.

— Я сейчас приглашу врача... — наконец прерывает молчание Макар.

— Что с ним? — перебиваю его.

Молчит какое-то время...

Я жду...

— Всё в порядке. Он уехал, — как всегда, честен, и ничего не придумывает.

— Отпусти...

Подходит ко мне почти вплотную, и очень тихо, спокойно, проговаривая чётко каждую букву, говорит:

— Два года назад ты сама сделала свой выбор. Я тебя отпускал. Теперь уже поздно. Для тебя — поздно и для меня — поздно. Однажды я отказался от своего ребёнка и от его матери. Больше такой ошибки я не совершу. Этот ребёнок будет моим. Назад пути нет, Зоя. Сейчас придёт врач, тебе нельзя волноваться...

Глава 17

— Петь, ну что там отец твой сказал? — спрашиваю, когда мы уже, наконец, остались одни за столом, заставленном бутылками и едой на любой вкус. Думал, уже никогда от нас не свалят многочисленные друзья и знакомые парней, мечтавшие разделить с нами веселье, откровенно разглядывающие наши разукрашенные рожи и искренне предлагающие помощь, если что. Парни от помощи любезно отказались. Сказали, что инцидент исчерпан, разобрались сами. Валере ещё долго обрабатывали синяки и ссадины, прибежавшие официантки, с удовольствием, изображающие медсестёр, тоже никак не желающие

оставлять пострадавшего без присмотра. Надо мной немного поколдовали, но основное внимание, конечно, перепало Валере, как самому красивому на этом празднике жизни.

— Да какой он мне отец?! — отмахивается он...

— Вот и мой ребёнок, лет этак через двадцать-тридцать, также про меня будет говорить, — его слова, отдаются болью в сердце. С горя опрокидываю в себя рюмку водки, никого не дожидаясь. Паршиво.

— Ты не сравнивай жопу с пальцем, у него вообще другая ситуация была. Он сам от мамы моей отказался, а меня так вообще, до последнего времени, ненавидел... — помолчал немного, — да и маму тоже...

— Ну что пацаны, — оживает вдруг Валера, одной рукой поднимая рюмку, второй придерживая лёд над глазом, — так выпьем же сегодня, — торжественно начинает он, — чтобы ни у кого из нас, палец в жопе никогда не застревал... — залпом выпивает, закусывает и серьёзно добавляет: — если что, побольше смазки...

— Блядь, Валер... — смотрю на хохочущих парней и злиться начинаю, — я же серьёзно...

— Венер, тебе всю правду сейчас поведать или придумать что-нибудь? — Петя, наконец, посмотрел на меня, проржавшись...

— Правду желательно... — настроился на худшее, даже рюмку от края стола отодвинул...

— У неё всё хорошо, если тебя это волнует, то за неё ты можешь быть спокоен. Она в шоколаде. Он для неё сейчас делает всё, что может и даже то, что не может. Рад? — ждёт моей реакции.

— Рад... — подтверждаю. — А ребёнок?

— Ребёнка отдавать он никому не планирует. Извини, — разводит руки по сторонам, — тут я бессилен.

— Даже если этот ребёнок не его? Он вообще знает, что ребёнок может быть не от него? — завожусь.

— Знает. — кивает в подтверждение своих слов. — Он вообще всё про неё знает. Но говорит, что ему по*уй. Много лет назад, по молодости, он уже совершил такую ошибку и очень сожалеет об этом. Только сейчас вот до него вдруг дошло, что тогда он безвозвратно потерял, но прошлого уже не вернуть. Его единственный кровный ребёнок, то есть — я, — тычет в себя пальцем, — считает своим отцом другого. Он допускает, что этот ребёнок, может быть не от него, но он его хочет и никому не отдаст, как когда-то отдал своего. Этот ребёнок будет его, в любом случае. Никаких тестов он делать не намерен. Всё уже решено. Именно поэтому он и затеял этот развод — хочет всё оформить официально. — Выдаёт мне на одном дыхании.

Обхватываю голову руками: — что, совсем без вариантов? — смотрю на него, как голодная, бездомная собачка.

— Вариантов немного, на мой взгляд, — серьёзен, как ни странно, — самый простой, и, возможно, оптимальный, — ты примешь всё, как есть. Иногда жизнь жестока и с этим просто нужно смириться. — Я мотаю отрицательно головой. — Венер, подожди, — поднимает руку, — знаю, что тебе это всё неприятно слышать, но тут надо думать, в первую очередь, о ребёнке. Это я тебе, как отец, говорю. У Макарова нет своих детей, ну если меня не учитывать, — опять тычет пальцем себя в грудь, — но я же никогда его своим отцом не считал. Он сейчас даже разговаривать на эту тему не хочет — мой и всё тут. Он не обидит

ребёнка, — можешь даже не переживать.

— А эта его... жена, которую лучше в темноте не встречать?

— Так её лучше и днём не встречать, — оживает Валера, до сего момента, не мешавший нашей беседе.

— Вооот, — указываю на него пальцем, в знак согласия с его словами.

— Так ситуация изменилась, — Петя разливает между делом, — думаю, ничего сейчас она не сделает. Нет, я уверен, что Макаров не дурак и всё просчитал. Когда-то он был зависим от неё — она отмыла его перед законом, бизнес помогла построить. Он за всё это великолепие, не раздумывая, отказался от моей матери, которую якобы сильно любил, променяв её и меня, кстати, на свободу, деньги и страшную жену. У неё подвязки были хорошие в органах, среди политиков тоже вроде. Кто-то из близких родственников в Думе сидит. Это Валера лучше знает, — махнул рукой в сторону друга, — тот на его слова кивнул, продолжая усиленно налегать не еду. — Но сейчас и у Макарова всё нормально со связями. Не даст он своего ребёнка в обиду. Он уже лет десять как любовниц своих не скрывает ни от кого. И ничего она ему не сделала. А раньше говорят, тихарился, боялся попасться. Да и в возрасте она уже серьёзном. Она его лет на двадцать старше. Так что... — откидывается на спинку дивана. — Он, понимаешь, полжизни своей, прожил с нелюбимой бабой. Я вообще поражаюсь, как он не спился от всего этого. На работе жил, говорят, чтобы её не видеть. А сейчас влюбился и решил, по ходу, наверстать упущенное...

— Значит, вообще никак? — не успокаиваюсь...

— От матери многое зависит Венер, как она решит. Думаю, можно будет оспорить отцовство через суд, — это с юристами нужно будет обсудить. Давай договоримся с тобой так, — ты ничего не предпринимаешь пока. Глупостей никаких больше не делаешь. Сейчас тебе нужно набраться терпения и ждать, когда она родит. Если ты выберешь суд, то я тебе помогу. Но прошу тебя, не осложняй ситуацию. — Киваю, согласен с ним. Справиться только с собой непросто...

Глава 18

— Я так и не понял? — Петя разворачивается к другу всем корпусом, — ты то зачем туда поёрся? Могу понять Венера, даже может быть, оправдать его. Но я вот тебя не могу понять, тебе скучно что ли стало?

— Именно, — Валера кивает, в подтверждение своих слов, с тупым выражением лица.

— Уволю, — спокойно заявляет Петя и поворачивается к столу.

— Только попробуй, — тот косит на него одним глазом, — я может жениться собрался, а ты меня без работы оставить хочешь перед самым ответственным событием в моей жизни?

— Да ладно? — в два голоса выкрикнули мы, подавшись в его сторону.

— Обломс мужики, она пока не знает ничего, но если серьёзно, — делает серьёзное лицо, но хочется почему-то ржать. — Он, — показывает на меня пальцем, — всё равно бы туда поёрся. И вляпался бы ещё сильнее. Ты себя вспомни идиота, — смотрит уже на Петю, — что ты там творил, когда у тебя проблемы были, в твоей бурной личной жизни? Даже не буду уточнять с кем, чтобы в челюсть опять не получить, а то тут даже отпрыгнуть некуда, а моя челюсть сегодня больше нагрузок не выдержит, — спокойно разливает.

— Колись давай, на ком жениться собрался? — Петя тянется к нему своей рюмкой, — Я было уже думал, не дождусь никогда от тебя таких заявлений, не снимешь ты с себя обет безбрачия в этой жизни... — показательно тяжело вздыхает.

— Что за обет? — уточняю, дотрагиваясь до их рюмок своей. Про любовные

похождения Валеры, никогда ничего не слышал, несмотря на то, что девчонки сами кидаются под колёса его «бехи», с воплями: «возьми меня куда хочешь» — он до сих пор ходил завидным холостяком.

— Да он же у нас больше одного раза ни с кем не встречается, выбирает всё подходящую. Скоро уже никому не нужен будет, довы*бывается. — подкалывает его Петя.

— О... так ты всех девчонок что ли перепробовал в нашем городе? — подключаюсь я.

— Ну не всех, — отвечает Валера ухмыляясь.

— И не только в нашем, — добавляет Петя — А если серьёзно, то у него ситуация была почти такая же как у тебя. Правда всё прошло быстрее, но финал был фееричен и незабываем, — выдаёт он секретную информацию.

— Да ладно? — взбодрился я, настраиваясь на весёлое повествование.

— Я таким же дебилом влюблённым был, как ты — Валера сам продолжает: — молодой, безбашенный, без гроша в кармане, но, блядь, с ума сходил по ней, ночами не спал, так она мне нравилась... — откидывается на спинку диванчика, задумчиво улыбаясь. — Красивая сука была, глаз не оторвать. Мужики головы сворачивали, когда она мимо проходила — покачивает головой и замолкает.

— И что, она не полюбила тебя такого красивого? — спрашиваю нетерпеливо.

— Полюбила, Венер. — кивает. — Меня полюбила и ещё одного, что побогаче меня был. Он её содержал, а у меня только дырка в кармане была тогда. Петька мне, конечно, помогал, — он же у нас с золотой ложкой во рту родился, — смотрит на него и улыбается, как может, своей распухшей физиономией — да и сам я за любую работу брался, не капризничал особо, но у неё запросы были о-го-го, — руки в разные стороны разводит, как рыбак, — моих денег там на один пук только хватало. Мы у неё встречались, в основном, — в квартире, которую ей любовник оплачивал. Я тогда сам с родителями жил или у Петьки вон, кантовался — кивает в его сторону подбородком. — Ну и довстречались, — ухмыляется. — Прихожу как-то я к ней, весь подготовленный для серьёзного разговора: цветы, вино, музыка, свечи, все дела.... Поговорили, выпили, поцеловались, ну и как положено — разделись. — Официантка замерла на месте с открытым ртом, когда Валера футболку свою начал медленно поднимать, корпусом волну исполняя, не хуже профессионального стриптизёра.

Петя рукой ей показывает: иди, свободна — она нехотя отходит, косясь на вошедшего в образ Валеру...

Я жду сию, когда он уже со стриптизом закончит и к рассказу своему вернётся.

— Время десерта подошло, я уже весь готовый к большой и светлой любви. — продолжает он. не спеша. — И тут, в самый ответственный момент — любовник её заявляется, без предупреждения. Я посреди кровати валяюсь, голый, естественно, спрятаться уже некуда, да и не успеваю. Она вещи мои быстро под кровать закинула, меня одеялом накрыла и на него с разбегу — прыг: типа я тебя так ждала, так ждала, соскучилась вся от ожидания долгого. Ну и плюхаются эти голубки на кровать, рядом со мной, сразу, без подготовки. Я не дышу от страха. Он трахает её: пыхтит, кряхтит и пердит шашлыками. С меня пот градом — жарко, дышать нечем, да и страшно, что сейчас вот он, рукой махнёт и свидетеля рядышком обнаружит...., голенького. Он здоровенный такой бугай ещё был, при оружии, к тому же, — из ментов каких-то высокопоставленных. Хрен его знает, что ему в голову взбредёт на пике удовольствия — пристрелит, глазом не моргнёт и скажет всем: так и было. И у меня, блядь, в самый ответственный момент, палатка раскрывается, — руками

круг очерчивает перед собой. — И пошевелиться я не могу, чтобы палатку свернуть. Она сверху на меня подушки кидает. Так я подушки эти, поднимаю — такой стояк, пи*дец просто. Этот, боров, потрахался, проперделся, собрался и свалил, а я встать не могу. Болит всё. Любовь моя неземная, ко мне подлетает, после того, как его проводила, одеяло скидывает, смотрит на мой член торчащий и ртом своим тянется: давай помогу тебе дорогой, а мне блевануть на неё хочется. Еле до унитаза добежал... — замолкает задумчиво...

— Бляха — выдыхаю, представляя эту красочную картину, — И что потом?

— Всё, — Валера разводит руки по сторонам, возвращаясь ко мне взглядом, — больше ничего. Прошла любовь, завяли помидоры. Посоветовал бы я тебе такой «отворот», да боюсь, что ты эту стадию уже прошёл другим путём...

— Да я всегда знал, какая она, — усмехаюсь невесело.

— Знать — это одно, а вот слышать всё это рядом с собой — совсем другое. Уверю тебя, работает безотказно. Правда, там ещё экземпляр должен быть подходящим, тут тебе тоже кажись не очень подвезло. А у меня прям сработало, на раз.

— Что, и порнуху больше не смотришь?

— Не... порнуху, как раз, смотрю. А вот шашлыки не ем с тех самых пор и про спорт только с великого перепоя забываю, чтобы не пыхтеть, блядь, и не пердеть, когда девочку красивую полюбить захочется...

— Ну понятно теперь, почему ты у всех спрашиваешь: свободна, не свободна... — подь*бываю его, — с такой-то травмой психологической.

— Да вообще не угадал, — вытаращил он один глаз, — я просто парень честный, у Петьки вон спроси....

Петька ржёт сидит...

Глава 19

Вся эта ситуация, похожа на лабиринт — я гуляю по нему с закрытыми глазами и ищу выход. Подсказок нет ни хера, но надо идти и искать, иначе будет хуже. А я не могу пока даже понять, есть ли выход из этого лабиринта или это очередная ловушка...

Зачем прилетал? Только душу разбередил...

На чужбине как-то не так остро всё это ощущается, а дома прям по живому...ножом... без наркоза...

Все они правы по-своему. Все, без исключения. Но что делать с сердцем, которое не хочет успокаиваться?

За время, что я её не видел, я не встретил никого, кто бы заставил моё сердце биться так, как оно билось при встрече с ней. Я столько раз пытался её забыть и найти себе другую девушку. Влюбиться пытался. Но все мои попытки заканчивались полным крахом....

После секса, и кратковременного удовольствия, в душе опять оставалась только, ничем не заполненная, пустота.

Да и секс тоже был другим. Мало кто умеет так дарить себя, растворяется в партнёре так, как умеет это делать она. Мало кто не стесняется показать себя настоящей: слабой, незащищённой, даже некрасивой. И дело тут не в природной красоте. Дело в желании и умении идти до конца, не задумываясь ни о чём и ничего не боясь.

Она всегда чётко знала свою цель и шла к ней напролом, не сворачивая с намеченного пути. Ей просто нужно было помочь поменять цель или путь помочь поменять, но я не смог этого сделать, как ни пытался.

Больно...

Начинает нестерпимо ныть нога, как всегда, когда я думаю о ней, а её нет рядом.

Когда она была со мной — я чувствовал её любовь. Был уверен, что она меня любит, несмотря на то, что потом она уходила к другому. Никогда даже в голову не приходило, что я когда-нибудь смогу делить свою девушку с другим. Но эта её самоотверженность и ощущение полной отдачи и любви, которую она дарила — чувство не сравнимое ни с чем. Это невозможно объяснить. Это наркотик, от которого невозможно отказаться, когда ты его уже попробовал. Ты знаешь всё про опасность, но поделаться с собой ничего не можешь — бессилен. И как мотылёк, летишь на огонь, чтобы сгореть...

И я сгораю сейчас...

Я до сих пор помню её запах. И когда слышу что-то похожее, останавливаюсь, принохиваюсь, ищу источник, как последний идиот. Иду на него, как собака на запах своей жертвы, но найдя его, разочаровываюсь, понимая, что это не она.

Мне до сих пор снятся во сне её стоны. В такие моменты я просыпаюсь и хромаю в душ, чтобы снять напряжение, а потом ещё долго обливаюсь ледяной водой, чтобы выбить дурь из головы.

Мои руки, мои губы, мой язык помнят каждый изгиб её совершенного тела, бархат её кожи, её охренительный вкус, который сводит меня с ума...

Я найду её в толпе, с закрытыми глазами. И никогда ни с кем не перепутаю.

И я до сих пор задыхаюсь от нежности к ней...

На автомате сдаю багаж, прохожу паспортный контроль — всё, назад пути нет.

Иду в бар, чтобы скоротать время и позвонить всем своим друзьям и близким, сажусь и заказываю себе чай с лимоном...

... втыкаю в уши наушники и включаю песню своей землячки — Зефиры. И сейчас мне, вместе с ней, хочется громко выть на весь зал: «Ну почему?»

А теперь ещё и ребёнок...

Мой ребёнок.

Наш ребёнок.

Чёртов лабиринт!

Провожать меня сегодня поехали все. Даже Дина с ребёнком, которого у неё сразу же конфисковала моя мама, давно мечтающая о внуках.

Валеры только не было с нами. Решили, что не стоит ему рисоваться перед мамой, дабы она ничего не заподозрила. Мой небольшой синяк на лице я объяснил ей неудачным спаррингом с Лёхой, — он не раздумывая, в содеянном признался.

Сам он, кстати, тоже не поехал. Из-за Зубайды. Не готов он пока ещё, встречаться с ней в новом статусе, а она, естественно, после того весёлого вечера, когда мы заявили под утро, все красивые и сильно навеселе, не могла не проконтролировать ситуацию и возглавляла сегодня нашу торжественную процессию — проводов меня, любимого.

Сильно мне от неё не досталось, как ни странно. Весь огонь на себя принял Валера. Да и был он намного красивее меня, во всех смыслах.

Пьяный Валера оказался тем ещё кадром...

Когда он ей залепил, бесстрашно уткнувшись носом в её грудь:

— Зу, можно твои титьки потрогать? — я о таких всю свою жизнь мечтал — думал, она ему вмажет и уже приготовился прийти ему на помощь, — подобрать его пострадавшую челюсть, если что. Но она только хмыкнула и отправила его спать, пообещав разобраться с

ним утром, когда он проспится.

Умный Валера, отсиживаться в уголочке, в ожидании наказания, не стал. И поутру, проспавшись, ринулся на амбразуру первым, — извиняться за своё непотребное поведения по причине сильного подпития. Но, кажется, мнения своего не поменял и что-то долго втирал ей на ухо в уголочке. Судя по тому, как она кивала ему, с несколько задумчивым выражением лица, — был великодушно ею прощён.

Силён парень — так подкатывать к нашей Зу, не каждому по силам.

На меня у неё запала уже не осталось.

Мне она только кулак показала и почти негрозно спросила:

— Если работу потеряешь, такой красивый, что делать будешь?

Работу мне терять никак нельзя. У меня семья, которую надо содержать.

— Привет, амиго, — с распротёртыми объятиями встречает меня Алехандро в Милане, готовый уже облобызать по доброй европейской традиции, — не успеваю отреагировать. В ту же минуту, на меня с визгом набрасывается его шальная сестрёнка — Сара, чуть не сбив с ног, своим напором и начинает что-то тарыхтеть без остановки...

— Ой, что это с тобой? — наконец замолкает, разглядывая моё лицо.

— Ты поэтому, что ли просил тебя завтра подстраховать? — спрашивает Алехандро, рассматривая мои синяки, — хорошо погуляли... — добавляет, расплываясь в улыбке...

— Да не страшно, я замазать всё смогу, никто ничего не заметит, — Сара вертит за подбородок моё лицо.

Я притворяюсь немым, пока они увлечённо обсуждают мои синяки между собой...

С грустью вдыхаю воздух, так отличимый от родного. Становится невыносимо тоскливо...

Звонкий голос Сары, затянувшей, неожиданно, во всё горло «калинку-малинку», вытряхивает из задумчивости...

Я остановился, ошалев, от её импровиза...

Глянул на Алехандро — тот, прикрыв лицо ладонями и еле сдерживая хохот, пошёл за сестрой, бодро марширующей, в сторону выхода.

— Ви, — поворачивается ко мне уже на улице, прервав своё выступление, Сара. — Как тебе? Есть акцент?

— Нет... почти нет, — выдавил из себя, всхлипывая от смеха...

— Поеду в Россию и буду всем говорить, что я русская, — идёт к машине, как ни в чём ни бывало, продолжая песню...

«Без неё мир был бы серее» — подумалось мне...

Часть II

Глава 20

— Венер! Венер! — слышу отдалённо знакомый женский голос и начинаю вертеть головой по сторонам, не отрываясь от телефона. — Как я рада тебя видеть! — бросается мне на шею девушка, не дав ничего сообразить. — Перезвоню, — быстро проговариваю в трубку и отклоняюсь, пытаюсь ослабить крепкие объятия.

— О... — замешкался я, напрягая память, — Николь?!

— Да, да! — радостно повизгивает она, сжав кулачки. Я невольно улыбаюсь, глядя на её искреннюю радость. — Представляешь, я тебя видела. — заговорщицки шепчет она, вытаращив глаза. — ...в журнале...

— Это был не я, — также шёпотом ей отвечаю, чуть приблизившись к её лицу, смотрю

ей прямо в глаза.

«Красивые» — отмечаю про себя.

— Да ладно? — удивлённо посмотрела на меня, — Шутишь? — сморщила носик. — Знаешь, не так-то много я людей встречала с таким именем. Если честно, то вообще никого. Да ещё таких...

— Каких? — она меня неожиданно развеселила. Такие яркие, искренние эмоции и удивительная непосредственность. «Как она вообще там работает?» — подумалось почему-то.

— Рыжих, — приблизилась она вплотную к моему носу.

— Сынок, — раздаётся рядом с нами мамин голос.

— Ой, — взвизгнула Николь и резко отпрыгнула в сторону.

— Ты почему нас с девочкой своей не познакомишь? — укоризненно покачала головой она, а Алехандро удивлённо вытаращил глаза, за её спиной. — Мы думали ты по телефону поговорить отошёл...

— Да, я... — начала было девочка, но я её перебил:

— Николь, знакомьтесь, — представил её сам.

— Какое интересное имя, — мама у меня сама непосредственность и святая простота, — а как тебя родители называют? — поинтересовалась она.

— Мама называет меня Ники, — отвечает спокойно Николь, — говорит, что хотела для дочери необычное имя и решила назвать меня в честь своей любимой актрисы — Николь Кидман. И теперь меня постоянно спрашивают все кому не лень, как меня на самом деле зовут — улыбается. — Здесь ещё нормально, а дома так, каждый второй спрашивает, — добавляет.

Надо же, а я-то думал, что это её рабочий псевдоним. Даже в голову не приходило, что это её настоящее имя. Был уверен, что она — Наташа.

— Идёмте быстрее, боюсь, что скоро всё закроют, а я очень хочу туда попасть. Я ведь никогда даже не мечтала, посмотреть своими глазами Дуомо, — живьём, а не на фотографиях или по телевизору, — мама прижимает руки к груди, прослезившись. — Ники, ты же говоришь по-итальянски, да? — обращается к ней, — Идём, проводишь меня до девочек, а то я одна побаиваюсь ходить, а мальчишки нас догонят, — и берёт её за руку, не дожидаясь ответа...

— Это кто? — спрашивает Алехандро, когда все отошли на безопасное расстояние.

— Знакомая, — отвечаю, не вдаваясь в подробности.

— А-а-а, — тянет он, хитро улыбаясь...

Мама с сестрёнкой всё-таки приехали ко мне в гости, чему я был несказанно рад. Мама, возможно, впервые в жизни, позволила себе такой длительный отдых. Да ещё время удачное. Не в августе, когда здесь стоит невыносимое пекло и все пляжи забиты отдыхающими, а в начале лета, когда ещё многие работают и стоит вполне комфортная погода для отдыха.

Хотел отправить их на недельку на Искью, где почти в каждом отеле есть бассейны с термальной водой и грязи, чтобы мама не просто отдохнула, но ещё и здоровье своё поправила. Но неугомонная Сара, выступила категорически против, типа: там нечего делать молодой девушке — это она про мою сестру, надо отправлять их на Сардинию. На настоящую. И пообещала составить им компанию.

Она, совершенствующая свой итальянский, ну и русский — её новое увлечение, при помощи меня, естественно, оказывается, очень давно мечтала там побывать, а тут у неё

появилась прекрасная возможность, раскошелить своего любимого братца.

Поскольку времени у меня было катастрофически мало, то пришлось с ней согласиться и отдать весь подготовительный процесс, в её корявенькие ручки, на свой страх и риск.

На удивление, к делу она подошла со всей ответственностью — начала штудировать историю острова, который нам, в основном, известен, как любимое место отдыха олигархов, заоблачными ценами, и невероятными пляжами с белоснежным пеком, привлекающими всё тех же олигархов.

Наш холодильник был забит до отказа разными сортами сыров и не факт, что все они были «сардского» происхождения, но попробовать это всё, мы были просто обязаны.

Везде стояло вино из самых знаменитых виноделен этого райского острова. Другое вино, в этот период, мы не признавали вообще.

Она не закрывала рот ни на минуту, спеша поделиться новой информацией, как только видела кого-нибудь из нас без дела, а «без дела» — это жевать, смотреть телевизор, говорить по телефону или даже спать, если она в это время была бодр.

Вот, оказывается, на Сардинии, которая с девятнадцатого столетия входит в состав Италии, никогда не было мафии. А всё потому, что испокон веков, на острове главенствуют женщины. Говорят, что мафия существует только в патриархальных культурах. На Сардинии же женщины были хранительницами семейной памяти и строго следили за исполнением вендетты.

— Местные старожилы, передают из уст в уста, рассказы о женщинах-убийцах, которые не только умеют ткать полотна удивительной красоты, но и с лёгкостью могут добавить яда в угощение. Так они мстят мужчинам, обещавшим на них жениться и не сдержавших свои обещания — нашёптывала нам страшные истории, Сара.

— Ноги моей там не будет, я ещё не готов умереть в расцвете лет, — твёрдо сказал Алехандро, прослушав повествование про женщин-убийц.

Сара с ним спорить не стала, хорошо зная блядскую натуру своего братца.

Но мы с ним всё-таки слетали навестить их, на один день. А ещё посмотреть, что там от испанцев осталось, во власти которых Сардиния была довольно долгое время.

Мама от моего соседа, с которым лично не успела познакомиться по прилёту, была просто в восторге.

— Такой воспитанный, внимательный мальчик, — не уставала она повторять.

Никогда его таким не видел, за почти полгода проживания с ним в одной квартире. Не иначе, как сильно испугался быть отравленным местными красавицами, поэтому ни на минуту не отходил от моих дам.

Глава 21

— Сынок, почему ты Николь с нами не приглашаешь? — шепчет на ухо мама, поглядывая на девушку, скромно стоящую в сторонке и не принимающую участие в бурных обсуждениях дальнейших планов на вечер, — очень милая девочка. Она нам такую великолепную экскурсию провела по собору. Пригласи, — просит.

— Ники, — ты же с нами? — подключается Сара... — Та отрицательно мотает головой, переминаясь с ноги на ногу в сторонке. — Почему? — Сара сделала такое лицо, как будто опять «калинку-малинку» вознамерилась затянуть посреди площади, а я ещё от прошлого раза никак отойти не могу.

— Идём, — протягиваю ей руку.

— Я не могу, — шепчет она одними губами.

— У тебя какие-то планы на вечер? — подхожу к ней и тихо спрашиваю. Все замолкли, уставившись на нас.

— Венер, у меня же работа, — тихонечко говорит мне на ухо.

— Отпросись, можешь?

— Нет, конечно, — продолжает шептать, — если даже скажу, что заболела, меня приедут проверить и оштрафуют.

— Ну давай я оплачу тебе вечер, — предлагаю. Не хочу маму расстраивать в последний день пребывания у меня в гостях.

— Ты что?! — смотрит испуганно, — Это очень дорого. Не надо.

— Идём, — беру её за руку. — Напиши, что с клиентом. Деньги завтра привезёшь.

Эти последние два дня отдыха, мама с сестрёнкой провели у меня. Хотел их поселить в отель, недалеко от квартиры, где мы живём, но мама такое предложение не поняла, и чтобы её не обижать, решили, что они будут жить с нами. Пришлось освободить им свою комнату, переселившись, на время в гостиную.

Мама, естественно, сразу же пошла на кухню и развела там бурную деятельность — ну как же деток домашним-то не накормить? Небольшой затык произошёл с продуктами, но при помощи Сары, которая с энтузиазмом принялась ей помогать — вопрос был решён, а меню подкорректировано.

Мама смеялась до слёз, когда Сара ей рассказывала, как она нам пыталась приготовить «суп из травы», наивно полагая, что трава может быть любой, а не только белокочанная капуста, которая здесь особой популярностью не пользуется. И замолчала от удивления, ненадолго правда, когда узнала, что я не русский.

— Ну ничего, — успокоил я её, — вот поедешь к нам и познакомишься там с самым что ни на есть русским парнем, другом моим, — Лёхой Ивановым. Фото показывать намеренно не стал, чтобы не обломать ей сюрприз. Тем более, что он, в скором времени тоже обещает к нам заявиться. Может даже и вместе с Сарой прилетят.

И «бешбармак» и «кыстыбый» они уплетали за обе щёки, требуя добавки, а мама сетовала, что из-за отсутствия необходимых продуктов, посуды и времени, не смогла нам наготовить запасов на неделю.

Но сегодня, в последний вечер их пребывания здесь, у нас итальянская кухня, в самом, что ни на есть итальянском ресторане. В центре Милана.

— Представляешь? — мама вся раскрасневшаяся от вина, невероятно счастливая и очень красивая сейчас. — Николь оказывается тоже на факультете туризма учится, как Алиночка. Было бы неплохо ей такую практику подыскать, это ведь очень интересно и полезно для будущей работы, — обращается ко мне, а девушка заливается краской, готовая, кажется, провалиться сквозь землю от стыда. Я только киваю головой, не понимая, что мне сейчас ей ответить.

— А я скоро еду в Россию, — перебивает всех Сара, так кстати, оттягивая на себя внимание.

— Конечно, — мама, переключается на неё, — будешь у нас жить. И Алехандро пусть приезжает — тот, не задумываясь, соглашается.

— Можно в августе, например, когда у нас мало работы и жара здесь стоит адская... — смотрит на меня, в ожидании согласия.

Я опять киваю и предлагаю поговорить об этом позднее, но они тем не менее начинают громко обсуждать этот вопрос на своём, не обращая ни на кого внимания.

Не вмешиваюсь...

У меня другие планы на конец лета...

— А что вам больше всего здесь понравилось? — спрашивает маму Николь, видя её замешательство, не привыкшую к таким бурным и громким обсуждениям очень похожие на разборки влюблённых.

— Мне всё очень понравилось, — мама радостно поворачивается к ней, не понимая о чём сейчас говорят остальные, — я же никогда так далеко никуда не ездила. У меня и отпуска-то такого долгого никогда не было, — пододвигается ближе. — Мы когда прилетели на Сардинию, я там ходила и плакала в первые дни, как японцы во время цветения сакуры. Это же просто невозможная красота. Нет, ты знаешь, у нас тоже очень красиво. Всё есть: и леса и луга и горы, а уж озёр сколько — не счесть. Говорят даже, что все сцены в фильме «Семнадцать мгновений весны», из Швейцарии, снимались у нас. Но тут я не буду утверждать, это у Венера спросить нужно, — показывает на меня. — Но на Сардинии я просто слёз не могла сдержать. Сарочка спасала, вина мне вовремя наливала, сказала, что японцам только это помогает не сойти с ума от созерцания красот, и мне поможет, — смеётся всхлипывая. — И озеро Гарда великолепно, конечно, — задумчиво покачивает головой, — мы там несколько дней провели. Я даже спа-центр посетила, представляешь? — кладёт ладонь на её руку, — первый раз в жизни. — смотрит на неё, а на глазах слёзы блестят, от переполняющих её эмоций.

Николь слушает её очень внимательно, что-то тихо ей говорит. Маме она явно нравится. А я смотрю на неё и не понимаю, как она работает на своей работа и неужели и правда учится, или придумала?

— Ну что? — возвращается к нам Сара, — по дижестиву и меняем место?

— Вы идите дальше веселиться. Нельзя вам сегодня дома сидеть. — отвечает за всех мама, — меня проводите только, и ступайте. А мне чемоданы нужно ещё собрать и отдохнуть тоже перед дальней дорогой не помешает.

Глава 22

— Зайдёшь? — спрашивает Николь, всё ещё пританцовывая, когда мы подходим к её дому...

Безумная энергетика ночного клуба, накрывает тебя с головой, как только ты в него попадаешь. А парочка «бойлермейкеров», превращает нашу кровь в термоядерный коктейль, который долго ещё бурлит внутри, провоцируя на необдуманные поступки.

Сара очень хотела показать моей сестре ночной клуб «Gattopardo». Место уникальное, в своём роде. И не только в Милане. Здесь часто проходят концерты, выставки и модные показы. Но дело даже не в этом. Этот клуб находится в здании старинного собора, который в конце семидесятых годов, двадцатого века, был разгромлен и осквернён, а после этого — десакрализован.

Интерьер клуба роскошен.

Посетителей, прежде всего, поражает огромная люстра, состоящая из шестидесяти пяти тысяч кристаллов, свисающая с внушительной высоты и, конечно, мраморные колонны, держащие балконы, доставшиеся клубу в наследство от бывших хозяев.

Гостей здесь развлекает необычное шоу акробатов, демонстрирующих своё искусство под куполом бывшего храма.

Ещё одной отличительной чертой клуба является то, что здесь никогда не бывает шоу стритизёров, а на входе всегда строжайший дресс-код, из-за которого, мы чуть было не ушли

оттуда не солоно хлебавши. Потому как в лексиконе Сары, такого понятия, как «дресс-код», не существует вообще. Но Алехандро, каким-то удивительным образом получилось договориться и нам удалось сегодня туда попасть.

Контингент разношёрстный и разновозрастный, как во всех клубах Европы. В клубы здесь ходит не только молодёжь-молодёжь, как у нас, но и люди в возрасте, которые, по нашим меркам, уже ходить в такие заведения не должны. Моя мама бы чувствовала себя здесь неуютно, но тут всем плевать на возраст — это всего лишь цифры. Энергия толпы накрывает всех без исключения, независимо от возраста — все отдыхают и отрываются.

— Где ты так танцевать научился? — она держит меня за руку, искренне улыбаясь, всё ещё двигаясь под ритмы музыки, продолжающей звучать в наших головах. — Не отвечаю ей, но улыбку сдержать не могу. — Устал? Силы закончились? Всё на танцы потратил? — дразнит.

На автомате проверяю карман, в котором ношу запасы, независимо от ситуации и местоположения. Привычка, приобретённая в ранней молодости, когда я подхватил неприятную болячку от почти девственницы, как она меня убеждала. Думал член отсохнет тогда, но ничего, — пронесло. С тех пор, привычкам своим не изменяю.

Вернее, был один промах, последствия которого я ещё до конца не осознал, но это уже совсем другая история. Я перед той ситуацией был бессилен.

А тут, добренькая, пьяненькая, не воздушная, а вся такая телесная и осязаемая. Оплаченная, к тому же, почему бы не воспользоваться?

— Ты одна живёшь? — спрашиваю и тянусь к её губам. Она сразу же подаётся мне навстречу. Отзывчивая. Не противная.

Облизываю её мягкие, манящие губы языком: сладкие, со вкусом коктейля.

Отстраняется немного и восторженно смотрит на меня горящими глазами...

— Нет, мы четвером живём, — переходит на шёпот, — но девочка, с которой я живу в комнате, уехала. А остальные часа через два-три вернутся.

— Идём, — сам беру её за руку. — Ты правда на туризме училась? — спрашиваю, пока поднимаемся по лестнице.

— Правда, — кивает, — но так получилось, — замялась, — в общем, я академ взяла. Думала, что здесь будет возможность продолжить учёбу, но вот пока — никак. — Открывает дверь. — Ванная там, если нужно, — показывает и как-то съёживается вся, тухнет. — Выпьешь что-нибудь? — предлагает смущённо.

— Нет... напился я уже, хватит. — Тянусь опять к её губам. Не отталкивает, но напрягается. В струнку вытягивается вся. — Что-то не так? — уточняю. — Не хочешь?

— Волнуюсь, — выдыхает неожиданно мне в губы и трясётся вся.

— Расслабься, — гладить её начинаю, целую тихонечко. Она мягкая вся, приятная. На вкус приятная и запах её не отталкивает, наоборот, нравится даже. Только немного напряжённая. Никогда таких скромных проституток не встречал.

Мне хочется её расслабить, удовольствие доставить ей хочется. Гладить её продолжаю. Целую аккуратно. Отвечать начинает, постанывает тихонечко. Завожусь, но не тороплюсь, чтобы не зажалась опять.

Раздеваю её не спеша, сам раздеваюсь. Укладываю осторожно на кровать. Она не сопротивляется. Послушная.

Грудь её целовать начинаю, сосочки по одному втягиваю. Она осторожно так выдыхает. Выгибается мне навстречу. Руками шею обвивает. Гладит меня. Сама гладкая, аппетитная.

Люблю таких.

Отодвигаю трусики в сторону и пальцем провожу по промежности — течёт вся, но опять напрягается.

Да что ж такое-то? Боится?

— У тебя же были мужчины? — спрашиваю, на всякий случай, хоть и выглядит всё это немного абсурдно, с её-то работой. Да ещё в двадцать два года, как она сказала.

— Да, — отвечает, испуганно вытаращив глаза.

Начинаю клитор массировать, — глаза закрывает, прерывисто выдыхая воздух. Подаётся будрами на меня.

Нюхаю палец с её влагой — чистая вроде. Облизываю пальцы, — вкусненькая.

Погружаюсь пальцем глубже, — расслабляться начинает, постанывает негромко.

Ну наконец, а то я уже думать начал, что проще самому себе в туалете помочь и не мучиться. Не очень-то хочется с «бревном» за деньги сексом заниматься.

Хотя заводит она меня — тёплая, чистая, свежая какая-то, несмотря ни на что.

И красивая...

Особенно сейчас, когда расслаблена, хоть и глаза не открывает.

Начинаю ягодички её мять, поглаживать. Приподнимает попку, трусики тихонечко стягиваю. Она помогает.

Ух ты ж, ничего себе — упираюсь взглядом в шрам от кесарева, у самого лобка почти. Кипятком как будто ошпаривает. Она, что замужем?

Интуитивно провожу пальцем по шраму, чувствую, как напрягается. Даже не дышит, кажется.

— У тебя ребёнок есть? — спрашиваю, поднимая взгляд.

Глаза распахивает, смотрит испуганно. В глазах слёзы блестят, губы подрагивают. Начинает одеяло на себя натягивать.

— Уходи, — шепчет срывающимся голосом.

— Что случилось? — не понимаю. — Ты замужем?

— Уходи, — накрывается одеялом до самого носа и отползает неуклюже к изголовью кровати.

— Ты мне можешь объяснить, что случилось? — злиться начинаю.

— Венер, уходи, — почти плачет. — Прости меня...

Глава 23

Думать о том, что же случилось этой ночью, не было времени совсем.

Нет, мысли всякие-разные какое-то время в голове ещё вертелись, особенно поначалу. Не особо приятно, когда тебя так опрокидывают, заманив к себе, можно сказать. И раздражив.

Когда ты весь уже готовый и настроен на горячее продолжение, когда вся кровь вместе с мозгами уже между ног сконцентрирована, а тут на тебе: иди на все четыре стороны, — неприятно. Давно я в такие истории не влипал. Очень давно.

Не знаю, может у неё муж тиран, работать её заставляет? Не мои это проблемы. Со своими бы разобраться...

Ещё и не выспался ни хрена, а день бешеный намечается. Не до переживаний о малознакомой девушке, которую случайно встретил на дороге...

Утром поехали провожать маму с сестрой. Все поехали. Даже Сара подскочила, что для неё сродни подвигу, не любит она рано вставать. Дрыхнет до обеда обычно.

Грустно так стало, пока в аэропорт ехали. Вроде и немного времени вместе провели, а привык уже. Ощущение, что вот они рядом со мной, — грело. Я точно маменькин сыночек, привязан к своей мамочке. Скучаю по ней всегда.

Она до сих пор с ностальгией мне напоминает, что очень долго меня грудью кормила и по ночам постоянно к себе забирала, никак не могла без меня уснуть. Пуповину нашу с ней перерезать сил ей не хватало. Может поэтому мы так привязаны друг к другу. Может поэтому она так чувствует моё настроение, ей даже рассказывать ничего не надо. Она как будто итак всё знает. Не говорит только. Все переживания в себе держит.

С Алинкой у неё всё по-другому сложилось, молока не было и сестре почти сразу пришлось на подножный корм переходить. Да и мама опытнее уже была. И отец в скором времени, после её рождения, бросил нас. У неё просто времени уже не было, да и сил тоже.

Иногда думаю, что из-за меня у неё всё так с личной жизнью сложилось. Из-за того, что она столько времени мне уделяла, а он просто этого не выдержал? Кто знает...

Мама расплакалась, естественно. Я расстроился.

Сара начала её обнимать, тискать, что-то там, на смеси языков, ей рассказывать. В гости её к себе пригласила. Сказала, что родители их, ждут нас всех у себя на Майорке.

Она вроде повеселела, не отказалась даже, но у неё же дача! — не может она летом приехать, только осенью теперь. Неунывающая Сара уверенно пообещала ей с дачей помочь, когда визу получит, чем изрядно повеселила маму, да всех остальных тоже.

Эх, не знает она что такое «дача» для наших женщин — это же смысл жизни для многих. Но настроение у всех сразу поправилось. Все разом взбодрились, загалдели, обсуждая дальнейшие планы и встречи.

Даже Алехандро, который что-то там нашёптывал на ушко моей сестре в сторонке с серьёзной физиономией, подошёл к нам.

«Надо будет у него уточнить, что он там ей втирал — сделал зарубку себе, а то ведь он ещё тот крендель, умеет лапшу на уши вешать»

Из аэропорта сразу в студию рванул. Злой, как собака. Не выспавшийся...

Ещё и партнёрша капризная попалась. Блядь, ненавижу этих тощих баб. То у неё живот, откуда ни возмись, торчит, то мослы некрасивые, то рожа моя им не нравится. Ладно, рожа у меня и правда была сегодня не в лучшем виде. Да и не всегда рожа моя нормально получается. Зато к фактуре претензий никогда не возникает. Тут мне подвезло, даже впахивать особо не приходится. Так, влёткую, без напряжения и умираний в зале.

Вечером, когда мама позвонила, чтобы сообщить, что долетели нормально, я уже домой ехал. Тоска вдруг опять накатила, после её звонка.

Валеру набрал:

— Не поздно? — не подумал сразу о разнице во времени. — Ну как там дела-то вообще?

— Да пока не родила... — отвечает в своём стиле.

— А серьёзно? — усталый, голодный, даже шутить сил нет.

— Не родила, серьёзно. Так что расслабляйся и радуйся жизни, пока есть возможность, — успокоил, чего уж. — Правда тут информация прилетела, — продолжил, а я напрягся, — жена Макарову развод не даёт и вроде как в ближайшее время обещает появиться в родных краях. Не получилось у него тихо-мирно с ней договориться. Суд будет.

— Держи меня в курсе, а? — волнительно стало.

— Да не дёргайся ты там, ребёнку-то ничего не угрожает. Если что мы тут на стрёме стоим, подстрахуем, — не сказать, что прям успокоил-успокоил, но не верить ему у меня

основание нет. Никогда ещё он меня не подводил, хоть и познакомился я с ним близко, вот только, когда домой приезжал в последний раз.

— Зу, как? — спросил, чтобы отвлечься немного, да и не разговаривал я с ней уже давно, а она для меня человек родной, можно сказать.

— Говорит, что хорошо, — отвечает, после некоторой паузы, — надеюсь, что так и есть. Я стараюсь, — вдруг добавляет серьёзно.

— Ух ты, — усмехнулся. Не сдержался. — Ну удачи тогда тебе. Не обижай там её...

— Не обижу, не переживай, — по-доброму реагирует, даже без шуточек привычных, — я вообще женщин не обижаю, если только они меня...

Ну хоть одна приятная новость за день — потеплело на душе. Надо будет ей позвонить, уточнить, как он там старается.

Подхожу уже к дому и вспоминаю: я ж Николь денег не оставил за вечер. И она ведь ничего не сказала засранка такая. Не напонила даже...

Неудобно получилось. Сам ведь предложил ей вечер оплатить. И телефона её у меня нет, чтобы сказать, что не кинул я её.

Сомневался ещё ехать к ней или перенести на завтра визит.

Уточнил у Алехандро, — он спец в таких вопросах.

— Накажут её, если деньги не отдаст. — успокоил меня, как смог. И добавил: — она хорошая девушка, на консумациях только работает. Немного получает.

— Откуда знаешь? — не говорил он мне, что они знакомы, да и она словом не обмолвилась.

— Видел я её в «Саргиссио», заходили мы туда как-то.

Да твою ж мать...!

Глава 24

Опоздал...

Зашёл, когда заведение уже было открыто. Народу в зале ещё немного, так, несколько человек.

Все почти столпились у бара, громко обсуждая последние новости, за порцией очередного джестива, разглядывая, между разговорами, девушек сексуально вихляющихся на танцполе под новую песню «Гайи».

Говорят, что имя этой исполнительнице дали в честь двух известных женщин: Галины Улановой — великой, русской балерины и Елены Дьяконовой, которую Сальвадор Дали именовал — Гала. Верится в это с трудом, потому как «Гайя» — продукт межнационального брака между итальянцем и бразильяночкой, русский здесь даже рядом не стоял. Но кто их знает этих итальянцев? За ними не заржавеет что-нибудь этакое выдумать.

Присмотрелся к танцующим, — Николь не нашёл...

Встал у бара, как все.

Почти сразу подбежал пожилой официант и нарочито вежливо поинтересовался:

— Не желает ли молодой Господин компанию?

— Николь мне, — резко отвечаю. Нет сил на расшаркивания и улыбки.

— Один момент, — растягивает губы в самой очаровательной улыбке, не обращая внимания на мою недовольную мину, — куда желаете присесть, — обводит полупустой зал рукой.

Выбираю место в самом углу, закрытое со всех сторон растительностью и, не оглядываясь, направляюсь прямо туда.

Минуты не прошло, как он мне приводит длинноногую блондинку, которая радостно улыбаясь, присаживается рядом.

— Момент, — говорю ей и, нехотя поднимаясь с мягкого дивана, обращаюсь к официанту по имени, написанном крупными буквами на его бейдже, — Гуидо, мать твою, — говорю по-русски, но он этого, как будто не замечает, продолжает вежливо улыбаться и бесить меня своей улыбкой, — я просил Николь...

— Да вот же она, — показывает рукой на девушку, удивлённо вытаращив глаза.

— Пидарас ебучий, — не выдерживаю и собираю пальцы в горстку направляя их к своему лицу, чуть покачивая, что у них означает: «меня это на хрен не волнует» — значит, другую Николь приведи мне, — добавляю на итальянском.

Не спорит. Бросает: — момент, — и убегает.

Плюхаюсь опять на диван, злой, как собака...

— Она у капо (директор), — вдруг говорит по-русски девушка, сидящая всё это время рядом. — у неё там проблема какая-то с клиентом вышла. Её сразу вызвали.

— Блядь, — не сдержался. Из-за меня что ли? — подумал. — И что, никак? — разворачиваюсь в её сторону.

— Предложи шампанское, — шепчет, — только дорого это...

— Занята, — разводит руки Гуидо, выныривая из-за кустов, буквально через пару минут.

— Шампанское, — перехожу сразу к делу и пристально на него смотрю, чуть прищурившись. Не колется гад — покачивает отрицательно головой, поджав губы. — Две бутылки, — растопыриваю два пальца перед его носом для наглядности, — На лицо его моментально возвращается обворожительная улыбка. Показывает рукой — «ок» и убегает. Да чтоб я так бегал в его возрасте! Он тут по ходу со дня основания клуба работает, а прыти — немерено, скачет, не хуже горного козлика.

— Откуда знаешь? — спрашиваю, присматриваясь к её лицу. Красивая, но не притягивает совсем — холодная.

— Мы живём с ней вместе, — отвечает. — У неё какая-то неприятность вчера случилась, она из-за этого на чену(ужин) сегодня согласилась и вот опять что-то произошло, — не успела договорить. Подбегает Гуидо с кулером и двумя бутылками шампанского, которые начинает крутить перед моим носом, радостно рассказывая мне о происхождении и составе бутылок. Судя по пафосу, с каким он мне его представляет — это лучшее шампанское всех времён и народов.

Мне всё равно, что он принёс, я пить не собираюсь, каким бы оно распрекрасным ни было. Киваю, в знак согласия, — он, манерно и неторопливо, с чувством выполненного долга, ставит бутылки в кулер со льдом на стол.

Я ничего у него больше не спрашиваю. Судя, по тому, что он начинает сервировать стол, отлаженными до автоматизма, движениями, — понимаю, что она должна в скором времени появиться. Откидываюсь на спинку дивана, закрываю глаза. Устал.

В этом тёмном помещении, даже негромкая, пока ещё, музыка, мне не мешает. Наоборот, действует расслабляюще. Отключаюсь мгновенно.

— А ты можешь мне одну консумацию оплатить? — подаёт голос девушка, про которую я забыл.

— Конечно, — нехотя открываю глаза.

— А вот и она, — радостно восклицает официант, встречая распростёртыми объятиями Николь, которая как-то очень неуверенно, заходит в наш тёмный уголок, вежливо

здоровается и скромно садится на краешек дивана с противоположной от меня стороны, пытаюсь натянуть на коленки короткое, чёрное платье.

Не меня позы, смотрю на неё: испуганная, припухшая, глаза блестят.

Плакала...

Говорю Гуидо, чтобы он включил в счёт консумацию девушке, что просидела со мной всё это время и жестом прошу их удалиться. Он громко начинает рассказывать, как же он любит щедрых русских, только целоваться ещё не лезет для полноты картины.

Останавливаю его «признания в любви» жестом и прошу исчезнуть. Грубо, — знаю, но я сегодня не в настроении.

Девушка радостно подхватывает бокал с шампанским со стола, приобнимает его, и громко смеясь и переговариваясь между собой, они, наконец, удаляются.

— Сядь ближе, — хлопаю ладонью по дивану рядом с собой, — не хочу кричать.

Николь молча пересаживается. Не смотрит на меня, — стену рассматривает.

— Я деньги принёс. Забыл просто вчера — не трогаю её.

— Не надо было, я отдала...свои...

— Я сам тебя пригласил. — Пожимает плечами. Молчит, продолжая тщательно изучать стену напротив. — У тебя из-за меня были проблемы? — уточняю.

— Нет, — отрицательно мотает головой.

— Расскажи...

— Нет, это не из-за тебя, — упёрлась, как маленький ребёнок, — не надо было тебе приходить. — Всхлипывает.

Ненавижу, когда женщины плачут...

Глава 25

— Я обидел тебя вчера? — спрашиваю.

Молчит...

— Я тогда поем, если ты не против, а то я сегодня не успел, — поддвигаю к себе закуски, которые нам принесли к шампанскому. Не густо, но хоть что-то. Не знаю что ей ещё сказать. Не понимаю.

Разворачивается ко мне, но на меня не смотрит — на коленки свои переключилась. Подол платья пальцами перебирает.

— Прости меня за вчерашнее, — выдавливает несмело, почти шёпотом.

Киваю. Не готова она к разговору, что толку её пытаться.

— А сегодня что у тебя случилось? — перевожу тему. Может ей про сегодня проще будет поговорить. Хотя вот какое мне дело до её проблем?

Разглядываю её: хорошенькая, ребёнок почти, несчастная вся, расстроенная. Так пожалуй её захотелось, успокоить. Прижать, обогреть.

— Потанцуем? — предлагаю. Как раз медленную сальсу поставили. Офигенную просто. Незнакомую. Надо спросить, кто исполняет. Знают они толк в музыке, в этом им не отказать.

— Я не умею, — оставила в покое свои коленки, взгляд испуганный на меня поднимает.

— Я умею, — встаю, руку ей протягиваю, — тебе ничего не надо делать. Просто обнимай меня и слушайся во всём.

Хлопает ресницами в нерешительности, но руку подаёт...

Идёт за мной...

Вывожу её в центр, как положено. Обнимаю. Руки её на себя кладу. Прижимаю крепче,

чтобы хорошо меня чувствовала.

— Расслабься, — шепчу ей на ухо.

Кивает...

Начинаю вести. Послушно следует, не сопротивляется, как это часто бывает. Даже на ноги почти не наступает. Все расходятся, уступая нам место, рассредоточившись по краям танцпола. Наблюдают за нами с интересом.

Мне нравится с ней танцевать — она послушная, пластичная, музыку слышит, меня чувствует. Пахнет приятно. Начинаю в образ входить. Улетаю вслед за музыкой, её за собой уношу.

Отдаётся. Вся. Не боится. Взгляд восторженный на меня поднимает. Глаза горят. Заводит нереально своим взглядом. Усталость отступает.

Никогда не думал, что взгляд может так возбуждать. Или на меня никогда так не смотрели? — не понимаю.

Нам аплодируют, только на бис не вызывают. Официант закусок подогнал. Даже не сказал ничего, только большой палец показал. Кивнул ему, в знак благодарности.

Мне почти хорошо сейчас...с ней...

Так немного для счастья нужно иногда. Всего-то: красивая музыка, счастливая девушка рядом...

— Я сегодня на ужин поехала с клиентом, — начинает тихо рассказывать, когда мы возвращаемся на место, — а он меня после ужина в гостиницу повёз. Сказал, что если не зайдём, — замялась. Я кивнул, типа — понял, не объясняй, — то он мне не оплатит это время. Я отказалась, он меня высадил из машины. Мне пришлось добираться до работы самой. Опоздала. А у меня же ещё пропущенный день был, — опять замялась, — ну мне, в общем, за всё досталось. Я деньги за вчера отдала. Сказала, что не смог клиент сам заехать — он вроде немного успокоился, но вот за опоздание сегодня, из зарплаты вычтут. Ну хорошо, хоть не уволил. — выдыхает облегчённо.

— Такое часто случается? — интересуюсь у неё.

— Я редко на ужины соглашаюсь, только с проверенными клиентами, от которых подвоха не жду. А тут, — замолкает и смотрит...

— А тут на деньги попала вчера, — продолжаю за неё. Вздыхает. Губу закусывает.

— Побить его? — предлагаю в шутку, а может и не в шутку. Захотелось наказать ублюдка, аж руки зачесались.

— С ума сошёл! — испугалась. Глаза вытаращила.

— Ну ты же из-за меня с ним на ужин поехала...или не из-за меня?

— Ты шутишь, да? — неуверенно уточняет, наклонив голову. И продолжает серьёзно: — не надо, не бей его, а то у тебя проблемы могут возникнуть. — Оглядывается по сторонам, пододвигается ближе. — Говорят, его девушка кинула. Румынка. Ну то есть, — он из-за неё развёлся с женой, а у них это непросто, знаешь же. Вид на жительство ей сделал, а она к другому ушла.

— Ники, — тихонечко беру её за подбородок, — он тебя обидел, а ты его защищаешь? Серьёзно?

— Да тут не все такие, — она как будто не слышит, что я ей говорю. Или не понимает. — Вон видишь, того, что там бабочек ловит на танцполе, — Посмотрел. И правда, мужик ходит по танцполу и размахивает руками, как будто ловит кого-то, — над ним все смеются. У него даже машины нет. Он сюда на велосипеде приезжает. Но приходит, почти

каждый день и сидит до самого закрытия. Я иногда с ним на ужин хожу. Мы выбираем ресторан недорогой, рядом с локалем, чтобы пешком можно было дойти. Или вон видишь, мужик в красном пиджаке? — показывает, — он безобидный абсолютно. Придурочный немного, но безобидный. С ним постоянно что-нибудь случается: то он в люк открытый упадёт, то масло зальёт вместо бензина. Его жена выгнала из дома. Ну он и ходит-бродит, развлекается, как может. Сейчас в Наташу влюблён. Все деньги, которые у него остаются, на неё тратит.

— В какую Наташу? — уточняю.

— Девушка, с которой ты сидел. Мы с ней вместе живём.

— Понял, — киваю. Соседка её мне вообще не понравилась.

— Тут много таких. — продолжает. — Многих девчонки на деньги кинули, они теперь приходят и пытаются отыграться на ком-нибудь. Ну вот как меня этот.... — замолкает.

— Тебе их жалко? — спрашиваю и не могу понять, что она вообще здесь делает...

— Не знаю, — пожимает плечами, — у всех свои проблемы...

— У тебя, когда выходной? — надоело уже про больных мужиков слушать. Сам себя больным начинаю чувствовать.

— В понедельник, а что?

— Поехали во Флоренцию? У меня пара дней свободных будет. Развеемся. Место поменяем. Проведёшь мне экскурсию, а? Мама сказала, что у тебя это очень хорошо получается. — Сам не знаю зачем её пригласил. Может потому что тёплая она, а мне так тепла в последнее время не хватает.

— Венер! — испугалась, съёжилась вся опять.

— Боишься, что, как тот мужик условия буду ставить? — нет, не буду. Можем просто погулять, если не захочешь больше ничего. Одному скучно — пожимаю плечами. Она губы кусает опять сидит. Разволновалась — чувствуется по учащённому дыханию. — Боишься? Ты же со мной уже ходила, — смотрю на неё и и даже в темноте сейчас заметно, как она краской заливается.

— У меня есть ребёнок, правда, — говорит так, как будто в преступлении признаётся. — Сын. Два года ему скоро исполнится. — Улыбается вроде, но осторожно, несмело.

— А муж?

— Мужа нет... — замялась, — вернее, ты не подумай... — он был, но он ушёл...

— Я не думаю, не переживай, — успокаиваю её, как могу. — Ребёнок где сейчас? — муж её меня вообще мало беспокоит, раз его нет.

— С мамой. Дома.

— Муж тебя обижал? — понять её хочется зачем-то.

— Да... Нет... — замолкает. — Можно я не буду рассказывать. — опять глаза заблестели. Но не обманывает хотя бы, ничего не придумывает. Мне это нравится.

— Можно... — улыбаюсь. Выдыхает с облегчением. — Выпить не хочешь? — бокал поднимаю. Может расслабится немного, разговорчивее станет.

— Нет, не хочу, — мотает отрицательно головой, — а то будешь мне вспоминать тот... — спотыкается не договорив, но улыбается. Глаза прищурила.

— Ну ладно, ладно, — усмехаюсь, вспоминая день нашего знакомства. — Я и сам был тогда хорош, так что не буду вспоминать, — не парься. Ну так что?

— Могу на один день. — соглашается.

— А на два?

— Я же работаю...

— Я оплачу...

— Венер! — это дорого. Ты итак уже кучу денег потратил!. — она шутит?

— Ники, — глаза закатываю. Не знаю уже, что с ней делать. Ей предлагают отдых оплатить безвозмездно, а она сидит и переживает за мой карман. Плюнуть что ли? Сложная какая. — Так да или нет? — не отступаю. Привык дело до конца доводить.

— Да

— Ну слава яйцам, — проговариваю про себя...

Глава 26

Лечу по трассе, скоростью наслаждаюсь. Люблю гонять ночью: пусто, тихо, никто не мешает. Только ветер шумит за окном — нервы успокаивает.

Ехать около двух часов, если трассу какая-нибудь вереница фур не перекроет, — здесь это редко случается, но бывает.

В пассажирском кресле Николь сопит. Не захотела назад уходить. Сказала, что рядом со мной будет сидеть, развлекать меня будет, чтобы я не уснул за рулём. Сама сразу же отключилась.

Усмехаюсь...

Забрал её после работы, в пять утра. Зачем? — сам не понимаю. Одному не хотелось ехать? Секса захотелось с неопытной девочкой? То, что она неопытна, ежу понятно — целоваться даже толком не умеет. Или что? Тепла, внимания, заботы?

Или меня и правда, как Валера говорит, чужие проблемы возбуждают?

Хрен знает...

Посмотрел на неё...

Глаза открыла...

— Спи, разбужу к завтраку...

— Ещё долго?

— Минут сорок...

Послушно глаза закрывает. Я немного фигею от неё. От её послушности, безропотности. От доброты её. Я никогда не встречался с такими.

«Она почти проститутка...» — барабаню пальцами по рулю, остановившись на развилке.

Сворачиваю с трассы. Не завтракаю в автогрилях, мне там не нравится. Да и в Тоскану еду не ради Флоренции. Не ради того, чтобы полюбоваться шедеврами Микеланжело и Леонардо да Винчи, которых подарила миру Флорентийская республика в эпоху Возрождения.

Не ради вкусной еды и великолепного вина.

Я приезжаю сюда, чтобы насладиться её невероятной природой. Иногда просто еду, куда глаза глядят, петляю между холмами, по дорогам, проложенным ещё во времена Древнего Рима. Заезжаю в малюсенькие городки-борго, в каждом из которых обязательно находится какое-нибудь всемирно известное произведение искусств. Да просто гуляю по бескрайним виноградникам и цветущим лугам.

Мне всё здесь нравится.

Отдыхаю здесь телом и душой.

Даже местный диалект, немного шипящий, мне понятнее и удобнее для произношения.

Может просто местная природа мне напоминает дом? У нас также красиво. И я скучаю по дому, по родным и друзьям. По маме скучаю. Хотя вроде привык уже.

— Ви! — пожилой мужчина выскакивает на улицу, как только я останавливаюсь у таверны, в которую заезжаю в каждый свой приезд. Кажется, он никогда не спит. В любое время дня и ночи, когда бы я сюда ни приехал — он бодр, весел и стоит на страже, в ожидании посетителей. — Ты сегодня не один? — протягивает руку и хитро улыбается.

Ники вышла и скромно стоит у машины, переминаясь с ноги на ногу.

— Идём, — протягиваю ей руку.

Подходит сразу.

Народу пока ещё совсем немного, несмотря на то, что завтракают они очень рано. Несколько человек всего — телевизор смотрят, переговариваются негромко, некоторые даже газеты читают, что для нас уже непривычно. Но в местной глубинке, такое ещё встречается довольно часто.

— Тебе как всегда? — спрашивает Винченцо, которого все зовут «Ви», как и меня здесь. Я уже привык. Киваю ему. Поражаюсь, как он всех помнит — я ведь нечасто сюда заезжаю. — А синьорине? — спрашивает, показывая на Ники.

— Что будешь? — беру её за руку, чтобы не смущалась. — Ты можешь поспать немного, здесь номера есть, — предлагаю, — а я прогуляюсь пока, ноги разомну.

— Я с тобой, если не помешаю, — обнимаю её. Никогда у меня не было такой неприхотливой скромницы.

Заселились в отель, только во второй половине дня. Ехали неторопливо, останавливались на каждом перекрёстке. Гуляли. Разговаривали ни о чём. Она ничего не спрашивала. Я тоже.

Посмотрела немного испуганно на большую кровать в номере, но ничего не сказала. Я не стал уточнять. Сделал вид, что не заметил.

Ей всё нравится. Она всё воспринимает с восторгом, как ребёнок. Ощущение, что нигде не была, кроме работы ничего и не видела за всё время, что в Италии провела.

Прыгала от радости, когда мы попали в Уффици и даже в очереди не стояли. Местный художник — Лука, большой поклонник Репина и русских девушек, с которым я познакомился ещё в первый свой визит, занял нам очередь, пока мы гуляли. Ему всё равно делать нечего, а нам время сэкономил.

Ходила, восторгалась, мне что-то эмоционально рассказывала. Благодарила постоянно. Мне приятна её реакция. Благодарность всегда приятна. А тут, вроде ничего не сделал, а человек счастлив. Хорошо на душе. Спокойно.

Вечером утащил её в «Данте» — ресторан в центре, где готовят офигенное мясо, ставят правильную музыку, а на экране постоянно крутят цитаты из «Божественной комедии». Не то чтобы я его большой поклонник, но иногда почитать и прикоснуться к великому, очень даже интересно бывает. В такие минуты, сам себя начинаешь по-другому чувствовать, значимее, что ли.

Расслабился, наконец. Ноги вытянул. Вина выпил.

Николь тоже от вина сегодня не отказалась, разругалась вся. Болтливая сразу стала, весёлая. Глаза блестят.

— Венер, — вдруг ни с того ни с сего, с серьёзным видом обращается, когда мы уже поели. Смотрю на неё. Улыбаюсь, настроение хорошее. Замолкает на полуслове, мнётся. Не тороплю её. Жду. — Я не люблю секс. — выдаёт неожиданное.

— Опа, — чуть не поперхнулся. Всё что угодно ожидал, только не этого. — А как ты это поняла? — растерялся я немного от её заявления.

— Мне просто неудобно перед тобой, ты столько для меня сделал... — как ушатов ледяной воды окатила.

Сижу и не понимаю ничего — это она меня так технично динамит или у неё проблемы? Так я вроде не собирался её ни к чему принуждать. Мне прям интересно стало.

— Ты боишься чего-то или тебе не нравится? — смотрю внимательно на неё. Она взгляд отводит. Неужели так хорошо играет? Неужели подстава? Злиться начинаю.

— Я ничего не чувствую, ничего не умею и я рожавшая — отработанный материал. — выдаёт мне в лоб какую-то поебень.

Винца глотнул, чтобы успокоиться. «Не умею ничего» — ещё понятно, даже «не чувствую» — понять могу. А вот «отработанный материал» — в голове не укладывается. Такого в моей практике ещё не было. Решил уточнить:

— «Отработанный материал» — это что? Можешь подробнее объяснить? — глаз с неё не свожу.

Думал не ответит, отмажется или плакать начнёт, как она это уже практиковала, но нет, — вдыхает и докладывает, как робот запрограммированный, даже не отворачивается:

— Мне муж сказал, что я и до родов-то была никакой, а после родов со мной вообще не интересно — отработанный материал, — повторяет опять эту хуету.

Не верю...

— Он debil? — приближаюсь почти вплотную к её лицу.

— Нет, нормальный, — отвечает, не моргнув глазом.

Она это серьёзно?

Не верю...

Она же со мной ходила два раза.

Ну ладно, первый раз мы были пьяны в стельку — я сам её напоил, там даже ничего не начиналось. А второй? — пригласила меня и заднюю включила. Может денег хочет? Ну так могла бы прямо сказать, зачем мне всякую хрень сейчас рассказывать?

Глава 27

Если хочет денег, пусть попросит. Дам. Но пусть сама попросит.

Сука, блядь — настроение на нуле. Злой, как собака. Внутри всё клокочет. Так попасться на невинные глазки!

— Ты же сама меня пригласила, не помнишь? — приближаюсь к её лицу, в глаза ей смотрю.

— Я хотела, — отстраняется от меня испуганно, губы дрожат. Только не плачет ещё. — Правда, — добавляет шёпотом...

— И что, расхотела вдруг резко? — про деньги молчу.

— Ты на меня так посмотрел тогда, когда увидел...

— Как? — опешил от её заявления. Не помню, чтобы я как то странно на неё посмотрел. Спросил про ребёнка, что в этом такого? Не ожидал просто. Она очень молодо выглядит, даже на свои двадцать два не тянет.

— Недовольно, — даже взгляд на меня подняла сейчас.

Откинулся на спинку стула. Не понимаю её претензии. Не помню ничего такого. По-другому решил спросить:

— А «ничего не чувствую» можешь мне объяснить? Ты не получаешь удовольствие? Не

нравится? Не хочешь? — Она же текла вся, когда я её раздевал. Что она мне сейчас втирает?

— Я вроде хочу, но ничего не чувствую...

— У тебя не было никогда оргазма? — конкретнее некуда уже.

— Нет...

— Так может поищем? — завожусь уже не на шутку. Краснеет и кивает.

И что это значит? Согласна?

Посмотрел на неё опять внимательно и зачем-то начал рассказывать:

— Ну ты понимаешь, вообще такое довольно редко встречается, но, говорят, встречается. Но даже в этом случае — это нормально. Не надо делать культ из оргазма, заикливаться на этом и думать, что ты вся неправильная и тебя надо чинить. Нет, это не так. На самом деле, гораздо важнее то, как ты чувствуешь себя после секса: ты расслаблена, тебе кайфно, у тебя прилив сил или наоборот, — ты отвратительно себя чувствуешь и тебе хочется побыстрее сбежать и всё забыть. Понимаешь? — не реагирует. Но слушает внимательно, не перебивает.

— А ты пальчиками себе никогда не помогала? — продолжаю и беру её руку, облизываю кончик её пальчика, чуть прикусывая — вспыхивает моментально, но руку не выдёргивает. — Помогала? — повторяю вопрос.

Еле заметно кивает...

— Всё нормально же было? — продолжаю её палец покусывать.

— Не всегда, — отвечает смущённо. Удивила опять. Не врёт, не придумывает ничего.

— А в школе, когда по канату лазила ничего с тобой никогда не происходило? — дёргается. Я не выпускаю её руку. — Кто-нибудь это замечал? Что-нибудь неприятное тебе говорили? — продолжаю свой допрос.

Опустила взгляд.

— Пойдём, если больше ничего не хочешь...

— Куда? — спрашивает испуганно.

— Оргазм твой искать... — шепчу ей на ухо и мочку её облизываю, — он у тебя есть. Ты нормальная. Его просто надо хорошо поискать. — Не стал ей говорить о проблемах, чтобы не заикливалась.

— Прямо сейчас? — боится.

— Нет, сейчас я тебе ещё одно место покажу, так что расслабься. — беру её за руку и веду, чтобы не сбежала от страха.

— А ребёнок? — спрашивает уже на ходу.

— А при чём здесь ребёнок? — поворачиваюсь к ней. Ребёнок оргазму не помеха. — ничего больше не говорит, следует за мной послушно.

Я всё ещё не знаю, зачем мне это надо.

Может я просто не хочу вставать на одну ступень с тем мужиком, который её высадил из машины? — усмехаюсь сам себе.

И я всё ещё до конца ей не верю.

Но похоже, что ей действительно не повезло с мужиками.

«Мне зачем это?» — спрашиваю себя опять и не нахожу ни одного вменяемого ответа.

Веду её на Понте-Веккьо — самый старый мост Флоренции и визитная карточка этого города. Поздно, но город не спит — он никогда не спит. Улицы забиты прогуливающимися туристами и местными жителями. Кругом смех, веселье, непринуждённые беседы.

Я люблю этот город ночью. У ночного города особая атмосфера. И она мне нравится —

я с ним на одной волне.

Мы останавливаемся иногда, разглядываем витрины. Спрашиваю, что ей нравится — она смущается, что-то лопочет нелепо и очень мило. Смешит меня своим лопотанием.

Доходим до моста, который сверкает сейчас своими «золотыми витринами» и похож на ярко освещённую улицу, заполненную празднично прогуливающимися людьми, а совсем не на мост.

— Я хочу тебе кое-что подарить на память об этой поездке, — тащу её к витринам, но она вдруг начинает упираться. Догадываюсь, что она хочет мне сказать, поэтому продолжаю сам: — не важно сколько это стоит, — важно где это купили. У тебя останется память об этой поездке. Ты будешь смотреть на вещицу, и всем говорить: «знаете, а вот это мне купили, не где-нибудь, а на самом Понте-Веккьо во Флоренции».

Я знаю, что я хочу ей подарить. Я смотрел на него много раз и много раз хотел его купить для другой, но так и не купил. А сейчас покупаю этот малюсенький кулон-сердечко для почти незнакомой девушки. Не понимаю зачем. Но мне это, как будто надо. Так надо, аж зудит.

— Оно великолепно, — шепчет, вытирая влажные дорожки со щёк, прижимая двумя ладонями своё маленькое «сердечко» к груди.

Оно и правда великолепно. Такая тонкая работа — оно как настоящее, только очень маленькое. Очень хрупкое. И его тоже нужно беречь, чтобы оно не сломалось от невзгод и грубого обращения.

— Венер, как мне тебя отблагодарить? — никак не успокоится, — плачет.

Показываю ей пальцем на щёку...

Но она тянется к моим губам...

Раскрываю её губы своим языком и целую: влажно, пошло. Прямо здесь, посреди толпы. Не отталкивает. Прижимается крепче.

— Мне в душ надо, — говорит, будто отпрашивается, когда мы заходим в номер, несмело перекладывая свои вещи с места на место.

— Иди, — шлёпаю её легонько по попе. — Потом я.

В окно смотрю. Её вспоминаю. Весь день сегодня Её вспоминаю. Она бы никогда так не радовалась такой мелочи. И не плакала бы — она вообще никогда не плакала.

Нога не болит...

Врач сказал, что со временем эти приступы у меня пройдут. Да, поломанный орган, не будет прежним, но таких болезненных приступов, какие у меня случались при воспоминаниях о Ней, быть не должно.

Может излечился?

Выхожу из душа — спит засранка, свернувшись калачиком на краю кровати.

А у меня стоит...

Блядь, хоть в коридор выходи и вместо «Давида» стой, чтоб ручками потёрли, а то свои уже надоели...

Глава 28

— Венер... — зовёт чуть слышно, когда я уже скачу по номеру с полотенцем на члене. С таким стояком уснуть невозможно, — я, кажется, заснула...

— Я понял, — резко скидываю полотенце на пол и разворачиваюсь к ней, весь уже готовый. Она натягивает на себя одеяло до самого подбородка, испуганно сверкая глазами.

Блядь, не надо было так резко её пугать своим «хозяйством», которым меня щедро

наградила природа.

— Не хочешь? — сажусь на краешек кровати с её стороны, прикрываясь рукой. Волосы ерошу, сам ржу уже.

— Хочу, — отодвигается, откидывая одеяло. Поворачиваюсь — в сорочке лежит. В струнку почти вытянулась.

Меня не надо несколько раз приглашать. я давно уже готовый...

Ладонь ей на живот кладу, глажу тихонечко, круговыми движениями, без нажима. Пальцами её животик мягкий перебираю. Под сорочкой нет ничего — голенькая. Умничка. Ножки только сгибает в коленках, трясётся вся. Завожусь ещё сильнее...

К губам её наклоняюсь, целовать начинаю осторожно, чтобы она на член мой не пялилась и дёру не дала сейчас.

Двигаю её, рядом ложусь, от губ её не отрываясь. Не тороплюсь, держусь, как могу, чтобы не спугнуть.

Рукой сорочку её красивую приподнимаю, пальцами по промежности провожу — сухая почти, а я даже смазку не взял с собой. Не ожидал таких проблем. Да и не трахаться я сюда ехал, по большому счёту.

Лямки сорочки рукой приспускаю, грудь оголяю. С сосочками её языком начинаю играть — она выдыхает чуть слышно, несмело. Зажатая вся.

Клитор её начинаю массировать легонечко. Реагирует, но медленно, а я не выдержу долго. Всё горит уже.

Приподнимаю её, сорочку стягиваю. Она помогает, не сопротивляется. Стесняется только, руками прикрывается.

— Ты очень красивая, — шепчу ей на ухо и веду влажную дорожку языком вниз.

Лизать начинаю, — коленки сводит.

— Неприятно? — отрываюсь.

— Приятно, — выдыхает.

— Расслабься, — развожу её ноги руками, к клитору её присасываюсь. Понятно, что слюна — не смазка, но у нас сейчас нет другого выхода. Долго я не протяну сегодня...

Реагирует почти сразу, течь начинает. Расслабляется. Презерватив на член натягиваю, поднимаюсь к её губам, соками её с ней делюсь и резко толкаюсь...

— Бляха... — вырывается... а она взвизгивает...

Глаза зажмурила, сжимает меня внутри с силой...

Тесная, до невозможности.

У её мужиков, что член с мизинец был? Надо было пальцами проверить, дебил. Но кто бы знал? Рожавшая же, замужем была. Блядь...

— Ники, Ники, — зову её, — посмотри на меня. Открой глаза. Я не сделаю тебе больно.

Глаза распаивает...

— Малыш, ты мне член сломаешь, если не расслабишься и придётся мне ехать домой с перевязанным «другом», — под попу её руку завожу, придерживаю, чтобы не выскользнула, — и оргазм мы твой тогда долго ещё не найдём... — начинаю попу её поглаживать, — ослабляет хватку немного.

Если я сейчас выйду из неё, не пустит больше.

— Дай мне язычок твой, — прошу. Высовывает язык осторожно — захватываю её язык губами, посасываю. Рот её языком вылизываю. Сам двигаться осторожно начинаю. — Больно? — спрашиваю, отрываясь от её губ.

— Нет, — отрицательно мотает головой.

— Обними меня ножками, — обнимает.

Ускоряюсь...

— Пососи, — проталкиваю язык ей в рот, — сосёт...

Отпускает меня, расслабляется.

Темп наращиваю...

Начинает бёдрами подаваться мне навстречу. Вся горячая внутри...

— Ники, давай, — командую, когда начинаю чувствовать её спазмы.

— Не могу, — хрипит.

Пальцем клитор её прижимаю и вколачиваться начинаю...

— Можешь, чувствую, что можешь. Давай, — шлёпаю её по попе. Переключается на шлепок, отпускает себя, пульсировать почти сразу начинает, окатывая меня изнутри кипятком... Трясётся вся, но молчит, сжав крепко губы.

— Кричи, не сдерживай себя, — шлёпаю её опять — кричать начинает. Улетаю вслед за ней. Ору, как зверь раненый, падаю на неё, вжимая её в себя сильнее, чтобы чувствовала меня. Чтобы я её чувствовал.

Охренеть просто, как вымотала она меня сейчас — то ли проститутка, то ли девочка. Никогда со мной такого ещё не было.

Выхожу из неё, накрывая ладонью её промежность, продляя её удовольствие. Своё удовольствие продляю...

Стаскиваю презерватив, бросаю на пол... вытираюсь.

На спину ложусь, её на себя затаскиваю, прижимаю. Трясётся вся, всхлипывает, дрожит. Глажу её по голове, целую макушку.

— Ники ты большая умница, лучшая самая... — обнимаю её, не выпускаю из рук. — Слышишь меня?

Всхлипывает...

— Сколько у тебя было мужчин Ники? — спрашиваю, когда она немного успокоилась...

— Один...

Пиздец...

— Давно?

— Почти три года как...

Охренеть...

Я всё сделал неправильно. Дебил. Всё. От начала, до конца. Злюсь на себя. Повезло мне, что она кончила сегодня. Она кончила, только потому что хотела мне помочь. Очень хотела. Её муженёк по ходу, все свои проблемы, на неё переложил — ублюдок. Поубивать бы таких недомужиков. И я ещё мог ей проблем добавить...

— Почему сразу не сказала?

— Ты не спрашивал... — и правда, не спрашивал, но я даже представить такого не мог.

— У тебя после родов вообще никого не было? — уточняю.

— Нет...

— Ники, о таких вещах нужно говорить обязательно, — глажу её, — даже если тебя не спрашивают, поняла?

Шмыгает...

— Мне в душ надо, — пытается выпутаться из моих рук.

— Не надо тебе в душ, — прижимаю её к себе сильнее. — отдыхай, не буду тебя сегодня

больше мучить. Завтра продолжим...

— Мне кайфно Венер, — вдруг шепчет и обнимает. Так обнимает, что душу выворачивает наизнанку. Сердце заходится внутри...

Глава 29

— Давай ко мне сейчас, а днём я тебя домой отвезу, — предлагаю, когда мы въезжаем в Милан. — У меня только во второй половине дня дела. Выспимся, отдохнём, — говорю, поправляя штаны.

«Зачем я её тащу к себе? Зачем?» — спрашиваю себя.

Она чистая, светлая, тёплая. Ей бы мужика нормального. И работу бы ей ещё поменять. Не для неё эта работа.ломают ведь. Страшно за неё. Страшно.

А у меня сейчас и без неё проблем навалом.

Да и не люблю я её...

Но «друг» в штанах здравого смысла не слышит, торчит на неё весь день. Сдерживаться пытался, как мог, помня о её неопытности и долгом воздержании. Но мне всегда с этим сложно было — завожусь, не могу остановиться. Да и не было у меня никогда таких девочек, не было необходимости сдерживаться. Не привык я к сдержанному сексу.

И отзывчивость её заводит нереально. Как она могла себя фригидной считать, с такой-то чувствительностью?

Стесняется только иногда. Но ничего не боится. Отдаётся вся без остатка.

Как мотылёк на огонь летит. Ничего не боится. Как я когда-то.

Жалею? — нет. Ни о чём не жалею, хоть и было мне временами невыносимо больно.

— А можно? — осторожно спрашивает она, чуть подавшись в мою сторону.

Смотрю на неё: расслабленная, разомлевшая, удовлетворённая. Взгляд совсем другой — томный, с поволокой, притягательный. Красивая сейчас до невозможности.

— Конечно, — провожу пальцем по её зацелованным губам, не сдерживаюсь, — вспыхивает, но не убегает. Подаётся навстречу. Целую её в губы легко — сладкая. Облизываюсь. — Сара уехала в Россию. — рассказываю, — дали ей визу, теперь развлекается там с моим другом и возвращаться, кажется, не планирует, — усмехаюсь, вспоминая фото, которые в невероятных количествах, прилетают от них с Лёхой. — А брат её редко дома ночует. Не переживай, никто нас не побеспокоит.

Улыбается...

— Я не переживаю, я же с тобой, — заявляет не задумываясь.

Настораживает немного её заявление, но уже приехали. Поздно заднюю включать.

* * *

Люблю неторопливый, утренний секс. Не могу себе отказать в таком удовольствии.

Целоваться люблю. Обниматься. Давно у меня такого не было. Очень давно.

С проститутками до утра не дотягивал обычно, а с ней в кайф. Тащусь сейчас от неё.

Обнимаю её тёплую, вкусную, мягкую. Она льнёт ко мне, обнимает меня в ответ. Целует несмело, но так приятно, до мурашек.

Сердце сжимается. За неё переживает. Не хочу, ей больно делать, не заслужила она. И обманывать её не хочу...

«Девочка, что же мне с тобой делать?» — спрашиваю опять себя.

Я не знаю про неё почти ничего. — она ничего не рассказывает. Если не спросишь, то ничего и не говорит. Про сына сказала, только когда спросил. Чувствуется, что скучает по нему, переживает, но не ноет. Не жалуется.

Про мужа уж так получилось, что узнал. Но. как я понял, жили они совсем недолго вместе. Ушёл он от неё, как только она забеременела. Удивляет, как он только умудрился ей ребёнка сделать, такой недочлен?

— Ники, ты хочешь в Европе остаться? — спрашиваю сам.

— Не знаю, мне всё равно. Просто у нас работы нормальной нет, — замялась. — А мне и доучиться нужно и вообще...

— А муж ребёнку помогает?

— Нет, — без злости отвечает.

— Почему на алименты не подашь?

— Я же из маленького городка, деревня почти, что там подавать? Что он мне платить будет?

Глажу её везде, оторваться от неё не могу.

— Венер, — тянется вдруг к уху, — я хочу тебя там попробовать. — Фыркаю. Так мило она это говорит.

Руку её беру, член свой её рукой сжимаю.

— Там? — переспрашиваю.

— Ага, — лицо прячет, смущается.

— Ники, — беру её за голову двумя руками, — я люблю «там» — по-настоящему, жёстко. Тебе не надо этого пока.

— А ты мне скажи как, я пойму — не сдаётся. Красная вся от смущения, но не отступает.

— Хочешь мне пососать? — называю вещи своими именами. Надеюсь, что передумает.

— Хочу, — упёрлась.

— Вставай тогда, — команду и шлёпаю её по попе.

Взвизгивает и встаёт.

Бросаю ей подушку на пол, чтобы коленкам мягче было. Полы все мраморные. Даже летом прохладные. Не хочу, чтобы ей неудобно было или чтоб простыла чего доброго.

— На колени вставай, — показываю на подушку.

Встаёт. Рассматривает меня с интересом, облизывается...

Провокаторша маленькая...

— Я обрезанный, татарин же, — уточняю, придерживая член рукой. — Пососи — толкаюсь ей в рот тихонечко. Руки тянет. — руки убери. Я сам. — приказываю — убирает. — Просто оближи головку без рук — облизывает. Волосы её на затылке собираю одной рукой, — рот открой и зубы убери. Расслабься. — выполняет. Глубже толкаюсь, но не на всю длину. Хрип из горла её вырывается. Из глаз слёзы сразу брызнули. — Ники, зубы убери, откусишь мне сейчас всё нахрен, — гаркаю на неё. Всё, мальш, на сегодня хватит экспериментов, — выдёргиваю член из её рта, пока не прикусила. Слёзы ей вытираю. — вставай, — пытаюсь её поднять.

— Нет, я всё поняла. Давай, продолжим, — не встаёт. За бёдра мои держится.

— Я не кончу так, Ники, измучаю только тебя...и себя — добавляю.

— А ты попробуй, давай! — и шлёпает меня рукой по заднице.

Да охренеть просто!

— Уверена? — уточняю, на всякий случай.

— Да, — сама тянется, языком по головке проводит.

Дыхание перехватывает...

— Открой рот и уברי зубы. Расслабься. Носом дыши. Не бойся ничего, если будет неприятно — оттолкни. Поняла?

Кивает.

Смелая...

Усиливаю хватку на её затылке и толкаюсь, контролируя глубину, останавливаясь периодически, чтобы дать ей воздуха глотнуть...

Постепенно пускает меня всё глубже...

Не боится...

Рычу, выдёргивая член из её рта в последний момент, зажимая его в кулак. Еле успел. Накрывает с такой силой, что пополам сгибаюсь. Не ожидал, что смогу кончить с ней вот так...

Она на ноги мои падает, дышит тяжело, всхлипывает...

Сам отдышаться не могу, как будто «тарантеллу» оттанцевал раз десять, а не девочка неопытная сейчас мне тут отсосала от души...

Глажу её по голове, чистой рукой.

Взгляд поднимает, улыбается счастливо, слёзы с глаз вытирая.

Встать ей помогаю. Обнимаю.

«Малышка, кому же ты достанешься такая отчаянная?» — опять думаю.

* * *

— Мы с тобой договаривались, что блядей в дом не водим, — тычет в меня пальцем Алехандро, когда я выхожу в гостиную. Не ожидал, что он дома сегодня будет.

— Это не блядь, — отвечаю спокойно.

— Что, твоя беременная красотка вдруг объявилась? — ехидно уточняет.

— Я сама доберусь, — поворачиваемся одновременно в сторону голоса, — стоит тихонечко у стенки, губы покусывает. Не слышали за разговором, как она из комнаты вышла.

— Я отвезу тебя, — соскакиваю со стула.

— Не надо, Венер, — голос дрожит.

Беру её за руку:

— Я сказал, что отвезу тебя. Не спорь. — молчит.

Всю дорогу молчит. Потухла вся. Не плачет. Не спрашивает ничего. Просто молчит. Неприятно.

— Ники, подожди. — останавливаю её, когда она открывает дверь автомобиля, чтобы выйти, так и не сказав мне ни слова. — Я улетаю сегодня ночью. По работе, — добавляю. — Когда вернусь, мы с тобой поговорим обо всём, — беру её за подбородок. — Договорились?

Кивает...

Целую её в губы.

Не отвечает...

Да и по хер...

Глава 30

Весь перелёт про неё думал.

Вроде и не сделал ничего плохого и не обещал ей ничего, а неприятно. Дерьмом себя чувствую. Кошки, своими острыми коготочками на душе пошкрябывают, успокоиться не дают.

И этот взгляд её отрешённый перед глазами стоит. И лицо её серьёзное, холодное, безразличное, никак из головы не выходит.

Никогда у меня не было таких девочек.

В двадцать семь, у меня даже отношений серьёзных не было никогда, если Её не считать. Все мои отношения, рушились мгновенно, как только появлялась на горизонте Она.

Даже у балбеса Лёхи, были серьёзные отношения. Неважно, что закончились они расставанием. Главное, что они были. Ему есть что вспомнить, есть что забыть, у него опыт есть, который уже не пропить.

А у меня что?

У меня — ничего.

Пустота и боль.

И секс ещё крышеносный, который, как оказалось, может и с другими быть не хуже. С неопытными.

В последние годы я даже не пытался никого себе найти. Довольствовался одноразовыми встречами, преимущественно за деньги. Всё это было похоже на суррогат — без души, без тепла и без особого удовольствия. Так, физическое удовлетворение. И всё.

А с ней было по-другому...

С ней было, как будто, по-настоящему...

Два дня бесконечного тепла...

Она напомнила мне чем-то меня. Ещё не поломанного. Неопытного, бесстрашного, верящего в любовь, которая может всё и всех изменить.

Она также сгорала в моих руках, готовая на всё, как когда-то сгорал я...

Только я уже больше не горю. Я сгорел дотла. Безвозвратно.

Надо ей позвонить. Поговорить с ней. Не ждать, когда вернусь. Объяснить ей всё.

Телефон включаю, как только приземлился. Звонок сразу — Зубайда. Сердце забухало моментально — вдруг там уже всё, а я далеко? Остановился, чтобы ответить.

Перед вылетом, так отвлёкся, про всех забыл.

— Ты где у нас вообще? — переходит сразу к делу.

— Родила? — разволновался. Руки вспотели. Ни о чём больше думать не могу.

— Не дёргайся, рано ещё, — хмыкнула, — тут столько народу следит за её беременностью, что незамеченным это событие не пройдёт. Как только, так сразу сообщим. Не сомневайся.

Выдыхаю...

— Как она вообще? Не знаешь?

— Венер, а что с ней может случиться? — рыкает недовольно.

— Ну там говорят жена Макарова собственной персоной их навестить решила, мало ли?

— Слушай, не беси меня своими идиотскими домыслами, а? Я вообще тебе по делу звонила, сбил меня с толку. Не объявилась мадам пока, да и что она может ей сделать, сам подумай?

— Ну ладно, ладно, успокойся, — иду на попятную. Не хочу с ней спорить. — Я просто ребёнка хочу, знаешь же, — пытаюсь перевести всё в шутку, а у самого сердце защемило от шутки своей неудачной.

— Ну так кто тебе не даёт ребёнка завести? Опыт есть, уверена, мимо не выстрелишь, так что давай...вперёд... — напирает.

— Ты-то как? — перевожу тему, чтобы накал беседы сбить. — Как там Валера поживает?

— Нормально поживает, — не юлит, как всегда.

— Рад за вас...

Замолкает неожиданно.

— Что не так? Надеюсь, не обижает он тебя? — сам не верю в свой вопрос. Валера не может, но мало ли.

— Он предложил мне замуж за него выйти.

— Ого, — присвистнул, — быстрый он, — не шутил значит по пьяни. — Когда свадьба?

— Я отказалась.

— Не понял? — ошарашила. — Он не нравится тебе или что?

— Нравится. Очень даже, — честна.

— Ещё больше не понял. Зу, в чём дело? У тебя что-то случилось? — напрягся.

— Ну, ты же знаешь мою ситуацию, что я тебе сейчас буду всё повторять по телефону. А там такой генофонд, жалко если пропадёт. Такие, как он, должны плодиться и размножаться. Найдёт себе ещё кого-нибудь. За него любая пойдёт, да и времени у него навалом. Некуда ему спешить. Пусть погуляет ещё.

— Ты вот сейчас серьёзно мне это говоришь, Зу? Не отвечай, это был риторический вопрос, не надо на него отвечать, — не даю ей говорить, — Ты отказала ему из-за его генофонда? В наше время? — не отвечай мне. — завожусь. — Это вообще кто такое придумал, ты? Можешь ответить, разрешаю, — замолкаю и жду.

— Венер, это совсем другое, — начинает...

— И чем эти дети будут отличаться от тех, что ты бы сама выносила? — перебиваю, — чем? Ты их любить не будешь? Будешь думать постоянно, что их другая женщина родила и ненавидеть их будешь за это? Зу, ну не смей меня. Ты вообще на эту тему с ним разговаривала?

Молчит...

— Кто мне втирал тут совсем недавно, что жизнь свою хочет устроить? — несёт меня. — Тебе замуж предлагают выйти, а ты решила отказаться, только из-за того, что детей ему родить не можешь и даже не хочешь с ним поговорить об этом. Я сам с ним поговорю... — заявляю ей. — Вот сегодня и поговорю.

— Даже не вздумай, — оживает.

— Ещё как вздумаю...

— Венер, это непросто...

— Да всё просто Зу, всё просто! Проблемы нужно обсуждать, а не сидеть в уголочке и что-то там себе надумывать. Я вот уверен, что Валера знает про тебя всё, — он вообще про всех всё знает, работа у него такая. — усмехаюсь впервые за сегодня. — Поэтому прямо сейчас звони ему и говори, что хочешь маленького, красивого мальчика, похожего на него, но есть нюансы. Он просто об этом не думал. Мы же по-другому думаем Зу, ты что не знала? Мы, мужики, вообще по-другому думаем.

— Я тебе не за этим звонила...

— Обещай мне, что поговоришь с ним... — перебиваю её.

— Обещаю, — соглашается.

— Я проверю Зу, даже не вздумай меня обманывать. Поняла?

— Поговорю, Венер. Сегодня и поговорю. Не буду тянуть.

— То-то же, смотри у меня. — успокаиваюсь. — А чего звонила-то? — вспоминаю.

— Уфф, сбил ты меня с мысли. В общем, Лёшка там к тебе летит, сделали ему всё.

Будет пробовать себя на новом поприще. Ты не разговаривал с ним?

— Нет, не разговаривал. Я в Лос-Анджелесе. Вот только прилетел. Ты первая, с кем разговариваю. Не переживай за него, Зу. У него всё хорошо будет. Он не один. А Валере передай, что если он тебя обидит, то я приеду и морду ему набью. Вот так и передай. — смешно становится от своих слов.

— Так и передам, — смеётся. — Ты как там? Хорошо всё? — спрашивает.

— Нормально всё. Девочку вот только я обидел хорошую. Противно, — никому бы такого не сказал, а ей могу.

— Девочки хорошие на дорогах не валяются Венер, подумай...

— Я ж не думаю, Зу, — ты знаешь. Сердцем живу.

— А ты послушай сердце своё внимательно. Что-то мне кажется, загнался ты в последнее время. Тупо стену лбом своим пытаешься проломить, не хочешь ничего слышать. Остановись, пока не поздно...

Глава 31

Здесь, почти в полном одиночестве, без возможности нормально поговорить с друзьями и близкими, из-за разницы во времени, сердце начало выдавать странные штуки.

Днём я вообще ходил как полный придурок, особенно в первые дни. Вечно невыспавшийся, злой, плохо соображающий. Плавал в какой-то параллельной реальности, автоматически выполняя необходимые действия.

Ночью же организм вдруг включал бодрячка, сон пропадал напрочь и я отправлялся изучать достопримечательности «Города Богоматери — Королевы Ангелов Порсиункулы», основанном ещё испанскими колонизаторами.

Бродил по полупустынным ночным улицам, наслаждаясь его великолепным климатом и ни с чем не сравнимой атмосферой и размышлял. Анализировал. Думал.

К ласке и теплу, оказывается, так быстро привыкаешь.

Всё, что было у меня с ней в эти неполные три дня, для меня было ново. Моментами казалось, что всё это происходило не со мной. Что это сон мне какой-то приснился. А вот сейчас я проснулся, и всё закончилось, исчезло бесследно.

Неожиданно грустно от этого стало.

Мне было приятно, чувствовать на себе её восторженный взгляд, были приятны её осторожные, робкие объятия. Мне нравилось вдыхать её аромат, чувствовать под своими пальцами нежность её кожи, слышать её несмелые стоны. Было приятно сдерживать себя, силы свои рассчитывать, чтобы не сделать её больно. Мне нравилось в ней всё. И с ней я был другим.

С Зоей же всё было иначе всегда.

Всё было спонтанно и непредсказуемо.

Её красотой я восхищался, млел от одного её вида, настолько совершенной она была. У меня рвало от неё крышу. Я переставал соображать, как только её видел, и был готов ради неё на всё.

Меня не смущало ничего. Ни то, что она трахалась со всеми подряд, ради своей выгоды. Ни то, что она меня обманывала и использовала. Я как будто ничего не замечал. Смотрел на неё, и забывал обо всём на свете. Трахал её. не думая о том, что возможно несколькими часами раньше её трахал кто-то другой и она также стонала и кричала от удовольствия, как кричит со мной.

Передёрнуло от осознания всего этого.

Я всегда надеялся, что это временно, что это когда-нибудь закончится, и всё у нас с ней будет хорошо. Но хорошо, так и не получилось.

Получится ли после всего, что у нас было? Не знаю. Не уверен.

Начинает вдруг нестерпимо ныть нога, как всегда. когда я вспоминаю о Ней. Давно со мной такого не было. Я уже думал, что излечился. А нет, оказывается, нет. Рано радовался.

Растянулся на песке, закопав в него ноги, уставившись на яркое звёздное небо, раскрывшееся сейчас во всей красе над культовым пляжем Венис Бич.

За эти дни я несколько раз пытался позвонить Николь — безуспешно. Она нагло игнорирует все мои звонки. Не заблокировала меня, нет. Просто не отвечает.

Обиделась?

Не хочет со мной разговаривать?

Или что-то случилось у неё опять?

Не выдержал, попросил Алехандро до неё доехать. После кучи идиотских совершенно вопросов, тот всё-таки согласился помочь, но так и не перезвонил. Гад.

Зато неожиданно, ошарашила сестра, заявив, что в конце августа едет на Майорку, без мамы.

— Венер, у мамы мужчина, — заговорщицки шепчет в трубку, а я дар речи потерял от новости такой.

— Какой такой мужчина? — не понял ничего. Никогда у моей мамы никакого мужчины даже близко не было. Сел. Ноги начал из песка вытаскивать.

— Семёныч, ничего так, интересный. Мне понравился, — у меня пар из ушей пошёл от возмущения.

— Это когда она успела? Я же вот только недавно дома был, не было же никого. Нет, я понимаю, если бы ещё татарин какой-нибудь за ней ухаживал, а тут Семёныч!? — передразниваю её.

— Ой, ну кто бы говорил. А то у тебя, конечно, одни татарки в подружках всегда были. Я вот что-то ни одной не припомню, — язва. — Не будь ханжой брательник. Ты уехал, дома почти не живёшь. Я тоже выросла, сообщаю тебе, если ты этого не заметил. Мама что теперь должна на лавочке сидеть, нас ждать? Нормальный он. Военный бывший. Не пьёт, не курит...

— Он что больной? — перебиваю её.

— Тьфу на тебя, сам ты больной...

— Ладно, — сдаюсь, — приеду, посмотрю, что там за Семёныч такой...

— Во-от, сначала познакомься, а потом критикуй. И не говори маме, что я тебе рассказала — она стесняется. Пусть сама тебе всё расскажет.

— Не скажу, не боись. Но ты присмотришься там к этому Семёнычу, — как-то непривычно мне всё это. Непривычно маму с кем-то делить. — А ты с кем в гости на Майорку намылилась? — спрашиваю строгим голосом.

— Ну как с кем? Сара же пригласила нас всех. Лёха тоже едет. Знаешь наверное уже, что они как то очень быстро нашли общий язык. Такая парочка получилась интересная. Даже Лёшкина мама, кажется, сдалась, не нашлось у неё никаких аргументов против Сары. Вернее, она пыталась права покачать, но Лёха поразил, встал в позу, прикинь? Я вообще не ожидала от него такого, он обычно с мамой своей не спорил.

— Сара? И всё? — уточняю.

— Ну да, — не колется засранка.

Злость мелкими иголочками начинает покалывать кожу. Они что, за дурака меня все принимают?

Пишу Алехандро сразу же, как только с сестрой поговорил:

«Яйца оторву»

Через пару минут добавил:

«Я просил тебя, ты мне так и не ответил»

«У неё всё нормально. Жива, здорова, работает. Извинился за „блядь“, объяснил, что мы с тобой просто такие вот хорошие, девушек домой не водим. Беременную подругу сам ей объясняй. Два часа ей оплатил» — прилетает почти сразу.

Несколько раз сообщение перечитал, легче не стало.

«Ты сестру мою к себе пригласил»

Сажу на тёплом песке, наблюдаю, как он долго мне что-то пишет в ответ. Стирает, потом опять пишет. Наконец, прилетает:

«Я её домой к себе пригласил. Там будут мои родители. Тебя, кстати, с подругой, и маму твою я тоже приглашаю» — блин, и всё?

Ладно, приеду, разберусь с ними. Есть время.

Откинулся опять на песок. Звёзды разглядываю. Желания загадываю.

Эти две недели тянулись для меня бесконечно. Хорошо, что день был расписан по минутам, не было времени на долгие размышления.

Но эти ночи...

Такие длинные в одиночестве...

Закинул вещи в такси. Вдохнул полной грудью местный воздух. как делаю это всегда.

— Зу, — набираю по дороге в аэропорт, — поговорила? — спрашиваю не поздоровавшись.

— Конечно, — смешок.

— Что сказал?

— Догадайся...

— Что надручит тебе на футбольную команду?

Зычный хохот боевой подруги поднимает настроение.

Сегодня я полюбил этот город, но дома столько дел накопилось...

Глава 32

Думал, доеду до дома, шмотки кину и к ней. Но куда там...

Сару невозможно было остановить, столько у неё было впечатлений. На моменте, где она «сгорела ваду» целую неделю, потому как у Лёхи нет водонагревателя, я уже почти ушёл под стол от смеха. Тот реагировал нормально, — привык. И выглядел очень довольным и, на удивление, спокойным. Рад за них. Тот случай, когда смотришь на пару и думаешь: «эти двое, просто созданы друг для друга, никаких сомнений».

С трудом, но удалось вклиниться в разговор, и спросить у Лёхи:

— Семёныча видел, маминого ухажёра?

— Хороший такой мужчина, — опередила его Сара с ответом, расплывшись в улыбке, — дверь открывает, закрывает, сумки носит, м-м-м, — умиротворённо замычала она, закатив глаза. — очень хороший, — подытожила.

Лёха только кивнул и показал большой палец.

— Слышал? — обращаюсь к Алехандро, — у вас так не принято, так что мотай на ус.

— Разрешаешь? — радостно подскочил он, уже какое-то время лежавший на диване

накрыв голову подушкой.

— Можно, но только осторожно. Буду следить за вами, — подтвердил слова свои жестом, для надёжности, направляя два пальца сначала к своим глазам, потом указав на него, чтоб не расслаблялся. Не успел отпрыгнуть от радостного его, набросившегося на меня с объятиями. Еле выпутался.

Знаю ведь, что они с сестрой переписываются. Чувствую. А так хоть на виду будут. Надёжнее. Проследить можно. Вовремя папочку включить.

Решил на минуточку прилечь, когда все свалили по делам и заснул неожиданно.

Глаза открыл, сумерки уже на улице. Твою ж мать! Проспал. Хотел же с ней поговорить не на работе. На ужин хотел её пригласить, обсудить всё спокойно. Объяснить ей всё.

Время ещё такое непонятное, пограничное. Вроде и клуб её пока ещё не открыт, но я же не знаю во сколько за ними приезжают. Не интересовался никогда. Решил сначала к ней домой заехать.

Позвонил, мне открыли сразу. Удивился даже. Зашёл. Наташа у дверей меня встречает, радостная вся, расфуфыренная.

— Проходи, — приглашает, разворачивается и медленно идёт, покачивая бёдрами. Знаю я такую походку. Проходил. Тонул в ней с головой, захлёбывался. Еле выплыл.

— Николь где? — стою на месте.

— Я за неё сегодня? — улыбается и достаёт сигарету из пачки. — Выпьешь что-нибудь? — спрашивает.

— Так, давай с тобой сразу договоримся, — подхожу к ней. — Мне Николь нужна, больше меня ничего не интересует. Где она?

— Она на ужин ушла сегодня, с мужиком, который её тогда кинул. Во вкус девочка вошла, — говорит с ехидной улыбочкой. Глаза пелена застилает от слов её.

— Куда ушла? — злюсь.

— Позвони, узнай, — бросает мне. Разумно. Вот только она, за две недели, мне ни разу не ответила.

— Я телефон потерял, — вру, — звони. Где они ужинают?

Не реагирует.

Кладу ей на стол пятьдесят евро.

Фыркает.

Добавляю ещё столько же.

— Звони, или ничего не получишь. «Сука» — думаю про себя.

Позвонила...

Вылетаю из квартиры, сердце бухает. Что значит «во вкус вошла»? Быть такого не может. Врёт. Не верю ни единому её слову.

Еду, психую. Пробки ещё эти, спокойствия не добавляют. Сам не уверен ни фиги, что она меня не обманула. Да и ресторан всегда можно поменять. Но всё равно еду. Я ж упёртый. Если нужно что-то, то расшибусь, но сделаю.

Влетаю в ресторан, в зал сразу прохожу, не обращая внимания на официантку, что-то пытающуюся у меня спросить. Я не слышу её сейчас, не понимаю даже ничего от злости.

Сразу её увидел: сидит в уголке, румяная вся, в меню воткнулась. Напротив неё мужик, что-то ей активно втирает, размахивая руками.

Остановился. Вздохнул. Медленно уже пошёл в их сторону, надеясь, что она сразу выйдет со мной. Не будет упираться. Иначе за себя не ручаюсь.

— Идём, — говорю и протягиваю ей руку. Она не смотрит даже на меня, таращится. Ещё минуту и дыру просверлит. Сосед её толстый, от неожиданности, замолк. Или испугался просто. — Ники, если сейчас не выйдешь, хуже будет. Всем будет хуже, — говорю, как мне кажется, спокойно. Сидит на месте. Не шевелится. — Я сейчас разукрашу его лысую рожу, если не выйдешь, — добавляю, готовый уже угрозы подтвердить действиями. Руку ей протягиваю

Игнорирует мою руку, но встаёт и идёт на выход, не оглядываясь.

— Ты заказала уже что-то? — спрашиваю, догоняя её.

— Нет, — отвечает сухо.

Мужик за столом, ни слова не проронил. Так и остался сидеть, с разинутым ртом. Рожа, наверное, злая моя ему не понравилась.

Беру её за руку, к машине веду, — молчит. Открываю дверь, а она вдруг разворачивается ко мне и начинает дубасить меня своими маленькими кулачками.

Опешил немного, но не сопротивляюсь. Смотрю на «сердечко» висящее у неё на шее и улыбаюсь, как дурак.

— Меня уволят с работы из-за тебя, — руки опускает, немного пар выпустив. Взгляд на меня поднимает. — Я сюда работать приехала, мне нужна эта работа, — всхлипывает. Маленькая, беззащитная, обнять её хочется. Прижать к себе крепко. Успокоить. Держусь. Надо подождать, чтобы она успокоилась, иначе хуже только сделаю.

— Я оплачу тебе всё, не переживай, — сказал, сам понимаю, что неправильные это слова. Не то я ей что-то сказал.

— Считаешь, что всё можешь купить? — набрасывается на меня с новой силой. — Если у тебя есть деньги, то тебе всё можно? Можешь вот так прийти и унижить меня? У тебя девушка есть, не приходи больше ко мне. Не надо, — выдыхает обессиленно.

— У меня нет девушки, Ники, — застывает в нерешительности. Смотрит недоверчиво. — У меня, скорее всего, скоро будет ребёнок, это правда. Но девушка эта живёт с другим. У меня нет девушки, — повторяю.

— Как это? — не верит.

Я и сам бы не поверил, услышав такое. Настолько абсурдно это всё звучит. Но уж как есть.

— Вот так, — сжимаю ладонями голову. Не знаю, как ей объяснить.

— Ты переспал с чужой девушкой и она теперь ждёт ребёнка? — додумалась же, однако...

В жизни моей не было сложнее вопроса.

Трындец просто!

Глава 33

С моей непростой ситуацией знакомы только самые близкие друзья. Больше никто. Даже родственники ничего не знают. Мама в курсе, конечно, что я был сильно влюблён в девушку, но для неё, я с ней давно расстался. Она не знает даже, что из-за неё я тогда в аварию попал. Ей итак хватило переживаний. Зубайда с Диной, по очереди, в тот период жили у нас дома. За здоровьем её следили. Успокаивали её, по врачам возили. Без них бы не справился я. По гроб жизни им обязан буду.

Не понял ещё, как я ей про ребёнка расскажу. Как она всё это воспримет? Она уже давно внуков у нас просит. Говорит нам с Алинкой об этом постоянно, в шутку типа. Но понятно же, что не шутит.

Может и хорошо, что не одна она сейчас. Дополнительная поддержка не помешает. Только бы мужик нормальный был. Она заслужила своё счастье.

Никому из посторонних свою историю не рассказывал, и не планировал даже. Алехандро, и тот, ничего не знает. Кроме того, что у меня ребёнок скоро родиться, я ничего ему не говорил. Удивляется, но не допекает вопросами.

А сейчас, вот что мне с ней делать? Как ей всё объяснить?

— Ники, — я не хотел тебя унижать, поверь. Я просто не хочу, чтобы ты там работала, — начинаю, а сам не уверен, могу ли я сейчас её об этом просить, в моей-то ситуации? Но меня просто рвало на части, когда я её увидел с мужиком посторонним вдвоём. Еле сдержался, чтобы морду ему не намылить. Давно со мной такого не было.

— Венер, мне очень нужна эта работа, очень, — умоляет почти, — Дома сложно найти что-то нормальное, чтобы платили хорошо. Да и здесь тоже иностранцам непросто с работой, чтобы и с документами всё в порядке было и зарабатывать чтобы. Я не могу её сейчас бросить.

— Я семь лет встречался с девушкой, которая жила с другим, — не хотел же ведь ничего ей рассказывать, не хотел. — Семь лет, понимаешь? — прорвало меня, — не хочу больше такого. Никогда больше такого не хочу. У меня крышу сегодня снесло, когда я тебя с мужиком увидел. Если ещё раз такое увижу, не знаю, что сделаю. Не ручаюсь за себя. Если по-другому никак, то лучше ничего не начинать. Я не смогу. — Сам целую её. Она плачет, тоже меня целует в ответ.

— Ты любил её? — вдруг спрашивает.

— Любил, очень сильно любил, — не обманываю.

— А сейчас?

— Всё изменилось, Ники. Всё изменилось. Иногда так бывает, ты же знаешь, что так бывает. У тебя тоже так было...

— Было, — подтверждает, а мне неприятно её признание, — но это давно было. Мы и жили то совсем немного с ним вместе. Я тогда совсем-совсем ещё ничего не понимала. И тебя я ещё не знала, — обхватывает моё лицо руками, — с тобой всё по-другому, Венер. С тобой всё по-настоящему. И я никогда, слышишь меня? — смотрит так, как будто изнутри меня всего увидеть хочет, — никогда не смогла бы изменить. Я просто не понимаю, как это возможно, если любишь, — шепчет. Дыхание перехватывает от её слов. Поверить не могу. Это она мне сейчас? — Как можно сделать больно тому, кто тебе дорог, как? Я бы никогда не смогла, никогда, понимаешь? Если ты не хочешь, я не буду ездить на ужины, ты мне только скажи. И я не буду. Но мне просто очень нужна сейчас работа.

Обнимаю её. Прижимаю к себе. В груди сердце трепыхается птичкой радостной. На стоянке ресторана стоим, на нас пялятся все. Нам не до них. Не видим никого.

— Ники, да смогу я тебя с ребёнком обеспечить, — слёзы её со щёк вытираю, — не забивай голову пустяками. Поехали отсюда. Соскучился я, — наклоняюсь и целую её в губы жарко. — Очень соскучился, — Стоит в нерешительности. Подталкиваю её. — Сейчас покормлю тебя где-нибудь и ко мне. — Сам совсем есть не хочу. Её хочу. Тёплую такую. Уютную. Родную.

Платье её ещё это короткое, с ума сводит. Бесит, что для других наряжалась, не для меня. Мне даже на звонки не отвечала, зараза такая. Весь издёргался за эти дни из-за неё.

Отъезжаю в укромное место. Останавливаюсь. На себя её перетаскиваю. Не могу больше терпеть. Так хочу её, что сводит всё. Не слышу, что она мне говорит. Не соображаю

совсем.

Шарю по карманам, — пусто. Переоделся и забыл переложить запасы свои обязательные, так торопился.

Да и пофиг уже.

Трусики её отодвигаю, пальцами проверяю готовность и насаживаю её на себя.

Двигать неторопливо её начинаю. Не хочу торопиться. Она стонет несмело, сама уже двигается на мне. Останавливаю её, чтобы не спешила, растягиваю удовольствие.

Улетаю вслед за ней, прижимаю её к себе крепче. Чувствую, как я в ней дрожу, как она меня своей пульсацией крепче сжимает. Наслаждением её упиваюсь. Кайф нереальный просто...

— Венер, — всхлипывает, пытаюсь подняться. Не даю ей встать. Так хорошо мне с ней сейчас. Никогда так хорошо не было. Не отпущу никуда. Никогда не отпущу.

— Что? — спрашиваю на ухо.

— Это опасно, — шмыгает.

— Поздно уже малыш, — ослабляю объятия, взгляд на неё поднимаю.

— И что теперь? — спрашивает.

— Ничего, — целую её. Отодвигается. — Только без глупостей, хорошо? — говорю строго и прядку её выбившуюся, за ушко аккуратно убираю, — если это случится, то сразу ко мне. Договорились?

Кивает и плачет. Плачет опять.

— Плакса ты моя маленькая, — такая нежность в груди разливается. Так и сидел бы с ней обнявшись, из рук не выпускал. — Откуда ты такая на мою голову свалилась, а? — спрашиваю её в шутку.

Фыркает сквозь слёзы. Не говорит ничего. Прижимается только сильнее.

Всю ночь её любил. Спать не давал. Она меня в ответ любила. Оторваться друг от друга не могли до утра.

Аккуратно попросила меня презервативами воспользоваться.

— Поздно, — повторил ей. — Со следующего месяца начнём, так и быть, если ничего не случится. — пообещал. Самому смешно. И хорошо.

Успокоилась. Уснула под утро.

Оставил её отдыхать. Поцеловал тихонечко, чтобы не проснулась. На засос яркий на шейке её посмотрел. Улыбнулся. Возмущаться будет стопудово, но я специально ей его поставил, чтобы все видели. Нечего к ней подходить, — занята.

Карточку на тумбочку положил, код сообщением скинул.

Сам уехал. Дел невпроворот сегодня. Но сил, как ни странно, немерено. Бодренько так себя с утра чувствую.

Про Зою почему-то вспомнил пока ехал. Про тягу мою к ней нездоровую, жуткую, граничащую с манией.

Неспокойно вдруг стало...

Глава 34

Не хотелось её оставлять сегодня одну. Неспокойно как-то стало, когда уходил. Тревожно. Вроде вот, что может случиться до вечера? Но не поговорили мы с ней нормально. Ночь на нас обрушилась всепоглощающей нежностью и диким желанием. Не до разговоров было, так накрыло. Меня особенно. Давно у меня нормальной девчонки не было, истосковался, — ухмыляюсь сам себе.

Я про неё совсем-совсем ничего не знаю. Не спрашивал у неё ничего, не успел. А сама она ничего не рассказывает. Даже откуда она приехала сюда, плакса такая, не знаю.

Как ребёнка зовут, и то, ни разу не спрашивал, а надо бы. Всё-таки ребёнок для матери всегда на первом месте стоит. Да и знакомиться с ним рано или поздно придётся, и лучше, раньше, пока маленький. Тем более, что он отца своего и не знает, по ходу. Столько вопросов важных. Нерешённых.

Ладно, успеем обсудить. Будет время.

Надо попытаться освободиться пораньше сегодня.

Дела перенести было невозможно. Эти последние недели, перед августом и всеобщими европейскими каникулами, забиты под завязку. Каждый день расписан по минутам. На сон времени нет.

Расписание съёмок составляется за несколько месяцев. Куча народу задействовано. Отменить нет никакой возможности. Из гроба поднимут и притащат.

Во время перерыва проверил сообщение своё — прочитано.

Написал: «как только освобожусь, позвоню»

Подождал немного, в надежде на ответ — ничего. Ни «привета тебе, ни как дела». Отключил телефон, чтобы не отвлекаться.

Уже в самом конце, мне сообщили, что меня ждут внизу, в баре. Я даже не запомнил, кто мне это передал. На бегу крикнул, что спущусь, как только освобожусь.

Неспокойно опять стало.

Подумал, что просто за неё сейчас переживаю, из-за того, что не поговорили. Поэтому и беспокойно. Оставил её после всего, что произошло между нами ночью одну. А она же девочка, думает поди сидит в уголочке, что-нибудь мудрёное, как это часто бывает. Не звонит поэтому. Типа чтобы не мешать, а на самом деле стесняется. Или боится. Или не уверена в чём-нибудь. Или что-нибудь ещё интересное себе придумала, как это положено у девочек.

Хотя, что уж там думать, все предохранители слетели, без слов всё понятно...

Вниз бежал, был уверен, что кто-то из своих меня ждёт. Лёха с Сарой или ещё кто-нибудь.

Взглядом столики окинул, не увидел никого знакомого. Столиков в баре немного. Так, несколько штук всего стоит, теряться негде. Если только выйти.

Уже телефон достал, чтобы позвонить, глаз за даму зацепился. Что-то ёкнуло в груди. И официант как раз ко мне подошёл. Имя ему сказал, он меня к даме этой и направил.

Догадался сразу, кто Она. Только вот что она здесь делает? — убейте меня, не скажу. Не могу придумать, что ей от меня надо. Чем заслужил я внимание такой важной персоны. Нехорошее предчувствие начало разрастаться в груди, накрывая с головой и мешая думать. Никогда не слышал о ней ничего хорошего. Никогда!

Не к добру она здесь, — уверен.

Она взгляд подняла на меня, кивнула, за стол приглашая.

Иду к ней, пытаюсь имя её вспомнить. В груди сердце бахает, в висках отдаётся. Из головы всё вылетело напрочь, как всегда, в самый неподходящий момент. Не могу вспомнить, как её зовут, хоть тресни.

Подхожу, смотрю на неё, рассматриваю. Она меня рассматривает с большим интересом, не стесняется.

Не страшная она, нет. Не Баба-Яга, как я её представлял себе. И не старушка даже. Такая

женщина в возрасте. С прямой спиной сидит, не сутулится. Ухоженная. Одета по последней моде, естественно. Не наша бабушка она, не наша. На дачке точно не пашет.

Когда-то она была даже красивой, возможно. Если бы не эта вот её неприятная, недовольная, кривая ухмылочка, оставившая след на её уже не молодом лице, то она бы и сейчас была вполне ничего себе.

— Макарова Светлана Борисовна, — представляется сухо.

Точно, блять! Как я мог забыть?

— Садись, — подбородком показывает место.

Сажусь...

— Времени у меня мало, — начинает, — поэтому сразу к делу. Предлагаю тебе забрать свою мадам по-хорошему, вместе с выродком, чьим бы он ни был. — У меня глаз задёргался от её щедрого предложения. Вот сейчас в полной мере понял, почему её так все ненавидят. Не за что её любить.

— Иначе? — спрашиваю. Телефон в руках кручу, нервы успокаиваю. Внутри всё кипит. Атмосфера вокруг нас звенит, как струна натянутая. Не сорваться бы раньше времени.

— Это хорошее предложение, поверь мне. Лучшее, из возможных, — ухмыляется, своей кривой улыбочкой. — У меня есть договор на предоставление услуг «суррогатного материнства», подписанный Ею, — имя не называет. — Это наш ребёнок. Она просто инкубатор, сам понимаешь. В случае развода, ребёнок останется со мной, поэтому думай... — я замер на этом месте, ничего не понимая. Она тоже молчит, сверлит меня, своим пытливым взглядом, дыру, наверное, просверлить решила. — Я не позволю ему просто так со мной развестись, — продолжает спокойно. — Он был никем, когда я его подобрала. Всё что у него есть сейчас, у него есть, благодаря мне. Я вытащила его из тюрьмы, отмыла, сделала из него человека. Все эти годы терпела его проституток, потрапушки его бесконечные терпела. И сейчас терплю. Но развестись со мной, просто так, на старости лет, я ему не позволю. Он будет со мной до конца. Или я заберу этого ребёнка. — Замолкает.

Смотрю на неё и не знаю, что мне делать. Я даже не знаю, правду ли она мне сейчас говорит.

В голове не укладывается всё это.

Ничего сейчас к ней не испытываю, кроме лютой ненависти.

Готовилась сука. Все её уже заждались, а она, оказывается, не просто так время тянула.

Может, блефует?

Ну не может же быть такого! Какой договор?

Встаю. Наклоняюсь к её уху и шепчу:

— Тогда я сам на тебе женюсь и буду гнусно над тобой издеваться, шлюха ментовская, — не выдержал.

Зря наверное...

Глава 35

Я так зол, что не соображаю ничего. Не понимаю, что делать, за что хвататься, с чего начинать.

Не верю ей. Нельзя такими вещами шутить. Или она не шутила?

Кипятком ошпаривает от этой мысли. Руки начинают трястись.

Откидываюсь на спинку автомобильного кресла, глаза закрываю. Начинаю считать до ста. Нужно успокоиться.

За последнее время думал много о своей ситуации, особенно когда уезжал. Ночи там были длинные, делать одному было нечего, только думать и оставалось.

Пришёл к выводу, что из всех вариантов, лучший, так и получается, — оставить ребёнка Макарову. Непросто далось мне это решение. Ох, как непросто. Но рвать ребёнка на части, нельзя. Хуже будет. Прав Фомин: о ребёнке надо думать, в первую очередь, а не о своих ущемленных правах и гордыне. Если он готов его принять, как своего, то так тому и быть. Уйду. Засуну свои хотелки в задницу себе, как бы больно это ни было. Не буду мешаться у них под ногами.

Надеюсь, что когда-нибудь расскажут ему обо мне. Скажут: есть у тебя малыш ещё один папаша, непутёвый немного, но он тебя очень сильно любит. Может и он меня полюбит, когда обо мне узнает. А если нет, — не страшно, переживу. Главное ведь, чтобы у него всё было в порядке.

Вон Фомин говорит, что даже, когда обо всём узнал, мнения своего об отце не изменил. Колбасило его, конечно, какое-то время, но совсем недолго. Взрослый уже был. Всё правильно понял. Ни к кому претензий не имеет. С Макаровым тоже наладил контакт, общаются. Никто им не препятствует.

На этом месте неприятно стало. Начинаю грудь растирать. Знаю, со временем острые ощущения притупятся, раны зарубцуются, так больно уже не будет. Надо просто этот период перетерпеть.

Про Ники там, в одиночестве, тоже думал много. Смогла она как-то глубоко внутрь проникнуть, за столь короткое время. Но у меня всегда так: или сразу, или никак. Решил тогда: нашёл свою единственную, надо её воровать, пока не увели!

Но эта зверь-баба сегодня, сбила мне все настройки и установки. Ей взрослого то доверять нельзя, — покалечит, глазом не моргнёт, а уж ребёнка, тем более.

Должен быть выход. Надо просто его хорошо поискать.

Достаю телефон, проверяю звонки и сообщения.

Звоню Валере, — не отвечает.

Откладывать нельзя, пишу: «меня нашла Макарова, надо поговорить».

Сижу ещё пару минут, медитативно покачиваясь из стороны в сторону. Добавляю: «срочно!» — чтобы уже точно понял, что не шучу.

Становится чуть легче. Уверен, друзья меня не бросят, — помогут. Все вместе мы найдём оптимальное решение.

От Ники так ничего и не было за день. Набираю её в очередной раз, — вне зоны. Странно. Где она может быть, чтобы не ловил телефон? Или выключила? Зачем?

Перебираю возможные варианты и не нахожу ни одного вменяемого. О ней никто, ничего не знает. Даже я о ней ничего не знаю, — усмехаюсь. О нашем близком знакомстве знает всего три человека.

— Она во сколько сегодня ушла? — Лёха, первый, кто мне ответил этим вечером, остальные нагло игнорят.

— Подожди... — просит, и слышу, как он переговаривается с Сарой, — утром, рано ушла, даже завтракать не стала. Сказала, что у неё куча дел, — повторяет мне то, что я уже и без него понял, тем не менее, слушаю его, киваю сам себе, пытаюсь параллельно вспомнить: может говорила она мне что-то ночью? — нет, ничего не всплывает. Ни одной идеи, — эй, ты там вообще? — окрикивает меня друг, когда я, погрузившись в свои размышления, перестал подавать признаки жизни.

— Да, да, понял я, — поспешно отвечаю, — спасибо...

— Венер, у тебя всё нормально? — по интонации чувствую, как он напрягся, — Где ты? Давай подъеду к тебе? — предлагает сразу.

— Не всё у меня нормально, — не вру, — но подъезжать пока не надо, пару вопросов нужно решить. Отзвонюсь чуть позже.

— Геолокацию открой, чтобы я тебя видел. И не пропадай, позванивай нам, а то нагрянем толпой с проверочкой, не факт, что в самый подходящий момент, — Сара радостно ему поддакивает. Приятна их поддержка. Улыбаюсь.

— Дела личные, не подглядывайте там за нами, — перевожу всё в шутку и разрешаю ему за мной сегодня следить. Еду к Ники.

В это время она обычно была уже на работе, но ведь мы с ней договорились вчера, что на работу она не ходит. Или не договорились? Сплошные вопросы и ни одного ответа...

Еду к ней домой, для начала, — никого. Дверь никто открывать мне не спешит, свет в окнах не горит. Телефон всё так же выключен.

Где она может быть? Где? — начинаю напрягаться. Здесь трудно найти место без интернета. Везде Wi-Fi — в подвалах. в парках, метро. Везде. Становится не по себе. Непокойно становится. Неуютно.

Неужели на работу пошла и выключила телефон? А днём где была?

Уже завожу машину, чтобы поехать в «Capriccio», вспоминаю, что оставлял ей банковскую карту. чтобы она не тратила свои деньги. Не скучала, чтобы в одиночестве. По магазинам прошлась. порадовала себя.

Захожу в банк и не верю своим глазам. Закрываю глаза, головой потряхиваю, всё ещё надеясь на ошибку. Внимательно смотрю на циферки на счёте: О-Х-У-Е-ТЬ! — ни одного приличного слова на ум не приходит.

Еду к ней на работу.

Ржу...

Никаких эмоций...

Просто истерично ржу...

Не понял только почему она всю сумму не вывела, а часть только? Не успела?

Не стал карту блокировать.

Хочу посмотреть, что дальше будет...

* * *

Уверен, что нет её на работе, но еду туда, чтобы удостовериться в этом лично.

Мозг так загружен сейчас мыслями о Ники, что не остаётся места для другого. Пытаюсь вспомнить всё, до мельчайших подробностей: что говорила, как вела себя, и, — ничего. Ни одной зацепки. Или она профи, или здесь что-то не так.

Почему она не забрала все деньги? Времени было предостаточно.

На входе в клуб, меня встречает Гуидо и, естественно, сразу узнаёт. Подходит поздороваться.

— Николь нет, — сообщает сразу. Его профессионализм восхищает. Он помнит всех и обо всех всё знает.

— Когда будет? — спрашиваю равнодушно, включая дурака, но, кажется, с ним это не работает, — слишком умён, слишком опытен, всего в нём слишком.

— Иди, присядь, сейчас подойду, — показывает мне место, где мы сидели с ней в последний раз с шампанским.

— Принеси тогда мне бокал белого, — надо немного расслабиться, да и правила нарушать не стоит.

Жестом показывает, что понял.

Подходит через пару минут с бокалом белого вина. Присаживается напротив:

— Она сегодня взяла расчёт. Сказала, что ей срочно нужно уехать. До обеда приезжала, — замолкает. Даже девушку мне не предлагает.

— Наташа есть? Или другая девушка. которая с ней жила? Любая, без разницы, — честен, раз уж он всё про меня понял.

— Момент, — бросает уже на бегу. Кажется, он не умеет спокойно ходить, только бегать.

Пробую вино, пока его жду, — вкусное. Нравится. Надо обязательно спросить, что за вино? И про сальсу, кстати, надо у него спросить. В тот раз не спросил, забыл. А сальса шикарная была.

Такие идиотские мысли сейчас в голове. И сам веду я себя, как идиот полный. Сажу на диванчике, обхватив голову руками, пью и ржу в одного. Приплыли...

Неужели мне так хотелось верить в любовь, что я ничего подозрительного не увидел? Не замечал очевидного?

Мне даже не больно сейчас. Мне никак.

Поднимаю голову на движение и шорохи рядом. Не Наташа, слава богу. Хотя, может с ней, было бы проще: денег дал и решил все вопросы.

— Что знаешь про Николь? — начинаю без подготовки, — фамилия, дата рождения, где живёт, лучше, если будет копия паспорта.

— Копии паспорта у меня нет, но всё остальное я знаю, напишу сейчас. — не ломается, бежит сама к бару за ручкой. Пишет всё на листочке. Передаёт мне.

Пробегаю быстро по листочку: Саратовская область, город Балашов...

— Знаешь, куда она уехала? — спрашиваю у неё. Как ни странно нормальная оказалась. Не манерная. Не вульгарная. Симпатичная.

— Точно не знаю, но мне кажется, она домой улетела. У неё там проблемы какие-то серьёзные. То ли с мужем бывшим, то ли с ребёнком. Не могу тебе точно сказать. Я уезжала на неделю, а вчера её не было на работе. Мы не успели поговорить. Да она и не делилась почти, не разговорчивая она, особенно, в последнее время.

— Спасибо, — ничего не понял пока, но благодарен ей, — оплачу тебе пару часов, сиди тогда, отдыхай.

— Да не стоит, — улыбается, — рада помочь.

Гуидо на выходе уже меня ловит и шепчет на ухо:

— Она хорошая девушка. Непросто ей здесь работать было, не для неё эта работа, уж очень мягкая она, ранимая. Ей деньги нужны были сильно, но с таким характером, — качает головой, — невозможно заработать быстро. Я итак уже ей подсовывал безобидных, — показывает на мужика, который опять ловит кого-то на танцполе, — но от них толку зеро, — подкрепляет свои слова жестом, — денег у них нет ни хрена.

— Хорошая, да, — поддакиваю. ухмыляясь и жму ему руку...

Глава 36

«Как можно сделать больно тому, кого любишь?» — говорила она мне ещё вчера со слезами на глазах. Отдавалась мне, как в последний раз, и засыпала на моей груди, с моим именем на губах.

«Да вот так, просто! — невесело усмехаюсь, — достаточно спиэздить деньги и свалить в неизвестном направлении».

И будет больно...

Мне неожиданно больно.

Она встряхнула меня с помощью доверия, нежности и своей любви, как мне казалось. За этот короткий период, что мы провели с ней вместе, заставила меня посмотреть на любовь по-другому. Она ничего для этого не делала, ничего не просила и ни о чём не спрашивала. Она просто смотрела на меня горящими, влюблёнными глазами и бесстрашно отдавала мне себя, не прося ничего взамен.

Я поверил ей...

Хоть это для меня было и непросто...

На деле же оказалось, что она ничем не лучше Зои, которая никогда ничего не давала просто так, но и не обманывала никогда. Я всегда знал, что ей надо. Я всегда знал, что я у неё не один. Но это, хотя бы, было честно, а не так вот...

Неприятно...

Мне нужна была она в этот период. Очень сильно нужна была, чтобы не разочароваться в том, во что верил, не свернуть с намеченного пути. Нужна была, как надежда, как вера нужна была, но все мои надежды опять потерпели крах, как когда-то, и я не знаю во что мне верить...

Не знаю, что мне делать...

Я сбит с толку, дезориентирован, разбит...

Когда-то я верил в любовь, как дурак. Верил в то, что любовь может изменить, исцелить, помочь справиться с трудностями. Однажды я видел, как моя подруга, почти сестра, изменила человека. Знаю, как непросто ей было в тот период, но так же знаю, что она его очень сильно любила. Смогла простить и он стал другим. Они счастливы вместе. Очень счастливы.

Думал, что я тоже так смогу, потому что люблю. Когда понял, что не смог — переживал. Болел. Мучился. Страдал. Старался её забыть.

А с ней понял, что есть другая любовь, та, которая не приносит боли, — только радость. Та, от которой сердце заходится от нежности, а не от ревности. Любовь, в которой хочется отдавать, потому что тебе тоже дают, не задумываясь о последствиях. И мне это понравилось.

А сейчас что?

Телефон вот-вот взорвётся от перенапряжения. Такая апатия навалилась, что лень протянуть руку.

Лежу на газоне в парке Семпионе, в центре Милана, смотрю на небо, — оно затянуто тучами. Даже звёзд не видно. Никакой надежды сегодня, никакой. Даже погода против меня.

Раз на десятый, вспоминаю, что Лёха может прискакать на поиски меня, а мне сейчас очень бы не хотелось этого. Не могу я пока ни с кем разговаривать. Сам пока ещё ничего не понял. Не переварил. Не поверил ещё до конца в происходящее.

Достаю телефон — Валера.

— Тебя удостоила визитом сама Макарова? Ну и как она тебе? — начинает с главного, а я представил глумливую улыбочку на его смазливой роже и неожиданно взбодрился.

— Даже лучше, чем я себе представлял, — отвечаю и продолжаю без остановки: — она сказала, что у неё есть договор, подписанный Зоей на услуги «суррогатного материнства», —

выпаливаю на одном дыхании.

— У-у, — выдаёт информативное, после некоторой паузы.

— Ага, — отвечаю тем же.

— Нежданчик прилетел, — задумчиво начинает Валера, — ладно, не паникуй пока, щас Фомина разбужу или отвлеку, не знаю чем они там занимаются в столь романтичные, утренние часы, — улыбаюсь, слушая его неторопливую, родную речь, — узнаем всё. Сердце моё мне почему-то подсказывает, что если это и так, то Макаров не в курсе этого соглашения, а значит, тут не всё так уж и гладко. Ты надеюсь, был мил с ней? — ехидно уточняет.

— Конечно, не сомневайся даже.

— Это ты зря, — произносит почти ласково, — память у дамы хорошая, здоровье тоже, несмотря на возраст. Вряд ли она тебе твои любезности забудет. Ну ладно, что уж теперь сожалеть, узнаю всё, перезвоню, не скучай там сильно...

— Подожди, — останавливаю, пока он не отключился. — Просьба у меня...

— Давай, — добрый сегодня, на удивление.

— Обещай, что смеяться не будешь, — сам ржать начинаю. Нервное это у меня, скорее всего...

— Ну ты там не ржи, как конь, я тоже не буду. Влип что ли опять?

— Как догадался?

Его смешок, понятен без слов...

— Девушку надо найти. Данные скину, пробьёшь?

— Красивая хоть? — спрашивает.

— Красивая, — подтверждаю и усмехаюсь...

— А чего сбежала?

— Деньги спиздила, вот и сбежала...

Ржёт придурок...

— Ты обещал мне не смеяться, — напоминаю.

— Ну блядь, Рыжий, может тебе перекраситься, а? Вдруг поможет...

— Да пробовал я этот метод, не помнишь что ли? Не помогает ни хрена.

— Много хоть спиздила-то, есть за что её наказывать?

— Прилично, но не все, на удивление. Я сам карточку ей дал, и код сам сказал. Оставил ей карту, на которую перегоняю деньги для фонда, у меня просто не было другой с лимитированной суммой. Думал, потом сделаю, а эту просто добыю и всё...

— Ну считай, что детям помог, не расстраивайся сильно... Скидывай, пробьём...

Поднявшийся ветер разгоняет тучки на небе. Хороводы водят яркие звёзды, сверкают, подмигивают... Стало спокойнее, вдруг.

Пиликнул телефон, — сообщение:

«Прости. Я всё тебе верну. Ты лучшее, что случилось в моей жизни. Ни о чём не жалею...»

Растягиваюсь опять на газоне...

Может, не всё так уж и плохо у меня?

Часть III

Глава 37

Зоя

Несколько дней уже беспокойно...

Живот потягивает постоянно. Неприятно. Дёргаюсь из-за этого, сплю плохо. Врач говорит, что рано ещё, надо подождать, а мне уже так всё надоело. побыстрее бы уже.

Каждый раз, когда она затихает, напрягаюсь. Гладить её начинаю, разговариваю с ней. Про папу ей рассказываю, который так и не объявился. Про то, какой он... — задумалась. Так давно его не видела.

Когда я с ним познакомилась, он был совсем мальчишка ещё: бесшабашный, смешной немного, вечно на подъёме, неугомонный. Везде неугомонны: и в жизни и в сексе. Ему всегда было мало, всего. Этой своей жаждой жизни и желанием постоянным, заражал меня, ничего не могла с собой поделаться.

И был всегда каким-то... хорошим что ли, правильным каким-то, благородным. Я таких хороших в своей жизни и не встречала больше никогда.

Правда, в последнюю нашу встречу он был уже другим. Повзрослел, возмужал, уверенность появилась, даже наглость. С деньгами мужик всегда увереннее становится. Мягкость свою глубоко внутрь запрягал. Сразу и не найти, если не знать.

Скучаю по нему сейчас. По его спонтанности скучаю, лёгкости, по любви его безумной скучаю, которую он никогда не скрывал. Не боялся никогда. Всегда открыто о своих чувствах говорил, мне это нравилось дико. Это так самолюбие тешило, грело, настроение поднимало.

Я, в отличие от него, всегда боялась. Помнила, что нельзя сжигать себя, чтобы согреть других, не оценят. А он, нет, не боялся. Таких немного. Кроме него, и вспомнить то больше никого не могу.

Даже Макар, любит с опаской. Не открывается полностью никогда. Всегда, как будто, боится чего-то, подвоха ждёт.

Хотя, очень много он для меня сделал.

Про то, чтобы отпустить меня, я тему больше не поднимала. Он так вообще, как будто всё забыл. Сделал вид, что не было такого вопроса никогда. Был внимателен всё это время. Спокоен. Весел.

А несколько дней уже почти, как не подходит ко мне. Уезжает рано, когда я ещё сплю, приезжает поздно, когда я делаю вид, что уже сплю.

Сегодня так вообще приехал и в кабинете закрылся, даже не пришёл навестить нас.

Не знаю, что и думать по этому поводу.

Может зря я так с ним?

Он же может быть совсем другим, если его не злить: нежным, ласковым, щедрым. Никогда ничего для меня не жалел, особенно раньше. Когда всё начиналось. Мне ведь неплохо с ним было. Он же не какой-то там разваливающийся старикашка. Он очень даже ничего. Как по мне, так Петька на него очень сильно похож. Все говорят, что он на мать свою похож, а мне вот кажется, что на отца. Особенно когда вместе они стоят, сходство это и раньше отмечали, когда ещё никто ничего не знал, а уж сейчас то и подавно. Все только и говорят об их похожести.

За ним бабы табунами бегают, а он вот, остановился. Не об этом ли я всегда мечтала? Об этом. Именно об этом — урвать богатого мужика, чтобы он ещё и с ума по тебе сходил. Мечты сбываются! — усмехаюсь.

Может помягче с ним нужно?

Может, действительно, как он говорит, разведётся он со своей жёнушкой без проблем и ничего нам не угрожает?

Надо поговорить с ним...

Проявить инициативу, как раньше. Он такое любит.

Секс, конечно, сейчас вряд ли возможен, но приласкать его, я и так смогу.

Вхожу в кабинет без стука — по телефону разговаривает. Серьёзен. Даже озадачен. При виде меня, разговор свой резко прерывает и встаёт.

— Хорошо, что ты зашла, — убирает пиджак с кресла и показывает на него рукой, — садись.

Сажусь, но атмосфера мне не нравится. Напряжённая атмосфера. Звенит всё вокруг от напряжения.

— Случилось что-то? — спрашиваю и начинаю поглаживать живот, где ребёнок активно возмущается, почувствовав моё состояние, доставляя мне серьёзные неудобства.

Он ждёт, пока мы немного успокоимся. Сколько же в нём терпения, удивляюсь постоянно. Закалился за долгие годы со своей женой.

— Скажи мне, — начинает мягко и одновременно неприятно как-то, и мне это необъяснимо не нравится. Причём сильно не нравится, — ты в больнице никакие бумаги не подписывала без меня?

— Там мне постоянно какие-то бумаги приносили, подписывала, конечно, — отвечаю сразу, — а что? — кипятком ошпаривает от нехорошего предчувствия.

— Я же тебя просил, никогда ничего без меня не подписывать, — голос повышает...

— Не ори на меня, — срываюсь на крик почти. Губы дрожат. Никогда не ревела при мужиках, а тут слёзы подкатывают.

— Успокойся, — гладит по плечу. стакан с водой протягивает.

Отворачиваюсь демонстративно.

Он ходить по кабинету начинает нервно. Мне его нервозность передаётся. Ещё хуже становится.

— Зоя, — останавливается и уже спокойно говорить начинает: — я долго думал о нас с тобой, — замолкает. И сердце моё замирает вместе с ним, — я отпущу тебя, как ты хотела. Не буду держать. Ты можешь жить здесь до родов, осталось совсем немного, потерпи. Я помогу тебе, как и обещал. А потом, ты свободна. — Я хочу закричать сейчас, но не могу. Как во время кошмара во сне, ты пытаешься заорать, но голоса нет, тебя никто не слышит. Только рот открываешь в панике. Так и я сейчас, сижу, губами шлёпаю, понят ничего не могу.

— Знаешь, — усмехается, присаживаясь на краешек стола, — я всю жизнь свою прожил с нелюбимой женщиной. А она ведь любила меня. По своему, но любила. И очень много для меня сделала. Я ненавидел её временами, жутко ненавидел. Иногда даже отомстить хотел. Только работа меня и спасала в тот период, — сижу затаив дыхание. Никогда он мне такого не говорил, — я её возможно только сейчас до конца и понял. Раньше не понимал. Она ведь так же, как я сейчас, ждала от меня любви, и капельку внимания. Терпела и ждала. А я так и не смог её полюбить. Я полюбил тебя, которой был не нужен. Только сейчас понял, в полной мере, как ей было непросто со мной. Столько я всего наворотил за свою жизнь, не вспомнить всего. Даже сын мой считает своим отцом другого. Устал. — Вздыхает и выглядит действительно усталым. А я молчу, не осознавая ещё до конца происходящее, — Ты молодая Зоя, — начинает опять, потирая пальцами переносицу, — у тебя ещё вся жизнь впереди. Не хочу, чтобы ты ненавидела меня потом за то, что не дал тебе выбора. Не хочу без любви. Ты свободна. Я отпускаю тебя.

По моим щекам текут слёзы ручьями...

Никогда не рыдала, при мужчинах. Никогда не показывала им своей слабости.

Перестая себя контролировать...

С трудом поднимаюсь из кресла и начинаю орать:

— Ты, как твой сын, — тычу в него пальцем, — попользовался и выбросил на улицу.

Ненавижу вас! Ненавижу!

Сгибаюсь от резкой боли, по ногам течёт...

Глава 38

Макаров

— Поговорить надо, — утренний звонок сына, не обрадовал. В последнее время, наши отношения объяснимо обострились из-за ребёнка. Но отказать ему я не могу. Да и в голосе его сегодня не было привычной агрессии, скорее...озадаченность, напряжённость даже, которая сразу же передалась мне.

— Конечно, — соглашаюсь не задумываясь, — подъезжай часика через два. У меня планёрка сейчас, попробую освободиться пораньше.

— С Валерой подъеду, — быстро отвечает.

Сердце в груди ёкнуло, тревожно стало.

Уже пару лет прошло, как знаю, что он мой сын, но каждый раз, когда с ним встречаюсь, чувствую себя ребёнком. Теряюсь. Часто не знаю, как себя вести с ним, о чём говорить.

Он так сильно похож на свою мать, которую я когда-то безумно любил, а потом ненавидел, хотя где-то глубоко в душе, продолжал ещё долго-долго страдать и болезненно её любить.

Даже сейчас, через время, при воспоминании о ней, тоскливо на душе. Грустно. Грустно от того, что не смог вовремя простить, поговорить с ней не смог из-за своей дебильной упёртости и дикой ревности. Оттого, что так и не смог устроит свою жизнь, завязнув по уши в прошлых ошибках и обидах.

Сын мой и тот, не обрадовался, узнав обо мне. Не любит меня. Осуждает. И есть за что. Тут даже не поспоришь.

С его матерью мы познакомились ещё в школе. Влюбились в неё сразу, вместе с другом.

Она всегда была невероятной. От всех отличалась.

В ней было всего чуть-чуть больше, чем в других: чуть больше нежности, чем у других, хрупкости, воздушности, чуть больше красоты особенной какой-то, еле уловимой.

Она нравилась, наверное, всем пацанам нашего класса: красивая, скромная, улыбчивая и невероятно добрая.

С толстой, тёмной косой до пояса, на маленькой аккуратной головке, огромными карими глазами на пол-лица, обрамлёнными густыми ресницами, прозрачной тонкой кожей, через которую просматривалась сеточка сосудов на утончённом личике. Она была какой-то неземной девочкой. Её невозможно было не заметить. Невозможно было не полюбить.

Провожали мы её до дома всегда вдвоём. Утром забегали за ней, портфель её носили по очереди. Подкармливали её, потому что жили они очень бедно. Она даже перекусы с собой в школу не брала. Нечего было брать. Но никогда не жаловалась, не плакала никогда.

Я знал прекрасно, что Валька в неё влюблён без памяти, да и она тоже об этом знала, но из нас двоих, она выбрала меня. Сама.

Как только это случилось, он мне слово дал, что отойдёт в сторону и слово своё держал.

Не подходил к ней. Практически общаться с ней тогда перестал.

Я был на седьмом небе от счастья. Ревновал, правда, дико её. К каждому столбу ревновал. Крышу моментально сносило, когда к ней кто-нибудь клеился или просто смотрел на неё похотливо. Взрывался сразу, в драку мог полезть.

Всегда был импульсивным, сложно было себя контролировать в такие моменты.

Петька такой же взрывной, тоже сдерживает себя с трудом, раньше особенно. Сейчас немного научился останавливаться, да и с женой ему повезло. Не просрал, как я, когда-то.

Ей удавалось меня сдерживать, мягкостью своей, нежностью — я успокаивался с ней, другим становился. Вальке тоже удавалось.

А когда их не стало рядом, мир, как будто, перевернулся. Ничего больше не держало, ничего ценного в жизни не осталось.

Я не трогал её долго. Берёг. Хотел, чтобы у нас ней всё случилось после свадьбы, как положено. Мечтал обеспечить ей достойную жизнь, чтобы она никогда ни в чём не нуждалась.

На дворе девяностые, работы нормальной нет ни хрена. Родители-инженеры, тоже себя в новой жизни не нашли. Отец так вообще к бутылке пристрастился. Мама — экономист с высшим образованием, пошла на рынок торговать, где поначалу больше теряла, чем зарабатывала. Помню, как она одну туфлю домой принесла, сказав, что у девушки денег только на одну хватило, за второй та обещала вернуться через неделю, но так и не вернулась, а работодатель вычел из её зарплаты полную стоимость. Сейчас смешно, а тогда горько было.

Вообще интеллигенции непросто пришлось. Доктора наук вагоны разгружали, за неимением других возможностей заработать, учителя полы мыли, чтобы выжить.

А мне хотелось для неё всего и сразу. Хотя она ничего и не просила никогда. Но я загорелся тогда, успокоиться не мог, мне было надо: ходил, думал, схемы всякие разные придумывал, чтобы много и быстро...

Первая афера, с телефонами, прошла, более чем удачно. Денег я срубил тогда прилично. Если бы не одно «но».

В тот самый момент я и познакомился с Романенко Светланой Борисовной, которую умудрился кинуть на деньги. Женщина она была уже взрослая, опытная, с хорошими родственными и, не только, связями. Она-то меня и вычислила. Мы долго с ней беседовали тогда по душам, удалось нам договориться, как мне показалось. Она меня не сдаст, а ей, я всё верну. И схему с перепродажей, уже проданных квартир, подкинула мне тоже она.

Я смекнул тогда, что я ей понравился, она этого даже не скрывала. Успокоился. Думал, вылезу за счёт своей смазливой внешности, подождёт она. Ну, в крайнем случае, схожу с ней куда-нибудь, уболтаю. Не показалась она мне такой уж грозной при первых наших встречах.

Да и выхода особого не было, деньги нужны были, долг нужно было отдавать. Решил рискнуть.

Надюха, когда узнала, кипишь подняла, — Вальку привела, чтобы он помог ей меня отговорить от моей провальной идеи. Крышу мне и снесло, в тот момент, окончательно.

Не выдержал, трахнул её. Хотел удостовериться, что не было у неё до меня никого, как она говорила. Удостоверился. Жалел. Но поделать уже ничего не мог, так любил её безумно, что бывало, не контролировал себя.

Сразу сделал ей предложение, в тот же день. Она согласилась. Был счастлив в те минуты невероятно. Мы были счастливы с ней в те несколько дней, проведённые вместе,

как муж и жена. Но я ещё сильнее тогда загорелся деньгами. Для неё, как мне казалось.

Если бы время можно было повернуть вспять...

За ней пришли, когда меня дома не было, забрали. Я искал её всю ночь. Мы с Валькой обошли всех знакомых, все больницы, морги даже. Через три дня накатали заявление о пропаже и почти сразу нашли её, в неожиданном месте, — в следственном изоляторе.

В шоке был тогда.

Пришлось во всём признаться, чтобы её выпустили.

Разбирательство долго длилось, денег на адвокатов особо не было. Хоть Валька и пытался помочь, даже родителей своих подключил, — они у него смогли остаться на плаву в тот непростой период, но перспективы всё равно были нерадужные.

А через несколько месяцев, я узнал, что она ждёт ребёнка... от другого. От моего друга, который мне клялся, что не дотронется до неё, если она не захочет. Значит, она захотела.

От неё я это всё узнал, — от Романенко Светланы Борисовны, которая предложила мне сделку.

Сделка, длиною в тридцать с лишним лет... — горько сейчас.

Но тогда, мне было всё равно.

Я согласился.

Глава 39

Макаров

Я не хотел от жены ребёнка. Никогда.

Хоть и трахал её поначалу: жёстко, грубо, на грани.

Иногда нежно, когда закрывал глаза и представлял себе свою Наденьку, с которой у нас было всего несколько ночей, которыми я жил. Которыми я болел. Которые не мог ещё очень долго забыть.

Но стоило глаза открыть, или голос её услышать, всё сразу вставало на свои места, — видение исчезало.

Со временем воспоминания притупились, раны немного затянулись, и мне показалось, что я успокоился.

Только жену свою трахать перестал. Не смог её полюбить. А она ждала. Ждала и надеялась...

Если бы она ещё ребёнка своего привезла, создала бы иллюзию семьи, может я и отошёл бы тогда немного. Я ничего против её ребёнка не имел, да и парень он был неплохой. Нормально мы с ним всегда общались. Мне с ним было даже проще, чем с ней. От него я не ждал подвоха.

Но она решила, что у родителей ему будет лучше, и полностью посвятила первые годы нашей совместной жизни мне. Душила меня своим присутствием, каждый шаг мой пыталась контролировать. Дышать было нечем, воздуха не хватало. Иногда, думал, не выдержу...

Ушёл в работу. Пахал, как папа Карло, в тот период. Дома почти не появлялся. Работой жил.

Когда немного освоился, с долгами рассчитался, успокоился, осмелел. Гулять начал по чёрному.

Она знала всё, я особо и не прятался. Специально её злил, чтобы отпустила. Но она, как будто, ничего не видела, не замечала. Никогда не устраивала мне скандалов или разборок, даже если несколько дней меня дома не было. Не спрашивала ничего.

Сказала только однажды: не отпущу, не надейся, не для других я тебя отмазывала,

отмывала и в люди выводила. Не позорь меня, сделай так, чтобы никто ничего не знал. Могу разозлиться.

Знал, что не шутит. Помнил об этом всегда. Осторожничал, пока не окреп.

Да и любви я не искал больше, не верил в неё. Разочаровался, переболел, зачерствел. Думал, любовь не про меня. Не смогу я больше влюбиться. Ушло моё время безвозвратно.

Даже с Валькой, через время, смогли встретиться. Про жену его, я, конечно, не спрашивал, но и зла на него не держал. Общались вполне цивилизованно, не пакостили друг другу. Сохраняли нейтралитет.

А потом я встретил её — Зою, и втюрился в неё, как мальчишка.

Она была сногшибательной, невероятной была. И совсем не была похожа на мою первую любовь. Была полной противоположностью моей нежной Наденьки. Может поэтому я в неё и влюбился — я не сравнивал её с ней никогда.

Казалось, что она родилась уже такой порочной, расчётливой кошкой, которая гуляет сама по себе, наплевав на всех, кроме себя и своих желаний.

А мне так захотелось её забрать себе, приручить, посадить на цепь, спрятать от всех, наплевав на разницу в возрасте, и на её любовь к деньгам. Мне было не жалко для неё ничего.

Она взбодрила меня, вытряхнув из скорлупы, в которой я прятался долгие годы. Заставила меня снова страдать и беситься от ревности. Но вместе с этим появилась и надежда, что не всё у меня ещё потеряно. что есть шанс...

Я ожил, почувствовав сладкий вкус надежды и веры. Утонул в водовороте чувств и безумной похоти к ней.

Может это порода, конечно, у нас такая, — любить на разрыв, забывая про всё на свете, отключив, напрочь мозг. Не умею по-другому, как оказалось. Не получается.

Когда она ответила мне взаимностью, отшив всех своих ухажёров, я начал строить планы. Не предложил ей замуж, только из-за жены. Хоть, на тот момент мы уже и не жили вместе долгое время. Но я осторожничал с разводом. Хотел подготовиться. И очень хотел от неё ребёнка. Она знала об этом. Я не скрывал.

Когда мне доложили, что она трахается с сыном моего бывшего друга и моей бывшей девушки, думал, разорву его на мелкие куски, своими руками. Не знал тогда ещё, что он мой сын. Но воспоминания и старые обиды, обрушились на меня с новой силой. Ночами спать не мог, планы строил по уничтожению его бизнеса. Мечтал его разорить, растоптать, унижить. Лишить всего самого дорогого, что у него было, как он лишал меня последней надежды...

Решил, что не при каких условиях, не отдам ему ничего второй раз. И не прощу.

А потом, оказалось, что она трахается ещё и с Рыжим молокососом, при каждом удобном случае, и не только с ним...

Случись такое, раньше, по молодости, прибил бы, не задумываясь, всех.

А тогда, даже поговорить с ней сразу не смог. По-хорошему, надо было её выпроводить сразу на все четыре стороны, но я боялся не сдержаться и навредить ей чего доброго. Не встречался с ней несколько дней.

Решил его припугнуть, чтобы неповадно было в чужой огород лазить. Только этот мудака, блядь, которого мои орлы из службы безопасности нашли, вышел поссать, в самый неподходящий момент, и в спешке, газанул со всей дури, прямо на Рыжего...

Попал я тогда...

До кучи ещё и про сына узнал, от которого сам отказался и о котором мечтал долгие

годы.

Зое предложил выбор, даже содержание на какое-то время предлагал. Так хреново было от всего, что готов был её отпустить.

Да и в тягость такая любовь, по принуждению. Хотелось настоящей. Тепла хотелось, о котором уже забыл, но всё ещё мечтал, как оказалось.

Но она опять выбрала меня, пообещав его забыть. Только не смогла, как оказалось...

«Сучка похотливая» — думаю и уже, как будто, и не больно.

И всё равно, хочу этого ребёнка...

Петька влетает в кабинет, своей быстрой, уверенной походкой. Садится в кресло напротив, не спрашивая разрешения. Смотрит на меня, чуть прищурившись.

Откуда у него этот прищур? — от меня, сам себе отвечаю. Приятно, чёрт возьми, что сын, хоть что-то унаследовал от меня. Тепло становится.

Валера, как всегда, нетороплив и спокоен. Нервирует временами до трясучки своей вальяжностью. Собираю терпение в кулак и молча жду, когда он устроится и сообщит мне цель визита.

— Видел? — спрашивает, и кидает мне на стол копию договора.

В жар бросает, когда понимаю, что это такое...

Неужели она меня опять переиграла и все свои шансы на счастье я бездарно просрал?

Глава 40

— Поздравляю с новорожденной, папаша молодой... — радостно пробасила в трубку Зубайда, ошарашив меня долгожданной новостью.

Пульс моментально набирает обороты, разгоняя кровь по венам до запредельных скоростей. Уши закладывает, руки вспотели. Хочу ответить ей, но голоса нет. Никогда ещё со мной такого не было.

Думал, подготовился уже ко всему, за эти долгие месяцы, а вот сообщили, и всё: потерял контроль полностью. Ещё и ночью сегодня не спал, кошмары снились, мысли всякие разные в голове вертелись.

— Ты там жив вообще или как? — интересуется Зу, не услышав от меня ни звука

— Нормально всё. Когда? — выдавил из себя, наконец, и прокашлялся.

— Три дня уже как. Роды начались чуть раньше срока, но все показатели в норме. Рыженькая. Там, даже тест не надо делать. Хоро-о-о-шенькая, говорят, — неожиданно, нежно промурлыкала она.

Стало ещё хуже...

— Прикол хочешь? — слышу, как усмехается в трубку.

— Нет, — резко выпаливаю прорезавшимся голосом, — что-то разлюбил я приколы, в последнее время.

— Может это и не прикол, конечно, но мы пока ещё до конца не поняли ничего, — продолжает, как будто не слышит меня, — назвали Нэркес, — и замолкает, в ожидании моей реакции.

— Охренеть! — восклицаю, не в состоянии подобрать подходящие слова, а к волнению присоединяется ещё и паника.

Зубайда загадочно молчит, а меня вдруг прорвало:

— Макарова Нэркес Станиславовла? Ты шутишь? Быть такого не может! Блядь, — Утыкаюсь лицом в ладонь. — Не верю. Не верю, что такое возможно.

— Ну ты же хотел так дочь назвать, если я правильно помню, — поддевает меня она, —

так что вот, получите, распишитесь... — и ржёт.

— Но не Нэркес Ивановна же...

— Станиславовна, — поправляет

— Один хрен

— Да мы сами здесь в лёгком шоке пребываем, но Валера сказал, что уже оформили. И вроде как сам Макаров оформлял. Думаю, в ближайшее время, прояснится всё. Он, кстати, общался по этому вопросу с мужиками. Я просто не успела всё разузнать. Не удержалась, хотелось с тобой радостной новостью поделиться. Ты хоть рад? — спрашивает.

— Про договор что-нибудь знаешь? — вспоминаю о главном, не отвечая на её вопрос. Да и не осознал я ещё происходящего. Не могу до конца поверить, что стал отцом.

Я ведь её с нашей последней встречи, и не видел больше. Никогда не видел её беременной. Не прочувствовал весь этот процесс, не пропустил через себя. Только нервяк постоянный и сплошные сомнения. Временами казалось, что всё это неправда, — плод моего больного воображения, настолько всё это нереальным казалось.

Сейчас, когда узнал, что ребёнок точно мой, паника накрывает нешуточная, а в голове, как назло, ни одной нормальной мысли. Только страх. Страх за маленькую, хрупкую жизнь, которой грозит опасность. Из-за нас, — больших, сильных дебилов, не сумевших вовремя договориться и оградить её от невзгод.

Страшно до жути...

— Точно не знаю ничего... — Зу начинает говорить и замолкает, а меня аж трести начинает. — В общем, договор есть, — нокаут, — Но... вроде как Зоя не знала, что подписывала и Макаров тоже не знал. Там они, говорю же тебе, уже несколько дней, что-то обсуждают за закрытыми дверями, у меня просто ещё времени не было точно узнать всё. — Ты когда планируешь приехать?

А я как в невесомость провалился, ни одной мысли. Ничего не могу сообразить.

— Несколько дней мне ещё надо, чтобы дела закончить. Завтра в Испанию планировал на один день слетать, потом здесь всё закрыть и домой. Но если надо, то всё отменю и прилечу сегодня ночью, — с трудом возвращаюсь в реальность. — Ты правда думаешь, что жена его может ребёнка забрать? — голосом петуха выдаю, как подросток. Но как подумаю, что она у меня ребёнка заберёт, сжимается всё внутри.

— Не знаю Венер, — не врёт. — Давай подождём, о чём там мужики договорятся. Надеюсь, что найдут решение, которое бы всех устроило, только непросто это, — опять не врёт... — Не надо пока прилетать, ничего ты здесь не решишь, хуже только сделаешь. Додельвай свои дела спокойно, не дёргайся. Не бросим мы тебя. Найдём решение.

Сердце продолжает бахать, как сумасшедшее...

Не помню, как доехал до дома, не помню, как зашёл...

Дома все уже все уже за столом сидят, только меня не хватает.

Замолкли сразу. На меня уставились.

С утра Сара объявила, что ужинаем сегодня дома, полным составом. Завтра все выдвигаются в Испанию, отдыхать и развлекаться.

Первой подбегает сестра, прилетевшая, пару дней назад и получившая официальное разрешение встречаться с Алехандро.

Будь у меня времени побольше и ситуация не такая жопская, я бы может и поломался ещё, но всё сложилось для них благоприятно. Да и выглядели они эти дни счастливыми. Не хочу им мешать.

— Что случилось? — спрашивает, обнимая.

Лёха смотрит так, как будто уже всё понял. Киваю ему, — он мне кивает в ответ. Понимает меня без слов.

Решил, что нет смысла больше ничего скрывать. Ребёнка не спрятать, он уже родился. Да и не отказывался я никогда от ответственности за свои поступки.

Алинка растрогалась. Прослезилась. Начала меня успокаивать, гладить, говорить, что мы обязательно что-нибудь придумаем. Я даже пожалел немного, что рассказал ей всё. Не ожидал, что она так близко к сердцу всё воспримет. За маму испугался. Попросит пока ей ничего не говорить.

Как всегда взбодрила всех Сара, которая сначала вытаращила глаза, а потом успокоила: — Украдём, — заявила она, махнув рукой, — увезём к моим родителям на остров, там её не найдут, так что не переживай.

Даже я рассмеялся от её абсурдного заявления.

Но неожиданно стало легче. Как минимум один вариант спасения ребёнка появился.

К концу вечера, в себя немного пришёл. За разговорами, отвлёкся. Ситуация не стала казаться такой уж патовой. Расслабился. Успокоился.

Пока не получил сообщение:

' Наша дочь надеется на встречу со своим папой, и я тоже'

Глава 41

Говорят, первую любовь невозможно забыть...

Но я её не помню...

Вернее, даже помню, ту, белокурую, сероглазую девочку, с которой я сидел за одной партой в начальной школе. Она была необыкновенной. Или мне это сейчас так кажется, через годы? Помню, что никогда не дёргал её за косички, как все мальчишки этого возраста, для того чтобы оказать ей знаки внимания. Не дразнил её. Я ей всегда помогал и защищал её от оголтелых одноклассников. уж очень хрупкой и нежной она была. Тогда я был уверен, что когда вырасту, обязательно на ней женюсь. Но когда, в каком-то классе, сейчас уже и не вспомнить когда это было, она вдруг не появилась, — я благополучно про неё забыл...

И почти никогда не вспоминал...

А сейчас вспомнил, с лёгкой грустью...

Кто знает, что было бы с нами, если бы она не поменяла школу...

Может я не встретил бы тогда Зою, которой подарил всего себя, сразу, не мешкая ни секунды, а она перемолола меня в порошок, своей безжалостной мясорубкой, забрав себе даже мою душу, которую я пытался себе вернуть, все эти годы...

Я прилетел почти сразу, после звонка Зубайды. Через пару дней. Не смог оставаться вдали от эпицентра бурно развивающихся событий. касающихся непосредственно меня...

Дал себе слово, когда вылетал, что сделаю всё, от меня зависящее, чтобы оградить ребёнка от невзгод и опасностей.

И не буду делать глупостей, — напоминал себе каждую минуту...

Никому не сказал, что вылетаю. Только маме.

Сегодня нашей дочери неделя...

Сижу за столиком, огороженным, со всех сторон кадками с растениями и жду её, которую не видел девять месяцев.

Пульс моментально ускоряется при её появлении.

Я ничего не забыл. Помню, кажется, каждое мгновение, проведённое с ней. Помню, как

было сладко от её близости, как скручивало всё внутри от одного её взгляда...

И сейчас она идёт ко мне, своей летящей походкой, приковывая к себе взгляды окружающих.

Как всегда, красивая до безумия...

Но она не смотрит ни на кого.

Только мне она дарит свою улыбку.

Подходит, обдувая меня лёгким ветерком, наклоняется, целует в губы — я не отворачиваюсь, но и не отвечаю.

— Привет, — говорит и двигает стул ближе, — прекрасно выглядишь, — смотрит на меня внимательно...

В её глазах полный штиль, и ни капли сомнения.

— Ты тоже прекрасно выглядишь, — возвращаю ей комплимент.

И это правда. Выглядит она прекрасно, несмотря на то, что неделю назад, она родила ребёнка. Природа, так щедро одарила её красотой, что лимит на этом был исчерпан, и на другие качества просто уже не хватило ресурсов.

На её лице ни следа усталости. Её фигура всё так же безупречна. Если там и есть капелька лишнего веса, то всё это искусно скрыто одеждой, сидящей на ней безукоризненно.

— Смотри, — говорит и показывает фотографию на экране телефона.

Вожу пальцем по экрану не прикасаясь к стеклу, как замороженный. Сердце сжимается от нежности, при взгляде на этот маленький, спящий комочек. Пальцы ощущают тепло её кожи. Я, как будто, слышу её дыхание и задерживаю своё, перестав дышать, чтобы не помешать её сладкому сну.

Закрываю глаза на мгновение, ещё до конца не веря в происходящее...

Как долго я этого ждал. Как много я готов был отдать за эти минуты ещё совсем недавно. И вот, получил... но я совсем не рад...

Только выбора у меня больше нет...

— С кем она? — спрашиваю, уставившись опять на фотографию.

— С няней, — отвечает негромко, прижимаясь к моей руке, — у нас отличная няня, ей можно доверять, не переживай.

— Ты кормишь? — впервые смотрю на неё.

— Нет, — спокойна, даже расслаблена, — роды начались раньше срока, молоко так и не пришло.

Непроизвольно смотрю на её грудь, — она замечает это. Улыбается.

— Когда я могу её увидеть? — хочу продолжить, но отвлекаюсь на зазвонивший телефон. — Закажи, я сейчас подойду, — глажу её по спине, прежде чем встать...

— Я нашёл твою девочку, — начинает Валера, когда я ему перезвонил, отойдя на безопасное расстояние.

— Говори, — тороплю.

— Она сейчас в Москве, в Филатовской больнице, — напрягаюсь. — У неё больной ребёнок, проблемы с сердцем. Им выделили квоту. Она, наверное, поэтому так резко сорвалась. Но квота только саму операцию покрывает, а за ребёнком ещё и уход нужен. Да и жить где-то надо, Москва город дорогой, сам понимаешь. В общем, кабздец полный там у них. Мама её полы моет, везде, где может. Сама она ночами официанткой работает в ночном клубе. Снимают комнату в каком-то клоповнике, недалеко от больницы. С ребёнком всё хорошо, уже выписать скоро должны. Не знаю, правда, куда они потом планируют

возвращаться? Они свою квартиру в Мухоморске, выставили на продажу.

— В Балашове, — поправляю.

— Да один хрен. Ну сколько они за неё получают?

— Я куплю эту квартиру, — говорю без тени сомнения, — Это можно как-то срочно повернуть, чтобы она не ушла?

— Да не вопрос...

— Валер, помоги, очень надо, — прошу, потому что не знаю, что со мной будет завтра. Не знаю, смогу ли я её когда-нибудь ещё увидеть, — и можно как-то им денег перечислить? Не знаю, как лучше... Может помощь фонда какого-нибудь. Они никуда заявки не отправляли?

— Посмотрю Венер, это несложно, — серьёзен, как ни странно. Только это мне не помогает. Наоборот, подтверждает, что я в дерьме по уши, — поможем твоей девочке за счёт твоего же фонда, — впервые за весь разговор, поддевает меня. — Ты как там вообще? — спрашивает уже о другом.

— Не знаю, — честно отвечаю. — С кем ребёнок, в курсе?

— Всё в порядке с твоей принцессой, у Макарова она. Там сейчас самое безопасное и комфортное место для неё. Он, кстати, тут интересную мысль подкинул. Возможно, получится.

— Что за мысль? — хватаюсь за соломинку.

— Не скажу пока, не хочу тебя раньше времени обнадеживать. Так что к свадьбе готовься, выбирай невесту себе: помоложе, постарше... Советую постарше выбрать, умрёт, останешься богатым вдовцом — ржёт придуток. «Хороший знак» — отмечаю про себя, возвращаясь за стол с улыбкой.

— Венер, — начинает, дождавшись пока я сяду, и кажется немного озабоченной, — я не знала про договор, ты не подумай. Я нашего ребёнка ни за что никому бы не отдала. Мне там, в больнице столько разных бумаг приносили на подпись. Он, — замялась неожиданно, — ничего не разрешал мне делать без официального согласия. Все процедуры согласовывались и подписывались, мне просто надоело каждый раз всё это перечитывать. Но зато сейчас я свободна и мы можем пожениться хоть завтра.

Она великолепна в достижении своих целей. Она великолепна!

Я продолжаю улыбаться, потому что слова бессмысленны. Но мыслю, на удивление, чётко.

— Дай мне несколько дней, — прячу бушующую во мне бурю глубоко внутрь. Не хочу показывать никому, что чувствую. Особенно ей. — Я должен подготовить свою маму, — спокойно говорю...

Провожая её до машины. Целую, — она мать моего ребёнка.

Но сердце больше не откликается, молчит. Тоскливо от этого.

Смогу ли я её полюбить вновь?

Глава 42

Шлем, куртка, перчатки, несколько рывков газом, сцепление, щелчок первой передачи. Поехали.

Всё, — в голове пусто.

Пока едешь по городу, ты ещё о чем-то думаешь: о ситуации на дороге, о том, как ворчит движок, особенно когда долго его не слышал, но когда выезжаешь на трассу, мысли исчезают в момент. Только скорость и ветер, и адреналин по венам шпарит...

Три дня провёл в гараже, перебирая и смазывая своего «Ниндзю» голыми руками. Соскучился. По запаху бензина и смазки соскучился. По грязи под ногтями соскучился. И по скорости и ветру, бьющему в лицо, соскучился.

Там же, в гараже, решал вопросы с квартирой Николь...

Искал возможности помочь ей через сторонние фонды, чтобы она ничего не заподозрила, и не отказалась, ненароком. Кто знает, что у неё в голове, а ребёнок должен жить в нормальных условиях, да и она тоже. С врачами, оперировавшими её сына, удалось поговорить. Они успокоили. Всё, вроде, хорошо должно быть у него. Идёт на поправку. Выпишут уже со дня на день.

Сердце, каждый раз, сжимается в груди, когда думаю о ней. О том, как ей непросто сейчас, и как много пришлось ей пережить за это время. И ведь не сказала ничего, засранка. Ни словом, не обмолвилась. Ни одного намёка...

Значит, не заслужил я её доверия, — становится грустно. Неприятно даже, но чего уж, сам виноват.

Скучаю. Думаю постоянно о ней. И раньше думал, только ей об этом сказать не успел. Струсил. Не хотел форсировать события. Боялся обжечься в очередной раз. К каждому её слову придирался. Не доверял.

Не хотел больше слушать своё сердце...

Как она там, маленькая моя? Нежная. Чистая. Тёплая. Сладкая.

Набираю скорость и гоню, чтобы прочистить мозги. Ещё немного и, кажется, взлечу...

Зоя, зараза, так и не прислала фотографию дочери, как сквозь землю опять провалилась. В первый день мы ещё с ней переписывались, а потом она бесследно исчезла с радаров. Я особо за неё не переживал, привык за столько лет знакомства, что она гуляет сама по себе, наплевав на чувства других.

Но дочь?

Звонил каждый день Валере. Фомина тиранил вопросами.

Утверждают, в один голос, что ребёнок у Макарова, в полной безопасности и просят меня не дёргаться. А я не могу больше не дёргаться.

Так хочу её увидеть. На руки взять. Покачать. К груди прижать. Вдохнуть её запах молочный...

Да и надоела уже вся эта нервотрёпка. Уже хочется определиться и жить нормально, а не как последние семь лет... разрываясь на части...от боли.

Маме, наконец, всё рассказать, обрадовать её...надеюсь.

А то я с ней так и не поговорил. Не знаю, что ей рассказывать. Про ребёнка, — понятно. А что с договором?

Как подумаю, что, возможно, придётся на Зое жениться, так вздрагиваю. Не хочу, — перегорел. И переболел. Сердце больше не откликается. Молчит сердце.

Но ребёнка не отдам никому, тут даже обсуждать нечего.

Нервы распатавшиеся, в гараже успокаивал. Обломки старого на утилизацию отправил, не хочу больше тот период вспоминать. Забыть его хочу.

Нога больше не болит...

Ещё бы другие проблемы решить.

Мама грустить мне особо не давала, в одиночестве. То накормить ей меня надо, то напоить, то просто посмотреть на меня.

Откроет дверь, голову просунет и стоит, смотрит, а только отвернёшься, порядок

начинает наводить. Запчасти, за столько лет, научилась не трогать. А вот чашку мою гаражную, с чайным налётом несколько раз пыталась утащить, еле отбил. Никак не поймёт, что в гараже она такой и должна быть...

Светится вся, как девочка. Похорошела. Стесняется правда, суетится.

В первый день моего приезда, так вообще жениха своего прогнала. Ходила вокруг меня, хороводы водила, никак не могла решиться, рассказать мне о нём. Даже кольцо сняла, которое он её подарил, чтобы я ничего не заподозрил.

Сам попросил её меня с ним познакомить.

Рассмеялась, поняла, что всё знаю.

Посидели мы неплохо с её Семёнычем. Выпили немного, поговорили по душам. Он у меня руки мамы моей попросил, я ему свою не очень весёлую историю поведал. Попросил маму поддержать, если что...

Не осудил. Нормально всё воспринял. Помощь предложил. И удивил, — Светлану Борисовну не понаслышке знает, лично с ней приходилось общаться, потому как сын его старший, много лет приятельствует, как раз, с её сыном.

Подтвердил, что женщина она, и правда, неприятная. Но встречался он с ней крайне редко, в основном с родителями её общался, которые и занимались воспитанием её единственного сына, и который с мамой своей никогда особо близок не был, да и сейчас почти не общается с ней.

Как тесен мир. Знаю вроде об этом, но не перестаю удивляться этому каждый раз.

От помощи его не отказался, мало ли... Тем более, что у него в органах друзей и родственников немало служит, как выяснилось.

Рад за маму. Заслужила она своё счастье.

Погода неожиданно испортилась. Дождь пошёл.

Не сбавляю оборотов, наоборот, выжимаю максимум...

Мокро, опасно, но классно...

Именно то, что мне надо сейчас...

На развилке останавливаюсь, чтобы решить в какую сторону лучше рвануть. Телефон достаю, на карту посмотреть — звонков немерено: от Валеры, Зубайды, даже Пётр отметил.

Набираю последнего позвонившего:

— Зу, что там у вас?

— Блядь, ты куда пропал? Мы обыскались тебя. Дуй давай к Макарову быстро.

— Зачем?

— Не беси меня идиотскими вопросами, — судя по тону, и правда, лучше сейчас лишних вопросов ей не задавать, по опыту знаю, — дуй, говорю, к Макарову, а я парням позвоню, пока Фомин не поднял всех на уши, в поисках тебя любимого.

Глава 43

Пульс грохочет, в ушах звенит, в голове бардак...

Что ему надо от меня? — ни одной идеи.

— Явился, блядь, не запылится, — ласково встречает меня на входе Валера, и я сразу успокаиваюсь. — Мы тут все загсы уже обзвонили...

— Что? — удивлённо на него смотрю, не понимая, шутит он сейчас или серьёзно.

— Как что? — делает удивлённое лицо и разводит руки по сторонам. — Я тут смокинг фильдеперсовый на прокат взял за бешеные деньги, мечтал на твоей свадьбе свидетелем

быть, да вот видимо не судьба, — показательно тяжело вздыхает. — Снимай, давай свои говнодавы и иди руки мой, — показывает направление, — с грязными руками тебя до твоей принцессы не допустят. С этим тут строго.

«Придунок» — бурчу себе под нос.

А у самого руки трясутся от волнения, как у алконавта. Никак берцы расстегнуть не получается, вспотевшие пальцы соскальзывают. Хорошо, что Валера отвернулся, по телефону поговорить, не видит моего позора.

Надраиваю руки, ругаю себя, на чём свет стоит: под ногтями бензиновая грязь, линии на ладонях не отмоются ещё долго, — вот чем я думал?

Иду за Валерой. Дышу. Стараюсь успокоиться.

Дверь в детскую открывается, а я как дурак, улыбаться начинаю.

Макаров стоит около детской кровати с молодой женщиной о чём-то беседует: в спортивных штанах, футболке, босиком, и с пелёнкой на плече. Я его таким никогда и не видел. И если бы не Валера, то мог бы даже и не признать.

Улыбнулся нам, — надо же!

— Любаш, можешь идти пока, мы тут сами справимся, — тепло так обращается к ней.

— Можно я пока в магазин быстренько сгоняю? — спрашивает она.

— Конечно, я сейчас водителю позвоню, — говорит Макаров, а я уже никак не дождусь, когда они от кровати отойдут.

— Да что вы, тут ехать одну остановку, я быстро. Она даже проснуться не успеет, — бросает ему, и выбегает из комнаты, махнув нам всем рукой.

Иду к кровати, под чутким руководством Валеры, который меня в спину шпыняет легонечко. Сам думаю, как бы в обморок не грохнуться, засмеют ведь потом. Состояние прям предобморочное: слабость, головокружение, в глазах темно, ноги ватные, — полный набор.

Но вижу её, и всё проходит моментально.

Никогда не видел таких красивых детей. Никогда. Врут все безбожно, когда говорят, что дети рождаются страшенькими, — они прекрасны.

— Можно взять её на руки? — тихо спрашиваю у Макара, поигрывая пальцами от волнения.

— Любаша говорит, что нельзя, когда она спит, — не сразу втыкаюсь, кто такая Любаша, но послушно киваю и прячу руки за спину.

— Документы на тумбочке, — шепчет, показывая головой направление.

— Какие? — не понимаю его.

— Свидетельство о рождении и остальное. Она твоя...

— В смысле, моя? — туплю.

— Свою, я бы назвал по-другому, — усмехается. — и, я слишком сильно люблю эту малышку, чтобы так шутить. Надеюсь, ты разрешишь мне с ней встречаться...

— Ну как ощущения, папаша? — вклинивается в наш разговор Валера, а Нер заворочалась в своём коконе из пелёнок, недовольно побряхтывая.

— Т-ш-ш, — шипим с Макаром на него.

— Да я читал, что дети в таком возрасте не обращают внимания на шум, им можно тяжёлый рок ставить на полную мощь...

— Своим будешь ставить тяжёлый рок, — обрубает его Макаров...

— Зоя, где? — спрашиваю, не находя вокруг следов её присутствия...

И тут малышка заплакала...

Интуитивно хватаю её из кровати, и прижимаю к себе. Ощущения непередаваемые. Сладким бальзамом кровь по жилам растекается, когда она замолкает.

Но через минуту начинает рыдать ещё громче...

— Дай её мне, — тянет руки Макар, — она просто тебя не знает ещё.

Мне не хочется выпускать её из рук, но он прав, и я аккуратно передаю ему сладкий комочек.

Но она не успокаивается. Захлёбывается просто плачем. Изгибается вся. Паника нереальная накрывает.

— Может голодная? — спрашиваю.

— Да нет, вот только покушала, — покачивает её на руках, — безрезультатно.

— Может я попробую? — предлагает Валера, а мы с Макаром только головой недовольно мотаем.

— Сейчас Любаше позвоню, узнаю что делать, — вытаскивает телефон, но позвонить не успеваю.

Пётр в комнату заходит:

— Что, не справляетесь? — ухмыляется довольно. — Хреновые няньки из вас, — и спокойно так идёт мыть руки.

— Пе-еть, — орём в три голоса и следуем за ним.

— Иди-ка сюда моя красавица, — умело берёт её одной рукой под попку, второй придерживает головку.

Мы притихли.

Смотрит на нас, недовольно головой покачивает и нарочито ласково говорит: — придурки, у неё подгузник переполнен, вас бы в обкаканные штаны всех посадить, посмотрел бы я на вас... — начинает быстро её разворачивать.

Да так умело, что мы стоим все втроём и пялимся на них, как замороженные. — Учитесь, пока я добрый, — подмывает её не спеша. Макар ему какие-то прибабасы подаёт: мазики там, кремики разные, подгузники.

Мы с Валерой не лезем. Стоим молча в сторонке, только головы вытягивая. Подсматриваем.

Не мешаемся под ногами, когда Пётр её в кровать укладывает, чуть на руках покачав.

И так уютно вдруг становится. Спокойно так.

Сидим, тихо переговариваемся. Посматриваем на неё иногда: как она сладко чмокает во сне и как улыбается...

— Где она? — повторяю вопрос.

— Я сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться, — Макар усмехается, и кажется, совсем не расстроен, — она уехала, у неё всё хорошо.

Я молчу, не понимая до конца, что он имеет в виду.

— Думаю, что она вообще пока не готова к детям, — говорит абсолютно спокойно, — не пришло её время.

А до меня, как до жирафа, начинает доходить....

— Она подписала отказ? — уточняю у него.

— Подписала, — подтверждает.

Не знаю, я, наверное, должен радоваться сейчас этой информации, но я не рад. Непонятные ощущения причастности к чему нехорошему, грязному, некрасивому, —

оставляют неприятное послевкусие, которое, впрочем, вскоре проходит.

— А договор?

— Я отозвал развод, уничтожили мы договор. Так что ты свободен, Венер.

— Ух... — не знаю, что ему сказать на это. Не знаю, как благодарить...

— Оставишь мне её пока? — не ждёт благодарности, — пока комнату готовишь и вообще... Ты хоть школу молодых бойцов-то прошёл?

— Нет, а в какую лучше? — мне даже в голову такое не приходило.

— Пошли вместе, — предлагает Валера, — мне тоже надо.

Да ты что? — не успеваю удивиться, как в комнату вбегает раскрасневшаяся Любаша:

— Ой, как вас много! Не плакала? — окидывает нас всех внимательным взглядом.

«Нет» — все, как один, мотаем отрицательно головой.

— Молодцы какие, даже переодеть её смогли, — восхищённо смотрит на нас, а мы на Петра. — Всё мальчишки, можете идти, мы тут сами справимся. И спасибо Станислав за машину, — добавляет, а я опять туплю, не понимая, к кому она это обращается сейчас, втихаря оглядывая присутствующих.

— Та-ак, — начинает Петя, как только мы выходим из детской, — в школу эту, куда он ходил, — показывает на Макара, — не ходить. Хуёвая школа, если вы ребёнку подгузник поменять не смогли.

— Да я растерялся просто, — оправдывается Макар, — разволновался. Ребёнок неделю у меня всего, не освоился ещё, — честно докладывает, как школяр, какой-то. — А ты в какую школу ходил? — серьёзно спрашивает у него, — тот только ржёт зараза.

— Да ни в какую я не ходил. Как-то само всё пришло... даже мысли не было в школу пойти. Но вы можете попробовать, — тычет в нас с Валерой пальцем, вдруг поможет...

— Пойдём Венер со мной, для тусы, — предлагает Валера, — а то я прям волнуюсь...

У меня сегодня день сюрпризов просто. Смотрю на него и не понимаю ничего...

— Я же тебе сказал, я стараюсь, — шепчет мне загадочно...

Ладно, потом уточню, решил для себя.

Я всё ещё не верю, в то, что сейчас происходит. Не верю, что после стольких лет борьбы и лютой ненависти, мы сидим с ним за одним столом и нормально общаемся.

Не верю, что он пошёл на это, — отказался от развода, от своей персональной, многолетней тюрьмы и долгожданной свободы.

Ради моей дочери.

Глава 44

Пока лечу в Москву, есть время подумать...

Волнуюсь, конечно. Не знаю, как она меня встретит, как воспримет всё. Я же ведь сейчас не один. Я — отец-одиночка.

Да и вообще, всё у нас с ней непросто складывалось, неоднозначно всё. Не понятно.

Но мне нужна она. Только она, и я сделаю всё возможное, чтобы она была со мной. Навсегда.

И моей дочери нужна мать.

Сразу вылететь не получилось, столько вопросов необходимо было решить, но она ещё там. Я подсматривал за ней. Помогал, как мог, хоть она об этом и не узнает. Не хочу, чтобы знала. Не хочу, чтобы из чувства благодарности со мной была. Хочу всё по-настоящему. Хочу по любви.

В тот день, мы долго у Макара сидели. Разговаривали. Обо всём разговаривали. О нашей

непростой ситуации, о Зое, которая так и не изменилась, к сожалению, и, которую, он до сих пор любит.

В полной мере тогда осознал, как мне повезло, что я встретил Николь, у которой каким-то волшебным образом получилось выбить дурь из моей головы.

У меня, как будто, шоры с глаз упали и я увидел свет. И понял, что такое любовь.

Люблю её безумно...

Макар не падает духом, надеется, что со временем его отпустит, и он найдёт свою единственную.

Я тоже на это надеюсь. Он столько сделал для меня. Для нас.

Словами не передать, как я ему благодарен.

Желаю ему, чтобы он уже развёлся, наконец, и обрёл долгожданную свободу. Он отбыл свой срок сполна.

Верю, что получится у него всё, как он задумал. Что вариант с Андреем, — его пасынком, сработает. Что тот сможет подействовать на свою мать и образумить её. Ну а если не сможет, то, что ж, придётся применять к ней её же методы воздействия, — компромат и шантаж. Благо, компромата на неё и на её сына, нарыли предостаточно за этот период.

Очень сильно поменял я мнение о Макарове. Да все поменяли, даже Пётр.

Никогда раньше не думал, что он может быть вот таким благородным, и умеет так беззаветно любить. Он окружил мою дочь такой заботой, что не растрогаться было просто невозможно. Из него бы получился прекрасный отец, не сомневаюсь в этом.

Мама моя тоже всё восприняла нормально, спасибо Семёнычу. Поддержал меня в сложный момент, помог подобрать правильные слова, чтобы всё ей объяснить.

Она плакала, конечно, не без этого. Её у меня, хлебом не корми, дай поплакать. Но внучку свою из рук долго не выпускала. Даже мне, отцу родному, не давала её подержать. Насмотреться на неё не могла. Так и ушла, в первый день знакомства, спать с ней.

Обрадовалась, когда узнала, что я к Николь еду, — она ей очень понравилась тогда, в Италии, когда они познакомились. Мама постоянно у меня про неё спрашивала, интересовалась делами её, вопросы разные наводящие задавала.

Хочу Николь домой привезти.

Поэтому, в срочном порядке, пришлось в квартире шмон наводить: детскую обустроить, мою комнату в порядок приводить. Плакаты я, конечно, не позволил трогать, но всё остальное согласился поменять.

Ребёнок должен в нормальных условиях жить. И у неё ведь тоже ребёнок, надо всех куда-то расселить. Мама свою комнату освободила, к Семёнычу жить переезжает. Хорошо, что он живёт через дорогу. Очень удобно.

Макаров мне предлагал, оставить пока у него Неркэс, но я уже не мог терпеть. Очень хотелось её себе забрать. Спать её укладывать, просыпаться вместе с ней, гулять. Наблюдать, как она меняется каждый день. Расти вместе с ней, учиться. Становиться лучше.

И она у меня, просто красавица. Ребёнок невероятный получился, хоть и неожиданный. Но очень всеми любимый.

С Макаром договорились, что он может брать её в любое время, я не против. Он всё-таки с ней девять месяцев рядом провёл.

Как никто, заслужил.

Прошу остановить меня у цветочного магазина, когда уже подъезжаю к дому, где живёт

Николь.

Волнение опять накатывает, сердце бахает, как сумасшедшее...

Надеюсь, что она дома. Что не ушла гулять с сыном. Его выписали уже. Всё у него хорошо, только ещё какое-то время нужно будет наблюдаться у врачей. А когда окрепнет, он даже спортом сможет заниматься, если захочет.

Ему скоро три года, — большой уже.

Надо будет как-то ещё и его любовь заслужить, а это непросто. С детьми вообще всегда непросто, они ошибок не прощают и видят тебя насквозь, как бы ты не маскировался.

Не знаю, какие цветы выбрать? Розы — банально, не хочу розы сегодня ей дарить.

Взгляд цепляется за пионы, — красивые. И аромат сногшибательный, мне нравятся. Надеюсь, ей тоже понравятся.

На четвёртый этаж поднимаюсь без лифта, бегом.

Звоню...

Никаких признаков жизни...

Заношу руку, чтобы ещё раз позвонить, но дверь открывается... — Николь в тёмном коридоре стоит, даже свет не включила. Заспанная. Худенькая, бледненькая.

И очень красивая.

Смотрит на меня ошалевшим взглядом. Понять ничего спросонья не может.

Я улыбаюсь, как дурак, иду на неё.

Обнять её хочу. Поцеловать.

Но вместо этого букет ей под нос сую.

Она берёт букет двумя руками. Щёки её вспыхивают так, что в темноте заметно, глаза блестят, вот-вот заплачет, плакса моя.

Прячет лицо в цветах...

А я стою, рассматриваю её. Соскучился.

Только она вздрагивает, вдруг, неожиданно. Бледнеет вся, букет мне в руки обратно суёт, и... убегает.

Чёрт!

Не понравился? — стою в замешательстве. Не знаю, что с этим букетом делать теперь. Не знал, что девушкам цветы могут не понравиться. Впервые со мной такое.

Открываю дверь и прямо на площадку их кладу. Выброшу потом.

Иду за ней, — она в ванной закрылась.

Прислушиваюсь, — вода льётся и... звуки...

Блядь, дебил. Доходит, вдруг до меня.

— Ники, открой, — стучусь тихонечко. Сам улыбаюсь.

Не отвечает.

— Открой, говорю, дверь сейчас выломаю...

Открывает....

На глазах слёзы блестят, губы ладошкой вытирает...

Взгляд испуганный на меня поднимает...

— Я всё тебе верну, — шепчет и шмыгать начинает.

— Вернёшь, конечно, — обнимаю её, — с процентами, — сам к губам её тянусь.

— Не надо, — лицо отворачивает, — мне плохо было.

— Давно тебе поплохело? — прижимаю её к себе аккуратно, запах её офигенный вдыхаю.

— Да вот, сейчас только, а так вроде ничего, нормально всё было...

Из коридора шум доносится, голоса...

Мы не реагируем, так и стоим в ванной, в обнимку.

Она уже сама меня обнимает, лицо своё прячет у меня на груди. Всхлипывает. Я глажу её всю, запах её в себя вдыхаю, надыхаться не могу. Так соскучился, нереально просто...

— Ники, прикинь, кто-то цветы нам под дверь положил, — женский голос...

— Мам... — пытается выпутаться из моих рук, но я не выпускаю. Крепко держу...

— Ой... — мама её с букетом стоит, на меня испуганно смотрит, а Ники сразу лицо в ладошки прячет. Хочу этот букет выкинуть, но с места сдвинуться не могу. — Господи! — вдруг вскрикивает мама, ладошкой рот закрывает.

Я ошалел немного в этот момент. Никто меня никогда так не называл. Не представляю даже, что на это заявление ей ответить. Ники притихла, не дышит стоит.

— Папа! — вдруг раздаётся звонкий голосок белобрысого мальчугана, похожего, как две капли воды, на свою мамочку.

— Тш-ш-ш, — зашипели одновременно на него Ники с мамой, а он плевать на них хотел, руки ко мне тянет.

— Иди ко мне Егор, — подхватываю его на руки, — один ты меня признал...

— Венер, — мама отмирает, наконец, — я думала, моя дочь с ума сошла, — плакать начинает. Понимаю теперь, в кого Ники такая плакса. — Она с твоими фотографиями разговаривала...

Мы так и стоим в ванной втроём, обнимаемся, пока мама за журналами убегает.

— Папа, — тычет в мои фотографии пацан, за шею меня обнимает...

Эпилог 1

Чуть более года спустя

— Ники, — не бери её на руки, она уже тяжёлая, не надо ей во всём потакать, — целую жену в макушку и грожу дочери пальцем, изо всех сил пытаюсь натянуть на лицо серьёзное выражение.

— Ничего не случится, если я её немного подержу на ручках, — берёт маленькую манипуляторшу на руки, не обращая внимания на недовольного папочку.

Вот так всегда! — эти девочки крутят мною, как хотят.

Мы стоим в очереди на паспортном контроле, в Милане.

У меня в слинге спит наш младший сын — Алан, и с ним сейчас меньше всего проблем, главное вовремя накормить, да подгузник поменять.

Егор сидит в тележке на чемоданах, и ему никто не нужен, — планшет у него. Он сегодня очень занят. Так-то строгие родители не разрешают ему особо телефонами и планшетами баловаться, но сегодня можно, потому что перелёт с детьми — это полный треш. Попробуй-ка объясни детям, что в очереди на паспортный контроль, нужно стоять, а не бегать. А потом в самолёте, желательно весть перелёт спать, а не развлекаться и не орать. Ни разу у нас такого ещё не было.

Вот и сейчас, Нэр хочет играть.

Она ещё, засранка такая, никого кроме Ники не признаёт. Ревнует её страшно ко всем, даже ко мне.

— Ты её балуешь, — говорю Ники на ухо, но сам уже почти сдался.

— Я её люблю...

— А меня? — пытаюсь её поцеловать, но дети наши не дремлют, — подсматривают.

Даже Егор от планшета оторвался. Да и окружающим вдруг стало интересно, чем это тут занимается большое и шумное семейство.

— Я тебе сегодня уже говорила, — хихикает стоит в обнимку с дочерью.

— Скажи ещё раз, — не сдаюсь и подставляю ей ухо...

Мне и, правда, нужно это слышать. Каждый-каждый день. Нет, несколько раз в день, а лучше каждый час, каждую минуту...

Иногда кажется, что это у меня последствия психологической травмы, полученной в отношениях с Зоей, которые я до сих пор до конца не пережил. Хотя я и не вспоминаю совсем про неё почти. Даже Нэр, мне о ней не напоминает. Дочь похожа на меня и на Ники, и ни на кого больше.

Правду говорят, что ребёнок похож на того, с кем проводит время, и кто его больше всего любит. У дочери даже улыбка жены, все это отмечают.

— Тебя больше всех...всегда, — шепчет мне на ухо, а я расплываюсь в счастливой улыбке.

— Давай я её на шею посажу, — предлагаю и протягиваю дочери руки.

— Нет, — категорична, — не хочу, чтобы мой муж раньше времени сил лишился...

— Ники, Ники, — пытаюсь её погладить, — когда такое было?

Смеётся...

Год у нас выдался, насыщенным, немного безумным и... очень счастливым.

Поженились мы с ней почти сразу. Этот вопрос даже не обсуждался. Мне нужно было, чтобы она уехала со мной, а для этого ей нужны были документы на выезд.

Я не рассматривал вариант: жить с ней на две страны. Она должна была быть рядом со мной по любому. Тем более, что она уже ждала ребёнка и я хотел видеть, как он растёт и развивается. Хотел прожить вместе с ней её беременность, а не смотреть на её растущий живот по телефону.

Ники предлагала просто посидеть тихо-мирно, но все как понаехали, так что было не отвертеться. Пришлось делать, как положено: платье, смокинг, кольца, гости и свадебное путешествие. Спасибо бабушкам.

Бабушки нас спасали, и когда младший сын родился. По очереди к нам приезжали, помогали, как могли. Тем более, что мне периодически приходится мотаться по странам, не люблю её одну оставлять. Тяжело с тремя детьми.

Няни, конечно, тоже присутствуют в нашей жизни. Егору сразу итальянку нашли, чтобы он язык осваивал. Малым русскую учительницу, чтобы язык правильно учили, без акцента разговаривали.

Но ни одна няня, никогда, не сравнится с нашими бабушками.

К тому же Ники, планирует продолжить учёбу. Сказала мне, что с четвёртым, придётся подождать. Я жду...

— Ой, вот это встреча! — слышу рядом радостный женский голос, когда мы с Егором ждём маму с малышами около детской комнаты.

Смотрю на девушку, держащую девчужку за руку и ни одной идеи, кто это такая.

— Вы не узнаете меня? — радостно щебечет, — мы с вами летели год назад или чуть больше в одном самолёте...

— А-а-а, — смутно начинаю припоминать, — как ваши дела? — подмигиваю девчужке, та начинает улыбаться радостно, а я сразу вспоминаю её розового пони у себя между ног.

— Это ваш сын? — мама её прерывает наши гляделки.

— Да, это мой папа, — отвечает за меня Егор, и опять втыкается в планшет.

— Не думала, что у вас есть дети, — с непонятной интонацией в голосе выдаёт девушка.

— У него трое детей, — подходит к нам Ники, недовольно нахмутив брови.

Я непроизвольно улыбаюсь, глядя на её недовольное выражение лица, забираю у неё младшего, чтобы устроить его у себя на груди, в слинг.

Девушка растеряно машет нам рукой, промямлив напоследок что-то типа: — всего хорошего. Увидимся в самолёте.

— Ревнуешь? — обнимаю жену.

— Смотри у меня! — грозит мне пальчиком, поджав губы, а глаза смеются. Чёртики в глазах.

— Ники, — наклоняюсь к ней и шепчу: — только ты Ники, только ты. Только тебя люблю...

Эпилог 2

Чуть более года спустя

По сложившейся уже традиции, встречаемся у Фоминых.

Каждый раз, когда я прилетаю домой, мы обязательно едем к ним в гости. Сегодня едем со старшими, малого на бабушек оставляем. Хотел вообще всех оставить им, чтобы Ники немного отдохнула от детей, но тут Динара встала в позу и потребовала привезти ей Нэркес, а дочь её потребовала Егора. Пришлось подчиниться.

Тем более, что едем мы к родителям Петра. Там красота и раздолье, места всем хватит. Да и няnek предостаточно.

Хочу там домик присмотреть в этом году. Семья разрослась, когда все собираемся, места уже на нашей крохотной дачке нам не хватает. Пришло время расширяться.

Пока обустроимся, может Ники у меня и на четвертого согласится...

Улыбаюсь сам себе и целую её, — она окликается сразу.

Счастье фонтаном просто по нутру разбрызгивается, греет...

Ещё и Алехандро, частенько к нам приезжает, сестру проведать. Как только окно в графике, так он к ней. Она учится последний год, не может пока переехать. Но он ждёт её. Я слежу за ним...

Да и мама Николь, почти уже у нас живёт. Надо её тоже окончательно перевозить. Нечего ей там одной делать, никого там у них нет больше.

Мы с Ники, так вообще туда ездили, только когда её бывшего мужа искали, чтобы документы на Егора оформить. Неприятной у нас тогда с ним встреча вышла, но разрешение он нам дал. Сумел я для него правильные слова найти, пришлось ему со мной согласиться.

Сегодня, возможно, даже Лёха с Сарой заедут. Они ещё пока никого, кроме собаки не завели, но активно готовятся к свадьбе. Рад за них.

Дина бежит нам на встречу, улыбается. Совсем не изменилась. Всё такая же быстрая, худенькая и не скажешь, что мать двоих детей.

— Мы вас заждались уже, — обнимает жену мою. — Иди ко мне, — протягивает руки Нэр, — там только тебя не хватает...

Дочь, наконец, сползает с рук любимой мамочки...

Егор убегает, не попрощавшись, ему приглашение не нужно, он уже здесь всех знает.

— А вы чего не полным составом? — подходит к нам счастливая Зу, пока Валера о чём-то серьёзно беседует на горизонте со своими пацанами-близнецами, как две капли воды на него похожими.

— Да бабушки же у нас, — отвечает Николь, — они детей вообще нам отдавать не хотели.

— Так надо было вам вместе с бабушками приезжать, — подключается мама Петра. — у нас здесь места всем хватит. Так что жду вас в следующий раз полным составом, вместе с бабушками.

— Привет, отец-герой, — появляется Пётр, — ты надолго в этот раз?

— На месяц, может больше получится. Ники то уж точно оставлю отдохнуть, пока погода стоит.

— Я тут Дину на третьего уговариваю, — хитро смотрит на жену, — не могу пережить, как это ты нас тут всех уделал и пальму первенства у меня отнял. Ночами не сплю, думаю, планы строю, как тебя обогнать...

— Петь, мы же договаривались, — Дина пытается серьёзно разговаривать, но он не даёт, то плечико ей поцелует, то щёчку...

— В общем, — подключается Зу и дело сдвинулось с места, а то мы уже устали новостей ждать, — Дина школу свою открывает, если её любимый муж опять в декрет насильно не зашлёт...

— Ты чего такое говоришь? — Петя, наконец, отрывается от ненаглядной своей и даже брови хмурит, — у меня жена, девушка независимая, как скажет, так и будет! — все естественно заржали на этом месте, даже он сам. — Но у нас такие дети получаются... — глаза закатывает, — нам просто грех не размножиться, — подмигивает своей дочери, та радостно с ним соглашается, — кивает в ответ.

— Какую школу Дин? — вклиниваюсь с вопросом.

— Школу танцев, какую ещё я могу открыть. Зу, к нам администратором пойдёт. Мы уже даже ремонт сделали, классы подготовили. Так что, — обнимает мужа, — придётся немного подождать, — тот вздыхает показательно тяжело и поднимает руки, в подтверждающем жесте, — Ты не хочешь к нам? — спрашивает у меня.

— Нет, в ближайшее время точно нет, у меня там контрактов на несколько лет вперёд. Да и семья большая, сама понимаешь, нужно сначала подушку безопасности подготовить, обеспечить всех, прежде чем на любимую работу уходить. У тебя муж добытчик...

— О-о, — не успеваю договорить, Пётр оживает, — у меня новый проект. Идём к нам инвестором...

— Конечно! — соглашаюсь сразу. — Обсудим потом. — А ты решила всё-таки поменять работу? — поворачиваюсь к Зу...

— Решила, хочу с детьми больше времени проводить. Не факт, конечно, что там делать будет нечего, — смеётся таким родным до безобразия баском, — но точно уж будет поспокойнее. Да и есть у меня теперь добытчик, можно не напрягаться особо, да? — поворачивается к счастливо улыбающемуся Валере.

— И дочь мы тоже хотим, — заявляет, почти серьёзно. — И свадьба у нас, кстати, скоро.

— Ну наконец-то, — выдали все присутствующие почти хором...

— Да, пришлось постараться, — Валера встаёт, приосанивается, — так что, приглашаю всех здесь присутствующих на это знаменательное событие! Официально! — объявляет.

Кажется, наша Родина-мать, слёзы пытается спрятать, отвернувшись.

Радостно за них, как за себя...

— Решили, что вам пацанов маловато будет? — спрашиваю у Валеры, когда девчонки

наши увлечённо начали обсуждать какие-то свои темы, забыв о нас несчастных.

— Да, обязательно. Девочка нужна, знаешь же, пацанов даже не побалуешь особо, а так хочется иногда. Но решили найти себе уже готовую принцессу. Не хочу больше здоровьем женщины своей рисковать, тем более что она замуж за меня наконец выйти согласилась. Можешь посоветовать кого-нибудь, ты же у нас детские фонды курируешь?

— Любашу помнишь? — спрашиваю и жду его утвердительного кивка. — Она мне сейчас в этих вопросах помогает. Макаров мне её порекомендовал, кстати, когда-то. Вот такая женщина, — показываю большой палец. — К ней обратитесь, она вам поможет.

— Он развёлся, знаешь? — присоединяется к нам Пётр.

— Знаю, — киваю. Он Нэр забирал к себе, поболтали немного. Сказал, что всё прошло почти гладко. — Улетел он сегодня.

— Надеюсь, что нормально там всё у них будет, — продолжает Пётр. — Напомнил ему, что он всегда может на нас рассчитывать. Блядь, — добавляет недовольно после паузы. — Я уж думал он забудет про неё.

— Да я тоже спал и мечтал, что она исчезнет из нашей жизни навсегда и не будет мне мозг выносить из-за ребёнка...

— Да может и не будет, если всё у них сложится. Ситуация сильно поменялась. Не будет она особо выёживаться. Похоже, не сладко там ей пришлось.

Не нравится мне всё это, но тут уж ничего не поделать. За свои поступки приходится отвечать. Всем. Без исключения. И мне тоже, рано или поздно, придётся всё рассказать своей дочери.

Я не боюсь. Волнуюсь немного, но не боюсь. Главное, хорошо подготовиться. И я готовлюсь.

Так-то всё просто на самом деле, когда любишь, тебе даже думать не надо...сердце всё решает за тебя...

Больше книг на сайте - Knigoed.net